

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1982

На ферме — образцовый порядок.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2847)

6 ФЕВРАЛЯ 1982

ТРУДОВА

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото
Анатолия БОЧИНИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

В сельском книжном магазине.

Еще издали, подъезжая к усадьбе колхоза «Первое Мая», я вспомнил пословицу, которую слышал здесь, в Снятынском районе, несколько лет назад. Тогда пожилой селянин, рассказывая о председателе колхоза Юстыне Тодоровиче Личуке, заметил уважительно: «Мясо хорошо в пирогах, река — в берегах, а хозяин — во дворе».

Личук действительно на протяжении более сорока лет так вел колхозное хозяйство, что за это время ни одна семья не уехала искать счастья на стороне. А это, как справедливо считал сам председатель, самый убедительный показатель колхозного благополучия. О лучшем вожаке здесь и не мечтали. И вдруг новость: Личук в конце минувшего года попросил на собрании отставку. Зал загудел, хотя все понимали, что срок этот рано или поздно наступит, но сердцем все настолько сроднились с испытанным вожаком, что его просьба оказалась неожиданной.

Пришлось секретарю парткома Василию Ильичу Малейкину объяснять положение. Ведь Юстыну Тодоровичу за восемьдесят перевалило. А так как работать вполсилы он не привык, то и высказал свою просьбу во всеуслышание, по-партийному прямо и откровенно. Просьбу скрепя сердце уважили.

— Оставим почетным председателем колхоза,— донеслось из зала.— Ведь его знания и опыт еще нам пригодятся.

Личук прожил большую и трудную жизнь, которой хватило бы не на один роман. Почти сорок лет батрачил. Спасаясь от голода, искал счастья на чужбине (в поисках работы пешком исходил Канаду вдоль и поперек). После участия в первомайской демонстрации в городе Торонто покинул негостеприимную землю. Вернувшись на родину, принимал активное участие в создании прикарпатских колхозов. Не единожды стреляли в него по ночам, пытались заживо сжечь в собственном доме. Да сколько всего было — и не расскажешь. Но крепла Советская власть в этих местах, и, сроднившись с ней на всю жизнь, Личук, как сам говорит, «впрягался в любую работу в свое удовольствие». А вскоре стал одним из лучших колхозных вожаков не то что в Прикарпатье или на Украине, а во всей стране. Две звезды Героя Социалистического Труда украшают его грудь и свидетельствуют о незаурядных организаторских и деловых качествах старого председателя.

В кабинете его преемника Ивана Алексеевича Куфлюка, на том же самом месте, где и прежде, остались висеть «заповидныки Личука», придуманные самим Юстыном Тодоровичем. «Человек богат не большими доходами, а малыми расходами» — так наставлял он тех из молодых, кто пробовал «болеть» накопительством и вещизмом. Или: «Чистого и огонь не обожжет, а грязного и вода не отбелит» — это в адрес любителей обогатиться нечестным путем. Но больше других пословиц сам Личук любил эту: «Производству важнее не оправдание, а работа!» Это был главный девиз, его жизненная позиция коммуниста. И люди, глядя на своего председателя, подтягивались, находили скрытые резервы собственных возможностей. Яркий пример тому — достижение доярки Прасковьи Сухолитки, которая в тяжелый неурожайный первый год одиннадцатой пятилетки сумела надоить от каждой коровы по 5081 килограмму молока, намного перекрыв взятые обязательства. Да одна ли она работала так в этот трудный год? И животноводы, и трактористы, и полеводы вкладывали максимум сил и умения для того, чтобы их родной колхоз сохранил свое доброе имя передового хозяйства. На общем собрании было единогласно решено поддержать почин животноводов Черкасской области.

Юстын Тодорович Личук.

Новый голова Иван Куфлюк публично обязался — и это звучало как присяга — и «впредь твердо следовать линии Личука». А это значит — заботиться о людях, проявлять настойчивость в преодолении трудностей, получать наивысшую отдачу от вложенных средств, улучшать организацию труда, племенное дело, укреплять кормовую базу.

Иван Куфлюк впервые самостоятельно держал слово перед односельчанами. Давая анализ успехам черкассцев, который сложился за счет того, что решающие участки производства у них укреплены инициативными кадрами, а работники ферм смело и широко используют опыт передовиков, новый председатель то и дело поглядывал в зал, где сидел Личук, и по глазам своего предшественника видел, что тот доволен. А это значило, что трудиться им бок о бок и преодолевать новые высоты вместе.

Зима в Прикарпатье нынче снежная. Местные старожилы предвещают: «Это к доброму урожаю». Снега снегами. Но здесь умеют и упорно трудиться, бороться за то, чтобы наращивать производство продукции полей и ферм. И в этом залог того, что первая весна нового председателя колхоза «Первое Мая» будет удачной.

Ивано-Франковская область.

Молочный цех.

Я ЗАПОВЕДЬ

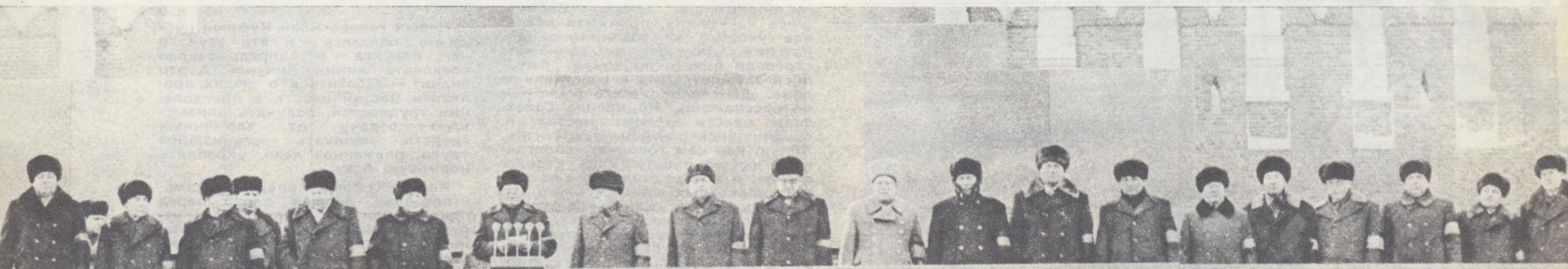

В почетном карауле — руководители Коммунистической партии и Советского государства.

ПОХОРОНЫ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА СУСЛОВА

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Москва. 29 января 1982 года. Траурный митинг на Красной площади. На трибуне Мавзолея В. И. Ленина.

Красная площадь. Руководители Коммунистической партии и Советского государства, родные и близкие М. А. Суслова у могилы.

МОСКВА ПРОЩАЕТСЯ С М. А. СУСЛОВЫМ

Коммунистическая партия, советский народ понесли тяжелую утрату. Перестало биться сердце Михаила Андреевича Суслова — видного деятеля Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР.

На всех постах, которые М. А. Суслову доверяли Коммунистическая партия и народ, он проявил себя выдающимся организатором, несгибаемым борцом за великое дело Ленина, за успешное решение задач коммунистического строительства. Являясь крупным теоретиком партии, М. А. Суслов многое сделал для творческого развития марксистско-ленинской теории, твердо отстаивал ее чистоту.

М. А. Суслова отличали большевистская принципиальность, требовательность к себе и другим, исключительное трудолюбие, умение творчески подходить к острым и сложным вопросам современности. Человек большой души, кристальной нравственной чистоты, исключительной скромности, он снискал себе глубокое уважение в партии и народе.

...Дом союзов. На фронтоне здания — в траурном обрамлении портрет М. А. Суслова. 28 января здесь, в Колонном зале, на высоком постаменте среди цветов был установлен гроб с телом покойного.

Перед постаментом на алых подушечках — награды, которыми были отмечены большие заслуги М. А. Суслова перед Коммунистической партией и Советским государством: две золотые медали «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда, пять орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции и Отечественной войны I степени, многие медали СССР, а также награды ряда братских социалистических государств.

Над изголовьем приспущены алые полотнища знамен. Красно-черными лентами задрапированы мраморные колонны зала. Затянуты крепом хрустальные люстры. У гроба — воины Советской Армии.

К постаменту возложен венок от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

В зал вносятся все новые и новые венки — от ЦК компартий союзных республик, Президиумов Верховных Советов и Советов Министров союзных республик, министерств и ведомств, МГК КПСС и исполкома Моссовета, МК КПСС и исполкома Мособлсовета, крайкомов партии и крайисполкомов, обкомов партии и облисполкомов, общественных организаций, от родных и близких покойного.

Здесь же венки от дипломатических представительств зарубежных стран в Советском Союзе.

Первую траурную вахту несут члены правительственной комиссии по организации похорон.

11 часов. В почетный караул становятся товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин.

Затем руководители Коммунистической партии и Советского государства подходят к родным и близким М. А. Суслова. Они выражают им свои глубокие соболезнования.

Звучат траурные мелодии.

Нескончаем людской поток через Колонный зал. Рабочие заводов и фабрик, сотрудники учреждений столицы, труженики Подмосковья, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники, деятели науки и культуры, представители общественных организаций, воины Советской Армии, студенты и школьники пришли сюда, чтобы проститься с М. А. Сусловым — верным сыном партии, большевиком-ленинцем, отдавшим всю свою жизнь великому делу коммунистического строительства.

В скорбном молчании проходят перед гробом ветераны партии. Еще в 1918—1920 годах, работая в комитете бедноты, в уездной комсомольской организации, М. А. Суслов активно включился в борьбу за создание нового общества, за лучшую жизнь для трудящихся. В последующие годы он постоянно трудился на ответственных участках партийной и государственной деятельности.

Почтить память М. А. Суслова пришли ветераны войны. Будучи начальником Ставропольского краевого штаба партизанских отрядов, членом Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта, он активно участвовал в борьбе против фашистских оккупантов.

Вместе с советскими людьми отдают дань глубокого уважения М. А. Суслову представители коммунистических и рабочих партий. Он внес большой вклад в дело расширения и укрепления интернациональных связей нашей партии со всеми отрядами мирового революционного и национально-освободительного движения. Важное место в его деятельности занимали вопросы укрепления братской солидарности со странами социалистического содружества, борьбы нашей страны за дело мира.

Проститься с покойным пришли главы дипломатических представительств зарубежных стран, аккредитованные в СССР.

Через каждые три минуты меняется почетный караул. В траурной вахте у гроба — заместители Председателей Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, председатели палат Верховного Совета СССР, руководители министерств и ведомств, представители партийных, советских и общественных организаций.

В течение всего дня Москва прощалась с М. А. Сусловым, светлая память о котором навсегда сохранится в сердцах советских людей.

ТРАУРНЫЙ МИТИНГ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Советский народ 29 января проводил в последний путь Михаила Андреевича Суслова — видного деятеля Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР.

...Второй день в траурном убранстве Колонный зал Дома союзов. Как и накануне, нескончаем поток тружеников Москвы и области, представителей союзных республик, краев и областей, работников партийных, советских и общественных организаций, деятелей науки и культуры, воинов Советской Армии, молодежи.

В скорбном молчании советские люди проходят перед гробом М. А. Суслова, установленным на высоком постаменте среди венков и цветов. Они чтят память партийного и государственного деятеля, вся жизнь которого, все силы, знания и талант были отданы партии и народу.

Звучат траурные мелодии.

В почетном карауле — член Политбюро ЦК КПСС А. А. Громыко, члены правительственной комиссии по организации похорон товарищи В. В. Гришин, А. Я. Пельше, К. У. Черненко, А. П. Кириленко, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, Г. С. Павлов, П. Н. Федосеев и В. А. Зимнев.

11 часов. Доступ в Колонный зал прекращается. У гроба остаются родные, близкие, друзья и соратники М. А. Суслова. Последние минуты прощания.

Под звуки траурной мелодии гроб с телом М. А. Суслова выносят из Колонного зала и устанавливают на артиллерийский лафет. Кортеж медленно направляется на Красную площадь.

Впереди процессии — множество венков. На алых атласных подушечках несут награды М. А. Суслова — две золотые медали «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда, другие советские ордена и медали, а также награды ряда братских социалистических государств.

На Красной площади — тысячи трудящихся столицы. Здесь же, на трибунах,— члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, руководители министерств и ведомств, представители партийных, советских и общественных организаций, посланцы союзных республик, краев и областей.

Присутствуют члены дипломатического корпуса.

На площади в четком строю застыли воинские подразделения. Над их колоннами склонены боевые знамена.

Траурная процессия поравнялась с Мавзолеем. Гроб с лафета переносится на постамент.

На центральную трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, члены правительственной комиссии по организации похорон.

Траурный митинг открывает Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Речь Л. И. БРЕЖНЕВА

Товарищи!

Партия и страна понесли тяжелую потерю. Из жизни ушел один из старейших партийных руководителей, выдающийся работник идеологического фронта, видный деятель международного коммунистического движения, наш дорогой друг и товарищ Михаил Андреевич Суслов.

Жизнь товарища Суслова была насыщена большими делами. Боевая комсомольская юность еще в годы гражданской войны, участие в работе комитетов бедноты. Затем сын крестьянина-бедняка идет в рабфак, оканчивает институт, сам становится преподавателем. Потом начало партийной работы. Непосредственное руководство социалистическим строительством в важнейших регионах юга России в предвоенные годы. Политическая работа в армии и организация партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. С первых послевоенных лет — активная, неустанная деятельность на руководящих постах в Центральном Комитете партии.

Собственно, вся сознательная жизнь Михаила Андреевича от начала до конца — это беззаветное служение нашей великой Коммунистической партии, в ряды которой он вступил еще при жизни Ленина и членом которой был более шестидесяти лет.

Неоценим вклад Михаила Андреевича в идейно-воспитательную работу партии, в разработку ее важнейших теоретических документов, в формирование и претворение в жизнь международной политики КПСС. Он очень много сделал для развития и укрепления братских связей нашей партии со странами социализма, с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями, с национально-освободительными, революционными движениями угнетенных народов, с молодыми государствами, сбросившими колониальное иго.

Находясь много лет на посту председателя Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР, Михаил Андреевич внес также большой вклад в развитие мирного сотрудничества Советского Союза с государствами иной общественной системы, содействовал претворению в жизнь ленинских принципов мирного сосуществования.

Вся эта обширная, многообразная деятельность товарища Суслова снискала ему глубокое уважение и в нашей стране, и за ее пределами. Он был известен коммунистам и широким кругам трудящихся многих стран как человек, беззаветно преданный великому учению Маркса—Энгельса—Ленина, твердо стоящий на страже его революционных принципов и активно помогающий его творческому развитию нашей партией на основе опыта современной эпохи.

Ну а мы, ближайшие друзья Михаила Андреевича, его товарищи по работе ценили и любили его еще и как неутомимого труженика, на редкость активного работника, отлично владеющего искусством четкой организации труда. Мы ценили и любили этого обаятельного человека — предельно скромного, но всегда требовательного к себе и к другим, по-настоящему принципиального во всем, надежного и верного товарища.

Тяжело и горестно прощаться с таким человеком. Но пример его жизни, его самоотверженной работы будет вдохновлять не одно поколение коммунистов.

Прощаясь в эти минуты с нашим товарищем, хочется сказать ему: Спи спокойно, дорогой друг! Ты прожил большую и славную жизнь. Ты много сделал для партии и народа, и они сохранят светлую память о тебе.

Позвольте, товарищи, траурный митинг, посвященный памяти члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря Центрального Комитета партии, депутата Верховного Совета СССР Михаила Андреевича Суслова, объявить открытым.

На траурном митинге выступили член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев, председатель колхоза «Путь Ильича» Павловского района Ульяновской области В. А. Зимнев.

* * *

Митинг окончен. Руководители Коммунистической партии и Советского правительства спускаются с трибуны, подходят к постаменту. Процессия направляется к Кремлевской стене.

Гроб с телом покойного опускают в могилу. Гремят залпы артиллерийского салюта. Звучит Государственный гимн Советского Союза.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства вновь поднимаются на трибуну Мавзолея.

Отдавая последнюю воинскую почесть верному сыну партии, посвятившему всю свою жизнь великому делу коммунистического строительства, перед Мавзолеем, чеканя шаг, проходят воинские подразделения.

Советский народ навсегда сохранит светлую память о Михаиле Андреевиче Суслове — видном деятеле Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

МАГНИТОГОРСК

1

ЗВЕЗДА ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ

Так назвал свой родной дом, Магнитку, доменщик, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, почетный гражданин Магнитогорска, живая его история, Алексей Леонтьевич Шатилин. Сорок с лишним лет отработал он на комбинате, справлявшем в эти дни полувековой юбилей. Пятьдесят лет назад, 1 февраля 1932 года, гигант у горы Магнитной выдал первый металл. И ныне по справедливости земную Магнитку зовут в индустрии звездой первой величины. Поистине велики ее заслуги в развитии отечественной черной металлургии. Страна высоко ценит эти заслуги: юбиляр награжден еще одним орденом — Октябрьской Революции.

В Магнитогорске состоялось торжественное заседание, посвященное вручению награды. На заседании, тепло встреченный его участниками, выступил секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих. Он передал рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим Магнитки сердечные поздравления и самые добрые пожелания от товарища Л. И. Брежнева. От имени Центрального Комитета партии, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР секретарь ЦК КПСС горячо поздравил коллектив комбината с высокой наградой Родины.

В. И. Долгих огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР и под бурные аплодисменты присутствующих прикрепил орден к знамени комбината.

На снимке: в первом мартеновском цехе Магнитки.

Фото В. Загуменнова

ВЛАДИВОСТОК

КОГДА МОЛЧАЛИ СЕЙСМОГРАФЫ

2

Остров им нужен был непременно необитаемый. Потому что задуманный эксперимент требовал такой чистоты условий, что неизбежно регистрировались бы колебания почвы даже от ...пробегавшей мыши. Такова чувствительность уникального лазерного интерферометра, созданного для регистрации сверхмалых сейсмических деформаций — до стомиллионной доли миллиметра — учеными Тихоокеанского океанологического института Дальневосточного научного центра Академии наук СССР.

Но где нужна столь высокая точность измерений? Чем она вызвана?

— Переходная линия материк — океан,— рассказывает профессор Уно Херманович Копвиллем, руководитель работ по созданию прибора и проведению эксперимента,— окраинные дальневосточные моря, островные дуги и разломы в земной коре — это те давно известные беспокойные, неустойчивые области на поверхности Земли, в которых особенно сильно проявляются глубинные процессы земных недр. Кроме того, свободные колебания земной коры возникают и от значительно менее сильных источников — от процессов в атмосфере, ионосфере, от морских приливов. Здесь как раз и нужна сверхчувствительность.

Сам прибор — стометровая труба, из которой выкачан воздух. На каждом конце трубы — по зеркалу, между которыми распространяется лазерный луч. Микроскопические смещения почвы искажают характеристики луча, на что зеркала отзываются изменением интерференционной картины, хорошо известной нам еще со школьных времен.

После долгих поисков был выбран остров, расположенный в заливе Петра Великого. Остров Стенина даже с близкого расстояния представлялся отвесной, неприступной гранитной крепостью. И здесь же рифы, сложные морские течения. Все это предстояло не раз преодолеть крохотному суденышку «Шельф», нагруженному хрупкой аппаратурой и оборудованием.

Но вот доставили. Начался монтаж. Неделя шла за неделей. Прибор разрастался, медленно принимая нужные очертания. Затем из трубы-световода был откачан воздух.

И тут случилось непредвиденное. Буквально за полдня до пуска прибора разразился тайфун. Сорок метров в секунду! Сорвало и унесло в море восемь палаток экспедиции. Но люди боролись не только за свои жизни. Одну палатку удалось им сохранить. Ту, в которой была вычислительная машина.

Утром как ни в чем не бывало сияло солнце, а лазерный прибор оказался утопленным на полтора метра. А также микросхемы, которые вышли из строя.

Так похоронили оборудование. Но не идею. Снова затарахтел из Владивостока «Шельф», снова выгружали, монтировали, настраивали. Можно было приступать.

Измерения велись несколько дней, и был получен богатый экспериментальный материал о сейсмичности острова Стенина, о взаимодействии океана с материком, о влиянии ветровых волн, циклонов и собственных колебаниях почвы.

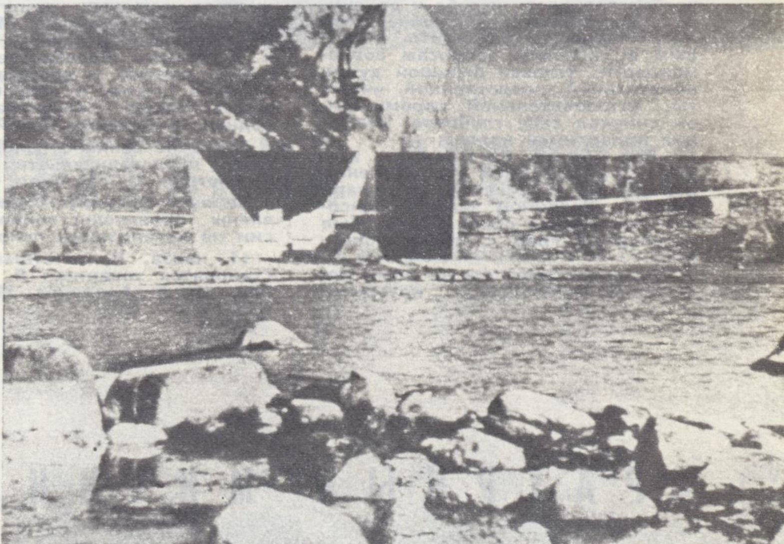
И солнце улыбалось.

В. ЛЕЙБОВСКИЙ

На снимке: Интерферометр на острове Стенина (фотомонтаж).

1

2

3

•НОВОСТИ• ИНТЕРВЬЮ• РЕПОРТАЖ•

УЗБЕКИСТАН

ЦВЕТЫ НА ФАСАДАХ

3

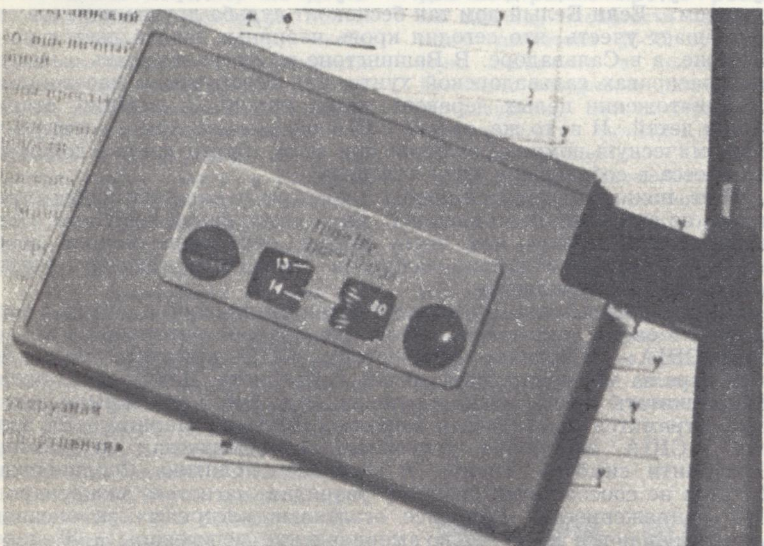
В национальном орнаменте каракалпаков, перекочевавшем с войлока юрт на стены кирпичных и панельных жилых домов, есть характерная деталь — бутон степного тюльпана.

— Теперь это уже раскрывшийся цветок! — сказала сварщица Шолпан Амирова, участвующая в возведении главного корпуса домостроительного комбината в городе Нукусе — столице Каракалпакской АССР.— Недаром новые дома украшаются узорами из разноцветных глазурованных плиток в виде букетов...

Автономная республика сейчас строит, как никогда, много.

4

5

6

В последние годы здесь, в степном краю, особенно быстро развиваются промышленность стройматериалов и стройиндустрия, на глазах преображаются города, поселки, даже отдаленные аулы.

Столичную солидность обрел город Нукус. Его украсили самобытные по архитектурному решению здания первого каракалпакского университета имени Т. Г. Шевченко, Дворца искусств, железнодорожного вокзала, широкоформатного кинотеатра имени классика каракалпакской литературы Бердаха. Появились высотные жилые дома, современные комплексы культуры, отдыха, спорта.

— Главное для нас — темп,— объясняет лучший слесарь-монтажник Юрий Аминов из Кызкеткенской специализированной передвижной мехколонны треста «Приаралводстрой», взявшей обязательство сократить сроки ввода в действие домостроительного комбината почти на год.— А темпы с первого дня мы взяли высокие.

Более ста тысяч квадратных метров жилья будет давать ежегодно этот «квартирный завод», как называют строящийся комбинат жители Нукуса. Всего же за одиннадцатую пятилетку жилой фонд Каракалпакской АССР увеличится на два с половиной миллиона квадратных метров.

Ю. ВЕЛЮНСКИЙ,
Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»
Фото В. Казанцева

На снимке: передовики строительства Нукусского домостроительного комбината — Юрий Аминов, Жолдас Темирбаев, Дмитрий Ким, Айтбай Жумабаев.

БЕЛОРУССИЯ

ОТ МОСКВЫ ДО БРЕСТА 4

Молодость одной из старейших в стране железных дорог вернули электрификаторы. В канун стодесятилетия Белорусской магистрали закончены коренная реконструкция и перевод на электротягу последнего участка от Москвы до Минска. На 132 километрах не только установлены опоры и проложен контактный провод, но и полностью переоснащены все станции. Движением поездов теперь командуют новейшие электронные системы сигнализации, блокировки и связи. Удлинены также приемо-отправочные пути большинства станций, что позволяет формировать и пропускать тяжеловесные составы, которые поведут локомотивы более мощные, чем тепловозы.

Всех этих подробностей могут и не знать пассажиры поездов, в которые «запряжены» электровозы, и новой электрички, пущенной по маршруту Орша — Минск. Но они, несомненно, заметили, что время в пути сократилось: электричка, например, проходит более чем двухсоткилометровое расстояние всего за три часа.

Досрочно сдав все объекты электрифицированного участка, строители перебазировались за Минск. Здесь к середине пятилетки будет реконструирован путь до Бреста, по которому тоже пойдут электропоезда.

В. СВЕРКУНОВ

На снимке: На перегоне Орша — Борисов ходят новые электрички.

Фото В. Арабей

МОСКВА

«РАЦИОН» О РАЦИОНЕ 5

В столовой великолепного комбината питания рижского ВЭФ обратил внимание на то, что в меню со скрупулезной точностью проставлены калории каждого блюда. «Помогли заводская ЭВМ и диетологи»,— сказали в дирекции столовой. Но дома-то как соблюсти советы тех же диетологов, которые все с большей озабоченностью отмечают: от переедания — вред.

И вот на помощь медикам пришли конструкторы. Создан калькулятор «Рацион» — небольшой, размерами с записную книжку, приборчик с массой добрых и полезных рекомендаций, опирающихся на данные современной науки о питании. Калькулятор позволяет за считанные минуты определить «фактическую калорийность пищи», как говорится в сопровождающей его инструкции. Прибор приводит номограмму веса, делает зримым понятие «идеальный вес», кратко рассказывает об основных продуктах и оценивает их с точки зрения все тех же калорий. Приводятся наиболее рациональные диеты, даются простые и добрые советы.

— Польза подобных приборов очевидна,— сказал мне директор института ювенологии доктор медицинских наук Л. М. Сухаребский.— Надо надеяться, что в последующем они станут еще более совершенными, потому что надобность в таких калькуляторах есть.

...Захожу в аптеку. На прилавке лежат калькуляторы. «Приобретают?» — интересуюсь. «С большой охотой!» — отвечают мне.

Это хорошо.

Ведь и калории счет любят...

К. БАРЫКИН

На снимке: калькулятор «Рацион».

КИРГИЗИЯ

УПРЯЖКА ДЛЯ ВЕТРА 6

Есть в природе силач, о котором каждый знает, но которого никто не видел, потому что увидеть его невозможно — он невидимка. Он возникает из ничего и уходит в никуда. Он может быть ласковым и нежным, как дыхание ребенка, а потом, вдруг набрав свирепую силу, способен валить деревья, топить корабли и срывать крыши с домов. Это ветер, силу которого люди пытались использовать с незапамятных времен. Вспомним хотя бы парусники и ветряные мельницы, канувшие, казалось, в невозвратное прошлое с появлением новых видов энергии — пара, электричества, атома. Однако у ветра есть одно преимущество — он вечен и неисчерпаем. К тому же он ничего не стоит, и в этом смысле соперников у него нет. Вот почему во всем мире ученые придумывают сейчас упряжки для ветра, пытаются превратить механическую энергию ветра в электрическую, то есть создают ветроэлектростанции.

Такие установки выпускают во Фрунзе на заводе «Тяжэлектромаш». Мощность автоматических ветроэлектростанций (АВЭС) от ста ватт до нескольких киловатт. Они незаменимы на метеопостах в труднодоступных горных районах, на маяках (для подзарядки аккумуляторных батарей), в полупустынях, где развито отгонное животноводство, и т. д. АВЭС выпускаются с блоком автоматики, которая в зависимости от силы ветра изменяет угол наклона лопастей, а при урагане притормаживает или совсем останавливает их вращение. Кончится ураган, и автоматика вновь пустит станцию в работу.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора

НАШ ВЗГЛЯД

НЕ СХОДЯТСЯ КОНЦЫ С КОНЦАМИ

Владимир НИКОЛАЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

За всю свою политическую карьеру Р. Рейган никогда столько не обещал американцам, как в ходе избирательной кампании 1980 года. Умело играя на ошибках тогдашнего президента США Дж. Картера, он обещал Америке процветание и благоденствие в том случае, если он, Рейган, станет хозяином Белого дома. Прошедший школу жизни в Голливуде и на американском телевидении, он эффектно поносил Картера и его администрацию. Многие его обвинения были, несомненно, справедливы. Как во внутренней, так и во внешней политике Картер оказался полным банкротом. Недаром даже тогда, сразу после сокрушительного поражения демократов, многие считали, что не столько Рейган победил на выборах, сколько Картер их проиграл.

Пришла пора подвести итоги первому году правления Рейгана и его республиканской администрации. Как известно, они неутешительны. Достаточно обратиться к традиционному посланию «О положении страны», с которым Рейган недавно выступил на объединенном заседании обеих палат конгресса. Президенту пришлось признать, что его предвыборные обещания оживить экономику страны не дали ожидаемых результатов, что в конце 1981 года Соединенные Штаты погрузились в очередной спад и создалось «поистине зловещее положение».

Инфляция, рост безработицы и другие экономические беды и неурядицы все больнее бьют по рядовому американцу. Не случайно популярность Рейгана падает. Как определяют американские источники, спустя год после вступления на пост президента он оказался менее популярным, чем в свое время президент Картер. Удивляться этому не приходится. Ухудшение экономического положения США вызвано прежде всего резким наращиванием военных расходов за счет «экономии» на социальных нуждах. Недаром газета «Вашингтон пост» отмечает, что президентство Рейгана не оказалось великодушным для многих американцев при его больших льготах для богатых и неоднократных покушениях на скудные ассигнования для бедных. Что верно, то верно!

Нынешняя американская администрация намерена и дальше идти тем же курсом — создавать самый благоприятный климат для монополий и военно-промышленного комплекса за счет американских трудящихся. Об этом со всей ясностью заявил Рейган в своем послании «О положении страны». Он подчеркнул, что его администрация ускорит осуществление своих экономических «инициатив».

Международный раздел послания президента содержал ряд антипольских и антисоветских высказываний в духе ведущейся сейчас в США клеветнической кампании. Здесь возникают по меньшей мере два вопроса. Во-первых, чем хуже экономическая ситуация в Соединенных Штатах, тем громче эта провокационная шумиха. Во-вторых, когда Польша совсем недавно была на грани национальной катастрофы и братоубийственного кровопролития, в США не было такой истерии по поводу событий в этой стране, но как только положение в Польше начало стабилизироваться, так словно по команде началась невиданная по размаху и озлобленности антипольская и антисоветская кампания.

Одним из очередных актов этого фарисейского балагана явилось политическое телевизионное шоу под режиссурой Рейгана. Этот подрывной клеветнический спектакль прошел под демагогическим лозунгом «Пусть Польша останется Польшей». Не следует ли вашингтонской администрации поставить и еще одно шоу, но на другую тему, скажем, под названием «Пусть Сальвадор останется Сальвадором». Если Белый дом так беспокоит судьба других народов, то не мешает учесть, что сегодня кровь невинных людей льется не в Польше, а в Сальвадоре. В Вашингтоне не могут не знать о массовых расправах сальвадорской хунты над безоружным населением, об уничтожении целых деревень, сотен мужчин и женщин, стариков и детей. И в то же время США оказывают хунте военную и экономическую помощь, заявляя при этом, будто хунта «добилась прогресса в соблюдении прав человека».

Нет, никак не сходятся концы с концами у вашингтонских стратегов, не сходятся ни во внешней, ни во внутренней политике! «Что это: двойная мораль или, быть может, отсутствие морали вообще?» — резонно задается вопросом западногерманская газета «Франкфуртер рундшау».

И вот результат: «Президент Рейган сталкивается сейчас с разбродом в своем доме и почти столь же мрачной картиной за пределами США» («Гардиан», Манчестер); «США проводят двойственный курс на международной арене» («Пэтриот», Дели); «...их вновь будут считать своего рода вооруженным до зубов жандармом, который стремится командовать миром» («Матэн», Париж); «За этот год в США еще более углубилась экономическая депрессия» («Майнити симбун», Токио). А главное — политика Соединенных Штатов не способствует процессу разрядки, нагнетает международную напряженность. Наиболее оголтелые «ястребы» за океаном уже покушаются на советско-американские переговоры в Женеве, ставя их в прямую зависимость от событий в Польше.

Только политика переговоров, а не конфронтации может способствовать ослаблению международной напряженности. Состоявшаяся 26 января в Женеве встреча между А. А. Громыко и А. Хейгом — еще один пример тому. Об этом говорят отклики на нее. Так, правительство ФРГ «весьма приветствовало» то обстоятельство, что «диалог между двумя державами был продолжен». Французская газета «Монд» писала, что «результат встречи в Женеве, хотя и скромный, можно рассматривать как подтверждение стремления двух великих держав не допускать прекращения диалога». Да, чем сложнее международная обстановка, тем более необходим такой конструктивный диалог. Это — веление времени.

УГРОЗА МИРУ

ОТКУДА ИСХОДИТ УГРОЗА МИРУ

Недавно в Москве состоялась пресс-конференция для советских и иностранных журналистов, организованная Министерством обороны и Министерством иностранных дел СССР. Она была посвящена выходу в свет выпущенной Военным издательством Министерства обороны СССР книги «Откуда исходит угроза миру».

С заявлением перед журналистами выступил первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии В. И. Варенников.

— Публикуя книгу,— сказал он,— мы хотели не просто дать ответ на всю ту массированную лживую пропагандистскую кампанию относительно так называемой «советской военной угрозы», которой в Соединенных Штатах придан официальный характер. Мы ставили целью показать на фактах, в сравнении, какова же реальная картина соотношения военной мощи Соединенных Штатов и Советского Союза, НАТО и Варшавского Договора. На Западе ради доказательства утверждения о якобы возрастающей военной опасности со стороны Советского Союза прибегают к различного рода подтасовкам, извращению действительности или умалчивают о том, что противоречит такому утверждению. Наша книга ставит своей целью дать читателю объективный фактический материал, на основании которого он мог бы сам сделать для себя вывод, ответить на вопрос, который содержится в ее названии.

Материалы книги убедительно свидетельствуют, кто виновен в гонке вооружений, которая продолжается уже не одно десятилетие. Из приведенных в ней фактов видно, кто был инициатором создания и развертывания все новых и новых видов смертоносных вооружений. Там показано, что именно Соединенные Штаты не только первыми создали атомную бомбу, но и применили ее без какой-либо военной необходимости против мирного населения.

Именно США были инициаторами строительства флота межконтинентальных стратегических бомбардировщиков и атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. Именно они первыми приступили к массовому развертыванию межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования.

Советскому Союзу приходилось реагировать на создаваемую Соединенными Штатами военную угрозу и со своей стороны развертывать необходимые вооружения. Но Советский Союз никогда не стремился и не стремится к достижению военного превосходства.

Но любые попытки получить военное преимущество по отношению к нашей стране обречены на провал. По этому поводу Леонид Ильич Брежнев заявил: «Если уж понадобится, советский народ найдет возможности предпринять любые дополнительные усилия, сделать все необходимое для обеспечения надежной обороны своей страны».

Приведенные в книге данные позволяют сравнивать военный потенциал Соединенных Штатов, НАТО с военным потенциалом Советского Союза и Варшавского Договора. Из них каждый может сделать вывод о реальном соотношении сил и убедиться: Советский Союз ничего не делает такого, что вело бы к нарушению сложившегося в мире военно-стратегического равновесия.

В интересах и Соединенных Штатов, и Советского Союза, и всех других стран договориться об ограничении вооружений, их радикальном сокращении, уменьшении военной опасности. Именно эта программа — Программа мира на 80-е годы является государственной политикой Советского Союза.

Б. СОПЕЛЬНЯК

...НАДО УСКОРИТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ СТИЛЯ И МЕТОДОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ.

Из речи Л. И. БРЕЖНЕВА на ноябрьском (1981 г.) Пленуме ЦК КПСС

ТРИ ИНТЕРВЬЮ ОБ ЭКОНОМИИ

1

Н. С. НЕРАД, секретарь Минского горкома партии

— Как добиться, чтобы бережливость стала чертой характера человека, качеством коллектива?

— Наивно полагать, что достаточно лозунгов, призывов, повторения известных истин, чтобы приучить людей к бережливости. Лишь продуманная система воспитания, рассчитанная на всю жизнь (да, да!), гарантирует успех. А в системе этой — усилия всех, кто может внести лепту в создание обстановки, в которой расточительство, пренебрежение общим достоянием просто немыслимы, начисто исключены.

В ряду главнейших условий тут, по-моему, личный пример. «Давайте начнем с себя!» Вспоминаю недавнее профсоюзное собрание в горкоме партии, где как раз мы говорили об этом. «Начнем с себя, с примера другим. Всюду — в семье, на службе. На каждом шагу, применительно к любой стороне жизни. Иначе нечего ждать результатов». А в подкрепление — терпеливая, хорошо аргументированная, убедительная пропаганда, в которой прежде всего разъяснение.

Надо терпеливо разъяснять, что никакое богатство не оправдывает привычки бездумно тратить добытое трудом или дарованное природой. Что сырье в отдаленных районах значительно дороже того, что под руками, что рост производства промышленной продукции у нас опережает рост грузооборота, что в стране не бездонны и ресурсы рабочей силы. Что бережливость — это одна из непременных черт человека социалистического общества.

Самое, конечно, сложное — добиться, чтобы бережливость проявилась не как механическая реакция на требование общества, а как внутренняя сущность человеческой натуры. Не стану утверждать, что система воспитания в таком духе в Минске уже сложилась окончательно и действует безупречно. Нет, нам еще работать и работать. Мы ищем, совершенствуем найденное. Важно, что удается приобщить к борьбе за экономию сотни и сотни тружеников города.

На предприятиях у нас действуют 325 общественных советов, комиссий и штабов, которые организуют и держат в поле зрения все, что связано с борьбой за экономию народного богатства. Ежегодно проводятся смотры использования резервов, в них принимают участие по сто тысяч человек и более. На предприятиях ведутся личные и коллективные счета экономии. Размах внушительный, ощутимы и результаты.

На заводе имени Кирова в десятой, а не в одиннадцатой пятилетке, как первоначально планировалось, без снижения объемов и темпов роста производства начат выпуск новой гаммы высокоэффективных станков; на моторном заводе создан двигатель Д-240, затраты металла на единицу его мощности сократились на два килограмма против расхода на единицу мощности предыдущего двигателя Д-50; все большую экономию в производстве приносит внедрение порошковой металлургии, эта экономия на предприятиях Минска составила миллионы рублей.

Город учится экономить. В торговле находят возможности сократить потери хлеба — применяют для его лучшей сохранности полиэтиленовые чехлы, покрывала; расширяется ассортимент изделий, поступающих в магазины в упаковочной пленке и парафинированной бумаге; прекращается выпуск изделий, пользующихся малым спросом. В системе общественного питания усиливается контроль за расходованием хлеба в столовых, разработана рецептура блюд из черствого хлеба, рецепты вывешены и в магазинах «Кулинария». В десяти школах города введены факультативы экономического образования, в большинстве учебных заведений проводятся беседы на такие, например, темы: «Что дает тебе государство», «Сколько стоит бережливость?», «Как беречь время» и т. д. Углубленнее, плодотворнее проводится педагогический всеобуч родителей.

2

Л. М. ЛАБОДАЕВА, директор минской средней школы № 30

— С чего в вашей школе начинается воспитание бережливого человека?

— С того, что мы стараемся научить ребят беречь вещи, окружающие их в школе. Парта, книга, прибор в школьном кабинете... За ними ведь труд, творчество, и ребята всегда должны это помнить. И важно еще: знать по себе, что такое труд. Мы, учителя, могли бы сколько угодно говорить об этом со школьниками. Что-то из сказанного они бы, наверное, усвоили. Но они усвоили гораздо больше, когда мы привели их в не завершенную еще строителями школу и предложили помочь рабочим. Конечно, после этого все в школе приобрело для них особую ценность. Так же, как отремонтированная их руками мебель, переплетенные книги, посаженные деревья. Воспитать в молодом человеке гражданина — азбука экономического воспитания.

— А за ней?

— За ней следующие ступени, требующие большей зрелости, большей самостоятельности. Вместе с двумя другими школами мы создали в микрорайоне тимуровскую заставу. Есть штаб, есть сводная дружина, ею командует наш семиклассник Толя Дудицкий. Домоуправление отвело под штаб комнату; у ребят есть свое знамя, знак отличия. Тимуровцы связаны с домоуправлением, с опорным пунктом правопорядка, с депутатами народных Советов, живущими в микрорайонах.

В домах — посты. Они сигнализируют штабу о варварском отношении к деревьям во дворе, расточителях электроэнергии в подъездах. Они не пройдут мимо и таких «ЧП» — допустим, разбито стекло, потекла батарея на лестничной площадке, сломана дверь... Ребята помогают по тимуровской традиции пенсионерам, ветеранам войны. Мы направляем деятельность тимуровцев, помогают и шефы — коллектив станкостроительного завода имени Кирова.

Это приносит немалую пользу. Для убедительности приведу один пример. В любой школе есть так называемые трудные ребята. Есть они и у нас. За небольшой сравнительно срок шестерых из них сняли с учета в детской комнате милиции. Теперь они сами помогают тимуровцам... Воспитываем и родителей. К сожалению, немало отцов и матерей остаются в стороне от школьных начинаний. Почему? Тут есть над чем подумать.

3

Б. В. ПОЗНЯК, генеральный директор производственного объединения «Луч»

— Перед легкой промышленностью в одиннадцатой пятилетке стоят очень сложные, объемные задачи. Стало быть, и воспитание у обувщиков, в частности, таких качеств, как бережливость, приобретает особую актуальность. Так ведь?

— Да, так. Вот цифры: 75—80 процентов стоимости обуви составляет стоимость материала, причем в основном дорогого. Представьте, как высоко должно быть развито у закройщика, вырубщика чувство бережливости, чтоб зря не пропало ни клочка кожи. Этим в значительной мере определяется у нас подход к воспитанию.

Воспитанием занимаемся повседневно, используем буквально все доступные средства. В социалистических обязательствах непременно присутствуют пункты, нацеливающие на рачительный подход к народному добру. Люди привыкают смотреть на все хозяйским глазом. Говорю так, потому что знаю: в объединении все больше производственников, для которых поиск резервов стал делом архиважным. Их усилиями сэкономлено на десятки тысяч рублей различных материалов. Стремление к бережливости побудило нас создать цех ширпотреба. Живет у нас этот цех на отходах основного производства, на заинтересованности использовать остатки сырья. Здесь все — программа, ассортимент, прибыль — зависит от общей инициативы. На 345 тысяч рублей в год дает цех продукции. Разве это не свидетельство рачительности, не результат экономического воспитания?!

Мы ищем действенные формы экономической учебы, поощряем производственников материально, используем наглядную агитацию. Такую, например. Установлен в цехе стенд, на нем образцы материалов, и под каждым его стоимость. Мы убедились, что постоянное напоминание такого рода вовсе не лишнее.

— Борис Владимирович, есть, видимо, в этой вашей работе проблемы, которые не решить силами коллектива, а решать надо безотлагательно и сообща, как говорится, «всем миром».

— Мы говорили об отходах. Много их еще пропадает даже при наличии цеха ширпотреба. Не разработана до сих пор технология безотходного использования сырья, нет предприятий, которые бы брали у нас то, что мы не можем пустить в дело.

Мы терпим моральные (и материальные, естественно) убытки от неверного принципа, по которому смежники (в нашей отрасли — кожевенники, поставщики фурнитуры, резины...) не несут ответственности за конечную продукцию, в данном случае за обувь. Отвечает лишь обувщик. Не идут туфли или ботинки — все шишки, как говорится, на нас. Несправедливо! Неправильно!

Интервью вел А. ЩЕРБАКОВ

Минск.

НАШ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Ладислав ТОМАШЕК,
главный редактор журнала
«Živoт» (ЧССР)

В редакцию журнала «Živoт» пришло письмо из Коларова. Это село на юге Словакии, название которого знают и у вас в стране, потому что здесь советские части с боями переправлялись через Дунай из Венгрии и освобождали первые метры чехословацкой земли. В войну село было сильно разрушено, потом жизнь стала налаживаться, солдаты вернулись домой, организовался кооператив, молодые начали ставить новые дома. И тут пришла беда: небывалое наводнение уничтожило деревню. На помощь ей пришла вся республика. Коларово отстроено заново. Здесь находится молодежный кооператив, успехи которого широко известны в Чехословакии.

В письме читатель рассказывал о своем юном земляке, тринадцатилетнем Штефане, и его геройском поступке. Один из жителей Коларова решил покататься на лодке и взял с собой пятерых детей, среди них был и Штефан. Посредине реки лодка перевернулась, единственный взрослый ее пассажир, хоть и был хороший пловец, стал тонуть. Штефан, старший из детей, не потерял присутствия духа и вытащил всех четверых на берег.

Автор письма предлагал нам побывать в Коларове и написать об этом случае, чтобы все узнали о маленьком отважном Штефане. Мы охотно приняли приглашение, тем более что наш еженедельник из номера в номер, вот уже четвертый год, ведет анкету среди читателей на тему «Социалистический образ жизни». Авторы писем рассказывают о пережитом, делятся своими наблюдениями. Многие из этих писем — яркая иллюстрация того, как формируется социалистический образ жизни. Нам было интересно познакомиться с юным героем, узнать взгляды его и его друзей. Разговор зашел о том, что такое героизм.

Штефан: «Герой должен быть смелым, сильным и никогда не предавать товарищей. Для меня такой пример — Юлиус Фучик. В тюрьме его били, пытали, но он никого не выдал. Он предпочел смерть».

Тибор: «Я беру пример с таких людей, которые не теряют силу воли, как Зоя Космодемьянская. А про Штефана знаю, что он совершит геройский поступок и десять раз, если потребуется».

В школе мы узнали, что Штефан — скромный парень, по большинству предметов у него "отлично", по остальным "хорошо", ну, а если бы ставили отметки за честность, он получил бы пятерку с плюсом. Хочет стать зоотехником. Мы вручили ему приз симпатии читателей журнала, приз, которым награждаем тех, чей поступок может быть примером для других, тех, кто отдает обществу больше, чем это требуют их прямые обязанности. Обладателями приза стали люди, которые в свое свободное время строят детские сады, и тренеры крохотных сельских клубов, воспитавшие мастеров спорта, учителя школ для детей-калек и защитники природы. Мы рассказываем о них. Каждая такая судьба — подтверждение того, что социализм создал условия для перемены человека, его сознания и бытия. Эти условия затрагивают сегодня экономическую, политическую и культурно-образовательную сферы. Читатели размышляют, как привести в соответствие задачи и потребности общества с личными нормами поведения, чтобы то, чем богат каждый из нас, стало силой всего нашего общества. Начало этим новым отношениям общества и личности положила социалистическая революция, а сегодня задача — углублять этот процесс. В Чехословакии новые отношения начали развиваться после освобождения нашей родины Советской Армией. Но они зрели в делах наших отцов в дни борьбы за свободу. Мы вновь и вновь возвращаемся к тем дням. Открываются семейные альбомы, и оживают пожелтевшие документы и фотографии. Конкретный пример родителей, которые умели рисковать жизнью, забывать о себе и думать о других, стал могучим средством в духовном формировании младшего поколения, поколения Штефана из Коларова, в воспитании ответственного отношения к жизни, к работе, к обществу. В самоотверженности военного и послевоенного поколений те зерна, которые упали на добрую почву, принялись, окрепли, одолели бури и дают урожай. Дети принимают эстафету отцов. Заглянем, например, в деревню Черный Балог, приметную на карте партизанской славы Словакии.

— Фашисты хотели сровнять деревню с землей, но отвага ее защитников и быстрое наступление Советской Армии спасли Черный Балог,— говорит председатель местного национального комитета товарищ Юлиус Герих.— Сегодня вся деревня отстроена, электрифицирована, есть спортивный комплекс, школа, детские сады. Можно было бы и дальше перечислять перемены в Черном Балоге. Но мы хотим вернуться к тому, как дети продолжают дело отцов.

В решающем бою за Черный Балог погибли 57 жителей. Их имена и имена других защитников деревни, которые пережили бой, с честью несут их потомки.

— Вспомнишь — и самой не верится, что нам тогда пришлось пережить,— говорит Павла Роусова-Доновалова, бывшая партизанка, председатель местной организации Союза бойцов-антифашистов. — До сих пор иногда просыпаюсь по ночам в холодном поту. Как партизанской медсестре, мне вручили медаль «За храбрость». Сын — сборщик на комбинате «Витковице», член «серебряной» бригады социалистического труда.

В нашей повседневной жизни много примеров социалистической сознательности. Это новое отношение к труду, новая мораль, проникнутая идеями коллективизма, новый образ мышления и поведения. О том, как велика сила доброго примера, говорят письма читателей, каждый день приходящие в редакцию. Хочу привести несколько отрывков из них, которые свидетельствуют, что в обществе реального социализма происходят глубокие перемены в сознании людей.

Франтишек Али (Гандлова):

«Усилия нашего коллектива строителей я высоко ценю, он делает важное, очень нужное обществу дело. Мы чувствуем себя нужными стране, и это укрепляет в нас чувство уважения и любви к социалистической родине. Социализм отвечает целям рабочего человека, стремящегося жить в мире и атмосфере социальной уверенности и справедливости. Капитализм рано или поздно осужден на отмирание, потому что он чужд человеку труда. За прошедшие 36 лет мы имели достаточно возможностей убедиться: мировая социалистическая система уважает права человека».

Штефан Фириц (Ружомберок):

«Я строитель. Мы используем новаторские методы Злобина и Басова. Предприятие уделяет большое внимание новаторскому движению. В коллективном труде — сила рабочего класса, и, как молодой член партии, я всегда буду там, где нужны мои руки. Мне доставляют искреннюю радость наши общие успехи, успехи нашего социалистического общества, которых мы достигли под руководством коммунистической партии и в сотрудничестве с другими социалистическими странами».

Анна Плецита (Сланы):

«Вы спрашиваете в анкете «Как жить», встречали ли мы в жизни человека, которого можно считать за образец. Я знаю многих таких. В молодости я работала на заводе, где познакомилась с замечательными людьми. Об одних человек забывает, других помнит всю жизнь. На всю жизнь запомнила я тех добрых людей, потому что они как целебный источник, в котором черпаешь силы, как надежная опора в трудную минуту. Вот имена людей, которые мне помогают и сегодня. Аничка Кляснякова, бывшая моя одноклассница, погибла в партизанском бою. Верка Шишкова, скромная и трудолюбивая девушка. Теперь ее фамилия Трландова, она Герой Социалистического Труда. Как я обрадовалась, когда недавно увидела ее на республиканской доске почета в центре Праги! Горжусь тем, что работала с ней в одном цеху и вместе училась в вечерней школе...»

Гизела Дунайова (Липтовски-Микулаш):

«Я уважаю людей настойчивых, честных, самоотверженных и ответственных. Работаю воспитательницей в профессионально-техническом училище. Хочу рассказать о своей подруге. Она член партии, образцовый мастер профессионального обучения. Среднее образование получила в вечерней школе, которую закончила с отличием в тридцать лет, уже имея семью. Я привожу ее как пример человека целеустремленного, социально активного».

Марта Ванчова (Комьятице):

«Мой пример — отец. Когда я стала подрастать, начала внимательно приглядываться к поведению взрослых. И из всех выделила отца. Я нашла у него удивительное качество: вкус к работе, какая бы она ни была. Все он делает с воодушевлением, подъемом, полной самоотдачей. Когда-то я читала роман Гечко «Красное вино» и не совсем поняла, как это «Урбанова Кристина работала просто с аппетитом». Теперь я знаю, что это значит. Отец умеет сделать приятной любую работу и дома и на службе. Благодаря ему я поняла, что труд — это радость и смысл человеческой жизни. Так учил меня отец. Не случайно он уже много лет член Коммунистической партии Чехословакии».

Златица Гоголякова (Зуброглава):

«Опора и пример для меня — на всю жизнь! — мама. Восхищаюсь ее неизменным упорством и мужеством. Она выросла в бедной семье, где было восемь детей. Научилась преодолевать трудности с юмором. Не любит говорить о себе, о своих заботах. Она учительница. Нелегко досталcя диплом: занималась по вечерам, а днем работала, потому что мы были еще маленькими. И сейчас, несмотря на занятость в школе, находит время для нас, своих детей и внучат. Кроме того, мама возглавляет деревенскую партийную организацию. Я никогда не видела, чтобы она сидела без дела. И всегда у нее хорошее настроение».

Вильям Гернс (Жарновица):

«С любовью вспоминаю своего учителя математики. Он передал нам больше, чем свои знания. Он не делил нас на «способных» и «бездарей», а уважал каждого, в каждом умел возбудить интерес к предмету и поселить уверенность в своих силах. Если бы больше было таких людей, наши успехи были бы еще значительнее».

Мать, отец, товарищ по работе, учитель... Человеческие качества, которые привлекают авторов писем, не просто свойства характера, а проявление определенного отношения к обществу. Не случайно в письмах подчеркиваются честность, трудолюбие, самоотверженность, любовь к людям как главные ценности в человеческой жизни. Отношения к коллективу, отношения между людьми... Эти актуальные проблемы затрагиваются и в других читательских письмах, присланных на нашу анкету. Они показывают, как идет формирование социалистического сознания и воспитание социалистической личности.

Братислава.

Р. Гуттузо. Род. 1912 г. ШВЕЯ. 1949

Р. Гуттузо. БУГИ-ВУГИ В РИМЕ. 1953

Недавно в Московском Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась VIII советско-японская встреча «Проблемы эстетического воспитания детей». В течение двух дней японские и советские писатели, педагоги, специалисты в области эстетики и психологии обменивались опытом своей деятельности. Гости привезли много игрушек, которые разместились на стендах специальной выставки, торжественно открытой сопредседателями симпозиума, президентом Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей и юношества ССОД Альбертом Лихановым и директором Токийского института художественного воспитания Синсаку Тада.

МУДРАЯ ШКОЛА ПРИРОДЫ

Наш корреспондент **Ю. Новиков** встретился с писателем А. Лихановым и попросил его ответить на несколько вопросов.

— Альберт Анатольевич, разрешите сначала заглянуть в прошлое. Что дали предыдущие семь встреч с японскими коллегами?

— Как говорит поговорка, сегодняшнее — это хорошо подготовленная прошлым лесенка в будущее. Искусство, обращенное к детям, способно влиять и на многие процессы международной жизни. Сегодня весь мир знает о значении бумажных журавликов в руках японских детей — этой символике антивоенного движения. Об этом невозможно не вспомнить ныне, когда человечество стоит перед угрозой мирового пожара, способного превратить нашу планету в безжизненную пустыню. Сейчас в усложнившейся международной обстановке каждый из нас обязан спросить себя: как мы, деятели культуры, можем участвовать в духовной битве за мир? Мы совместно ищем новые формы и методы единения прогрессивных сил художников и надеемся, что подобные встречи — шаг в важном направлении.

В культурах наших двух стран удалось найти много общего — при всей естественности национальных различий. Наш народ издавна считает, что природа — мудрый учитель, а человек должен быть ее талантливым учеником. И главная черта эстетики в Японии — апофеоз природы как источника поэтической мысли, воображения, чувства. Те семь встреч, что уже состоялись, дали нам обширный материал для осмысления, послужили стимулом для изучения страны на островах. Мы узнали о Японии многое, наши японские коллеги — о наших достижениях в области культуры и образования. Знаем, что уже в 20-е годы японцы достигли сплошной грамотности, что сейчас страна удерживает первое место в мире по выпуску кинофильмов, на третьем месте — по числу издаваемых книг и общему тиражу газет. И все равно мы каждый раз открываем новые нюансы в культурной жизни Японии — края своеобразных обычаев, редкостных национальных традиций, изумительных по красоте легенд. Особый интерес вызывает, конечно, как все это богатство воплощается в воспитательной работе с детьми.

— Какие проблемы были в центре внимания участников встречи?

— Вопросов обсуждалось много. Главная проблема — это воспитание средствами искусства высоких чувств гуманизма, дружбы в детях всех стран и континентов. Тема мира неизбежно возникала в докладах и сообщениях. Красота объективна, она существует и вне человеческого сознания, но представьте на мгновение ужасающую возможность: прекрасный солнечный восход над безлюдной землей. Что может значить красота без человека? Ведь лишь человека способна возвысить, облагородить, усовершенствовать вечно мудрая красота. Отрыв одного от другого означает трагедию... Как добиться того, чтобы стремление к миру, к добрососедству, к человеколюбию нарастало в детях по мере узнавания ими прекрасного и в соответствии с их развитием?

Каждая сторона представила по шесть докладов. Работа симпозиума была построена таким образом, что темы докладов дублировались — с советской и японской стороны, что позволяло сопоставлять тенденции, интересы наших стран в различных сферах эстетического воспитания. Главной темой была методика использования игрушки в эстетических целях. Синсаку Тада подчеркнул своеобразие японской игрушки, объяснил ее символику. Советские специалисты сделали сообщение о народной игрушке и использовании ее в современной практике эстетического воспитания.

— У японцев, как выяснилось, немало игрушек-символов, связанных с народными поверьями. Можно ли тут говорить об эстетическом воспитании?

—Я считаю, что национальная игрушка у любого народа воспитывает не хуже самой замысловатой игрушки с применением современных достижений техники. Другое дело, то, что естественно и традиционно в Японии или любой другой стране, может не отвечать традициям другого народа, но от этого никто не в проигрыше, скорее наоборот...

— За исключением распространяемых некоторыми фирмами на Западе «игрушек» в виде гильотин, виселиц, фигурок расстреливающих солдат и фигурок, изображающих их жертвы... Или танка и только что разрушенного дома...

— Ну, это вообще за пределами эстетического, это противоестественно, нетрадиционно и антинародно!

— Альберт Анатольевич, на выставке рядом с простейшими игрушками из ткани и бумаги обилие сложнейших электронных игровых приборов вроде «Автогонок» с применением дисплеев, зуммеров и т. п. Не слишком ли большой упор на электронику в ущерб играм, требующим от ребенка самостоятельного конструктивного мышления, не выпадает ли естественность перехода от простого к сложному?

— Мне кажется, вы несколько недооцениваете представленные на выставке экспонаты — кстати, она теперь станет экспозицией в музее игрушки АПН СССР. Там были и конструкторы и модели сборных кукольных домиков, хотя и не так широко представленные, как электронные игрушки, — эта примета цивилизации и прогресса техники конца XX века. Японцы сами признают, что эта сторона несколько обгоняет на рынке игрушки традиционные, а также заимствованные типы. Однако в их выступлениях сквозила мысль о том, что простые и доступные игрушки всегда останутся первейшим средством эстетического воздействия. А такие вопросы, как сотворчество детей и взрослых в изготовлении игрушек, выполнение творческих заданий детьми, досконально обсуждались на симпозиуме. Были высказаны пожелания включить в программу IX симпозиума проблемы игрушки как предмета художественного творчества детей. И тут, надо прямо сказать, нам есть чему поучиться у японских коллег.

Но не только игрушками исчерпывается эстетическое воспитание. На нашей встрече много говорилось о занятиях изобразительным искусством, хореографией и музыкой с детьми различных возрастов. Немало внимания уделялось проблемам соотношения цвета и формы в эстетическом воспитании школьников.

— А какие сообщения советских специалистов оказались в центре внимания гостей, пользовались наибольшим успехом?

— С большим интересом японские специалисты выслушали доклад директора издательства «Педагогика» В. С. Хелемендика о литературе по общему и эстетическому воспитанию школьников, и этот интерес имеет свои основания — в Японии активно переводят и издают советскую педагогическую литературу. О реализме в искусстве и воспитательной направленности занятий по искусству очень образно рассказал Б. П. Юсов, зав. лабораторией изоискусства НИИ художественного воспитания Академии педагогических наук СССР. НИИ дошкольного воспитания представил на симпозиум ряд актуальнейших проблем эстетического воспитания дошкольников —художественное творчество детей; взаимосвязь обучения и творчества; эстетика предметной среды и художественной — здесь основой явилось ознакомление ребят с русским народным декоративно-прикладным искусством. Ценно то, что основные положения исследований, прозвучавшие в советских докладах и сообщениях, нашли затем свое подтверждение во время посещения японскими участниками детских садов, школ, внешкольных учреждений.

— Каковы главные итоги симпозиума и планы ассоциации на будущее?

— Японская сторона, например, с удовлетворением отмечала сложившуюся традиционность встреч, полезность обмена информацией в этой сфере воспитания. Гости с восхищением, без преувеличения скажу, говорили о практике советской педагогики, о замечательных достижениях нашей страны в сфере формирования новых поколений. Мы, со своей стороны, считаем, что традицию встреч деятелей литературы, искусства и педагогики обеих стран нужно всемерно поддерживать, причем контакты полезны в любых формах — выставок, обмена литературой, делегациями и т. п. Думается, что на предстоящей встрече в Токио надо расширить тематику сообщений и круг участников, в частности, мы хотели бы видеть в числе собеседников Союз детских писателей Японии. Чем шире будет круг деятелей искусства для детей, тем эффективнее может получиться результат нашей совместной работы, о которой я говорил в начале беседы. И вообще хорошо, что наши страны, развивающие сотрудничество во многих областях, предпринимают попытки объединить усилия в поиске и выработке общего подхода к воспитанию подрастающего поколения. В нынешней международной обстановке подобные встречи необходимы еще и потому, что только в единстве прогрессивных деятелей культуры, работающих для детей, залог воспитания поколений в духе гуманизма и интернационализма, только так мы сможем участвовать в борьбе за мир и сотрудничество в интересах сохранения и приумножения духовных богатств народов всей планеты.

На снимке: японские гости представляют образцы игрушек.
Фото В. Чейшвили

СССР 60 ЛЕТ

ЖИЛА-БЫЛА ДЕ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Жила-была девочка. Ее звали Лязокает.

Она выросла красивой и умной, но вся ее жизнь прошла в горе и нищете.

Она мечтала учиться, но так и умерла неграмотной.

Она очень любила детей и родила их 17 человек! Но 15 из них умерли от болезней и голода...

Такой была судьба бабушки Нафисы Садыковой. «Лучше бы родить тебе камень, чем дочь. Из камня можно построить дом»,— говорили в Средней Азии матери, если у нее рождалась дочка. Даже со смертью женщина не добивалась равенства с мужчиной. Могила ее не могла находиться на одном уровне с могилой мужа.

...Жила-была девочка. Ее звали Василя. Она тоже была красивой и умной и тоже родилась в бедности под причитания и плач родственников. Пятнадцать ее братьев и сестер умерли. А вот она выжила.

Так начиналась жизнь матери моей героини, первой узбечки, ставшей министром в своей республике. Двадцать пять лет была Василя Садыкова членом Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана; двадцать лет — министром социального обеспечения республики и лишь недавно вышла на пенсию...

Василя была еще очень мала, когда в далекой России грянула Великая Октябрьская социалистическая революция. А вскоре и в Средней Азии начались революционные преобразования. Трудна была борьба за свободу. Женщин-активисток убивали, зашивали в мешки и сбрасывали в реки, живыми закапывали в землю. Погибших были сотни, но зато сотни тысяч, почувствовав себя свободными, пошли учиться в школы, техникумы, вузы.

...Василя выросла. И сумела сделать то, о чем мечтала ее мать,— стала сама строить свою судьбу.

Путь Василии Садыковой к счастью начался, пожалуй, когда она поступила учиться в техникум. Но она все еще ходила тогда в парандже и чачване. По воле отца ее выдают замуж за малознакомого ей человека — железнодорожного рабочего. По счастью, он оказался добрым, хорошим, умным человеком. Василя его искренне и верно полюбила.

В 1939 году в Ташкенте продавалась небольшая книжка Васили Садыковой — одной из первых стахановок. Вот что она сама рассказывала тогда о своей жизни: «Я родилась в 1914 году в городе Ташкенте. Отец мой был кустарь-сапожник. Мне посчастливилось посещать школу. Лишь после того, как я окончила техникум и стала грамотным человеком, я сняла паранджу. Это было в 1933 году.

Я решила посвятить себя раскрепощению женщин и являлась активисткой женского клуба».

...1930 год. В семье младшего брата Васили родилась девочка — Нафиса. Он и его молодая жена еще учились. А через год — еще один ребенок, потом еще, еще. Всего родилось шесть детей. Тяжело пришлось бы молодой семье, если бы не старшая сестра — Василя. Чем могла, помогала она брату. Старшую девочку, Нафису, сразу же взяла к себе, а ведь ей самой было тогда только шестнадцать. Вскоре девочка привязалась к тете так, что стала звать ее мамой. Брат разрешил Васиде «удочерить» Нафису.

— И стало у меня две мамы,— говорит теперь Нафиса Садыкова.— Василя меня воспитывала. Она сформировала мой характер. Она помогла мне выбрать профессию, стать историком. И не только мне, но и моим троим братьям и сестре. Младшая моя сестра, Вазира, — кандидат медицинских наук, микробиолог, один брат, Хамдам, — кандидат исторических наук, другой, Шухрат, — кандидат геолого-минералогических наук, третий, Хамза, — главный инженер в конструкторском бюро. У Васили сердца хватило на всех, всех вывела в люди!

Так в семье Васили Садыковой появилась дочка. А через два года у самой Васили родился сын Мирвахид. Теперь у него, как и у Нафисы, своя семья, он выучился, стал кандидатом технических наук, работает в политехническом институте в Ташкенте. К матери Мирвахид относится с уважением, любовью, восхищением, как и сестра.

...1941 год. Ташкент стоял далеко от фронтов Великой Отечественной, но война принесла горе и сюда. Ушел на фронт и погиб муж Васили Садыковой. Она стала вдовой.

Дочке Нафисе одиннадцать лет, сыну Мирвахиду — девять. Да еще у брата пять детишек. Всех надо накормить, одеть, отправить в школу.

В Ташкент приехали эвакуированные. У Васили своя большая семья, тесно, но она поселила в доме женщину с детьми, муж которой был на фронте.

Но особенно хотелось помочь женщинам и детям в осажденном фашистами Ленинграде. В середине апреля 1942 года 68 вагонов были загружены мясом, хлебом, сухими фруктами, консервами и личными подарками, и поезд из Ташкента взял курс через всю страну на Ленинград. Возглавила эту делегацию от узбекских женщин Василя Садыкова.

— Никогда я не забуду ленинградских блокадных ребятишек,— вспоминает она со слезами на глазах.— Мы знали, что настанет час расплаты, карающий меч опустится на головы фашистов...

После войны, как член советских делегаций, я побывала во многих странах, была в Дании, в Швейцарии, в США, в Японии,— продолжает Василя.— Я видела детей, лишенных радостного детства, матерей, забывших о сне и покое, живущих в вечных заботах о куске хлеба. И повсюду я вспоминала детей Ленинграда 1942 года. На самых представительных форумах и конгрессах в защиту детей и мира я призывала всех матерей планеты бороться за счастье наших детей, за их светлое будущее, бороться против новой войны...

Нафиса Садыкова с детства мечтала стать историком. «Прошлое — это дорога к будущему»,— часто говорит она. Но, кроме истории, тянула ее к себе еще и медицина. Однако любовь к истории победила. Нафиса поступает на исторический факультет Ташкентского педагогического института имени Низами. Учится блестяще. После окончания ее рекомендуют в аспирантуру при Академии наук Узбекистана.

Защита кандидатской диссертации, потом докторской, работа в Музее истории народов Узбекистана, сначала научным сотрудником, потом заведующей отделом. С 1960 года распоряжением Президиума Академии наук Узбекистана молодой историк назначается директором музея.

Нет, музей был тогда еще не столь обширен, как теперь, у него не было столько экспонатов, связей с музеями других стран, да и помещался он в другом здании, куда более скромном. Нафисе Садыковой благодаря присущей ей энергии, трудолюбию и добросовестности удалось многое сделать для расширения музея, увеличения его значения как научно-исследовательского и просветительного учреждения, для расширения международных связей.

Василя и Нафиса Садыковы. Фото В. Сваричевского

Как член Международного совета музеев при ЮНЕСКО, Нафиса Садыкова бывала почти во всех крупнейших музеях мира, держит с ними связь. Была участником Ассамблеи совета в Москве и Ленинграде, Париже и Гренобле. В Гренобле выступала с докладом «Воспитательная функция музеев». Вместе с директором ленинградского Эрмитажа академиком Б. Б. Пиотровским и директором московского Музея изобразительных искусств имени Пушкина И. А. Антоновой представляла музеи Советского Союза на конференции в Париже.

...Мы ходим с Нафисой Садыковой по притихшим залам ташкентского музея. Поздний вечер, посетителям вход закрыт. Теперь можно спокойно рассмотреть драгоценные экспонаты. Днем

обычно здесь очень людно. Экскурсия сменяет экскурсию. Туристы, гости из-за рубежа, делегации ученых и, как всегда, огромное количество обычных неплановых посетителей — музей пользуется огромной популярностью.

Музей истории народов Узбекистана ведет большую научно-исследовательскую деятельность, являясь одновременно собирателем и хранителем уникальных экспонатов, а также их пропагандистом. Эти качества счастливо соединяются в научной деятельности и его директора Нафисы Садыковой — ученого, музейного работника, пропагандиста.

Но здесь лучше дать слово самим ученым. Вот что пишет, например, о работе Садыковой видный советский историк, академик И. Минц:

«Диссертация Н. Садыковой посвящена одной из актуальных тем исторической науки, которая еще не стала предметом специального исследования. А между тем музейное дело — это значительная часть культурной революции. Недаром Ленин придавал такое значение массовости музеев, вовлечению в культурное строительство огромных масс населения и научной направленности работы музеев.

Источниковедческая база исследования обширна и достаточно многообразна, многие из документов впервые введены в научный обиход. Поиск, анализ и критическое осмысление богатого фактического материала позволили диссертанту разрешить поставленные перед собой задачи и осветить основные моменты из истории становления и развития музейного дела в Узбекистане как составной части культурного строительства в республике».

— Очень важная проблема — организация народных музеев, — говорит Нафиса Садыкова. — Все шире становится интерес человечества к своему историческому прошлому, все больше людей втягиваются в этот процесс познания. Эта тенденция наблюдается сейчас везде в мире, но особенно явственно дает она о себе знать в нашей стране и странах социализма. История — это не только то, что происходило сотни лет назад, история любой страны пишется сегодня. В Узбекистане создание всех новых музеев, по существу, является нашим трудом. Сюда можно отнести организацию музея Владимира Ильича Ленина в Ташкенте, музея «Дружбы народов», музеев колхозов и крупных предприятий. Мы передаем туда имеющиеся у нас по этим вопросам экспонаты, осуществляем методическое руководство, даем научные консультации.

— А какая проводится вами работа по выявлению новых археологических памятников? — спрашиваю я.

Нафиса Садыкова рассказывает, что музей постоянно принимает участие в среднеазиатских комплексных экспедициях институтов как общесоюзной, так и республиканской Академии наук. Экспедиции могут быть археологическими, историческими, этнографическими...

Затем она достает из шкафа несколько папок с карточками — материал для научной работы по своду памятников Ташкента и области.

Наугад раскрываю первую попавшуюся папку:

«Памятники, связанные с классовой борьбой в первые годы установления Советской власти». Речь идет о памятнике в селе Дурмене под Ташкентом. Кому он поставлен, за что — еще недавно не было известно. А ведь с момента открытия его прошли не столетия, а лишь несколько десятилетий. Оказалось, что монумент поставлен скромному человеку, коммунисту из кишлака Дурмень А. Газыханову. Я читаю скупые фразы документов, и передо мной проходит светлая жизнь этого человека, воскрешенная музейными работниками.

Молодой коммунист был послан партией проводить земельно-водную реформу. Его злодейски убили басмачи.

Убийцей оказался бывший бай по прозвищу Дадаш. Преступнику не удалось скрыться — его поймали. И он трусливо выдал своих сообщников.

Газыханова похоронили рядом с созданной им школой. Две недели около могилы шел показательный процесс над убийцами. Их приговорили к расстрелу...

Памятник коммунисту Газыханову открыли через два года после его смерти, в 1929 году. Здесь же, около школы, где его похоронили.

Минули десятилетия. Свидетели того времени разъехались, умерли, и постепенно забылась и эта история в кишлаке Дурмень. Но музейные работники нашли очевидцев, подняли из пыли архивные документы. Работу эту возглавляла Нафиса Садыкова.

— Народ должен знать своих героев, и дети, которые учатся сегодня в школе в селе Дурмень, должны испытывать благодарность к отважному человеку и коммунисту Газыханову, — говорит она.

— Каковы дальнейшие перспективы расширения вашего музея? — спрашиваю я Нафису.

— Я вам показала экспозицию в этом трехэтажном здании в центре Ташкента. Но только что мы получили еще одно здание на 5 тысяч квадратных метров. Приезжайте в Ташкент через годик, увидите много нового и интересного.

— Ну, а что вас увлекает, кроме истории? — задаю я последний вопрос.

— Кроме истории, приготовление плова, — улыбнувшись, отвечает Нафиса. — Я мастер по плову. Приходите ко мне домой — сами в этом убедитесь. Однажды за границей, не помню, где это было: то ли в Брюсселе, то ли в Париже на «Днях культуры Узбекистана», я продемонстрировала гостям нашего павильона свое искусство повара. И знаете, мне посулили миллион, чтобы я продала «секрет». А ведь секрет мой — гостеприимство нашей страны. И только.

...Жила-была девочка. Ее звали Нафиса. Она тоже была умной и красивой, как ее бабушка и мать. Но она родилась уже при Советской власти. На ее долю не выпало тех трудных испытаний.

И бабушка Лязокает и мама Василя мечтали учиться. Нафиса в полной мере исполнила их мечту. Она стала ученым.

ВОЧКА

120 ЛЕТ ВОКРУГ СВЕТА

Три года заняло плавание Магеллана вокруг света. Юрий Гагарин облетел планету за 108 минут. Валерий Рюмин, пробыв на орбите в общей сложности год, совершил за это время несчетное количество кругосветных путешествий. Рекордсменом, однако, остается журнал «Вокруг света» — за сто двадцать лет своего существования он, подобно фантастическому кораблю с миллионами пассажиров-читателей на борту, ведет нескончаемый путь по земному шару.

Не одно поколение читателей познакомилось с помощью журнала со своей планетой, с героями — исследователями земного шара, познало древнюю историю и мечтательно заглядывало в будущее. Многие летчики и полярники, моряки и геологи, не говоря уже о географах, избирали свои нелегкие дороги вечных путников под воздействием журнала «Вокруг света». Он заряжен какой-то могучей притягательной силой, захватывающей человека в младенчестве и не отпускающей до седых волос. В далеком детстве, сидя в нижегородской школе на одной парте с Евгением Федоровым, мы с ним тайком листали на уроках старые номера журнала «Вокруг света», открывая для себя загадочные миры, восхищаясь подвигами первопроходцев. Есть прямая доля участия журнала в судьбе школьника, ставшего впоследствии академиком, героем из легендарной папанинской четверки, ступившей на Северный полюс. Евгений Федоров рассказывал мне, как, отправляясь на свою первую зимовку на мысе Челюскина, он захватил с собой стопку номеров журнала «Вокруг света» и потом долгой полярной ночью зимовщики читали и перечитывали очерки и статьи по два, а то и по три раза.

Работая в первой советской Антарктической экспедиции специальным корреспондентом «Правды» и «Огонька», я радовался тому, что взял с собой в дорогу стопку журналов «Вокруг света», — как они пригодились мне для ежедневных выпусков корабельной радиогазеты на «Оби», а затем и на стройке Мирного! Когда под Москвой, в чарующем лесном массиве, построили Звездный городок — эту космическую академию, я видел, как в только что открывшейся библиотеке Юрий Гагарин, захватив связку книг, дополнил ее свежим номером журнала «Вокруг света», пояснив мне:

— Люблю путешествия, люблю путешественников.

Я видел, как на одну из орбитальных станций отправляли набор книг для сменных экипажей и добавили к ним свежий номер «Вокруг света». Я видел журнал, будоражащий воображение, у целинников и строителей величайшей Красноярской ГЭС, у ракетчиков, охраняющих родное небо, и у создателей первой в мире атомной электрической станции в Обнинске, в рабочей библиотеке ленинградского гиганта «Металлический завод» и на заводе «Красное Сормово». И везде очередь на журнал, везде каждый номер зачитан, как говорят, до дыр. И все потому, что он необходим тем, кто хочет глотнуть морозного воздуха Арктики или раскаленного воздуха пустыни, услышать гул и рев «сороковых ревущих», обвальный гром Ниагары, увидеть вершину Эвереста и хлопковые плантации Узбекистана, а главное, посмотреть в глаза тем, кто, презирая опасности, идет навстречу неизвестности, открывая человечеству новые края. Журнал помогает нам познавать свою планету, знакомит с народами, объединяет всех нас в одну общую семью, имя которой человечество. Он вызывает сыновнее чувство любви к Земле, желание защищать ее от атомного пожара, идти на борьбу за мир по белу свету, чтобы светло было вокруг света.

Журнал «Вокруг света» отмечен высокой правительственной наградой, признанием и любовью читателей. Под парусами романтики и отваги журнал продолжает свое плавание по волнам второго века.

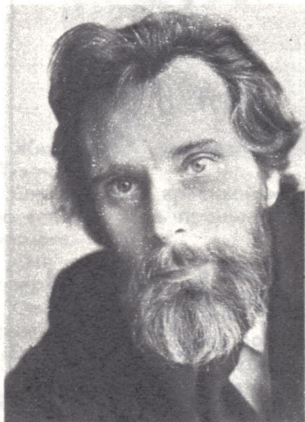
Евгений РЯБЧИКОВ

КОМЕНДА

Михаил ХОЛМОГОРОВ

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

Странная, удивительная тоска обвалилась вдруг на Безарабова. Меньше всего удивляла ее внезапность: тоска вообще сродни нашествию, разве что изощренные бездельники просят ее в гости. Но таких у нас мало, слава богу, давно угасла «культура безделья». Это «забав и роскоши дитя» могло позволить себе томиться избытком изысканного эгоизма, а в нашей-то толчее со своим эгоизмом не расстараешься и не расскучаешься.

И все-таки тоска, самая настоящая тоска вдруг вспыхнула у Безарабова: по дивному роману, по ямбу, по непринужденной онегинской строфе, по Татьяне, по «Зима!.. Крестьянин торжествуя на дровнях обновляет путь...», да и по его лошадке тоже — в общем, по всему, что есть роман в стихах «Евгений Онегин». Сочинение А. С. Пушкина.

...Редко приходится в жизни переживать подобную разновидность тоски, еще реже — подвигнуться ею на какое-либо действие, и потому следует все рассказать подробнее и с самого начала.

...Александр Безарабов, довольно тертый газетчик, явился на работу задолго раньше положенного. Был он собран и деловит. Неделю назад послали Безарабова писать репортаж со строительства ТЭЦ на окраине, какие там молодцы строители, раньше срока хотят пустить... А на стройке черт знает что творится: ТЭЦ ворота в ворота напротив бетонного завода, а бетон по морозу возят из Люберец. Ну куда это годится? И вместо парадного репортажа на первую полосу стал Безарабов писать фельетон на последнюю. О том, куда нас заведут межведомственные препирательства.

Пылкий от неостывшей концевой фразы, Безарабов влетел к ответственному секретарю добиваться места на полосе в послезавтрашнем номере. Русаков коршуном метался по кабинету, налетая на молоденькую литсотрудницу, и острый нос его, казалось, готов был клюнуть бедняжку в самое темечко, когда Русаков взрывался тирадами. Что-то она там не проверила, а что может быть страшнее фактической ошибки, всякую ерунду писать — это можно, не страшно, но факт должен быть проверен, он свят...

Однако Безарабов был замечен, кивком головы посажен в уголок переждать, и ему оставалось лишь наблюдать со стороны, когда закончится битва коршуна с цыпленком. Русаков таких случаев не упускал и воспитывал кадры. И лишь дождавшись всхлипов, выпускал жертву из кабинета.

Для Безарабова все это было не впервой, он стал придумывать новый предлог, чтоб не угробить статьи под горячую русаковскую руку; ничего не придумывалось, что-то мешало. Вот что! У Русакова была отвратительная привычка пускать и дома и во время работы чуть ли не на полную громкость радио. Динамик висел над самой головой Безарабова, и оттуда вливался в комнату добавочный шум, не сразу оформляясь в речь.

Голос, произносивший ее, лился в пространство и, столкнувшись с криком хозяина кабинета, смешивался с его визгливыми нотками. Но гнев задыхается и делает паузы. Голос из динамика ворвался в одну такую щель, стал различим и достиг сознания Безарабова.

Артист упивался тембром своего голоса, академической его постановкой, бархатным звучанием, и оттого тон был барственный, ласково-снисходительный ко всем прочим, не удостоенным наслаждения роскошной речью.

Чтец как будто наслаждался сказочными богатствами, свалившимися невесть с каких небес. Будто кованый сундук раскрылся перед скупым рыцарем и у того дух захватило: золото, тяжелое золото литого русского слова не торопилось сходить с языка, каждый согласный звук падал в пространство с тяжелым звоном благородного металла; как прозрачные камни, остро вспыхивали гласные, безударные тут же гасли, ударные растягивались...

И странно лишь эти звуки, льющиеся как бы сами по себе, как вода ключевая, достигли Безарабова. Тихо-тихо ритмом своим пробили русло в общем потоке русаковской воркни, законченной статьи, забот о ее устройстве, утренних дорожных впечатлений, видений редакционного буфета через полчаса... да мало ли какая дрянь катится в этом «потоке сознания»! Ритм был знакомый, и в поисках его по глухим закоулкам памяти Безарабов стал мало-помалу отключаться от извержения русаковского красноречия. Последней мыслью, присутствующей в кабинете ответсекретаря, было маленькое открытие: «Русаков бесится, что цыпленочек перед ним, ему б до самой Царевны-лебеди дорваться!» Упершись последним словом в Пушкина, узнал Безарабов и ритм — онегинская строфа. Мог бы и пораньше догадаться, стыдно. Тут и слова проступили:

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится...

«До чего ж мы уверены, что Пушкина с молоком матери всосали,— и до чего ж мы его не знаем! Ну вот какая это глава читается?» — с иезуитским ядом вопросил себя Безарабов. Вот то-то же! Лишь через две строфы установил, что дуэль уже закончена, а значит... значит... Восьмая — «Кто там в малиновом берете», седьмая — «Ярмарка невест»... «Москва!.. как много в этом звуке», видно, тоже оттуда, а это — это шестая.

Вот тут и случился обвал неведомого чувства. Странное вдруг беспокойство овладело Безарабовым. Тоска, тревога даже. Понял он: жизни ему сегодня не будет, пока не схватится за том Пушкина и не прочтет «Евгения Онегина» целиком, вместе с примечаниями от автора и обломками десятой главы.

Артист из динамика прошествовал меж тем к апофеозу Ленского, и Безарабову пришла новая мысль. От слов «его умолкнувшая лира» память сделала скачок назад, и в мгновение, за которое и строк не пересчитать, явилась мне, не без изъянов, правда, предсмертное стихотворение убитого поэта, которое так нежно и искренне поют лучшие тенора мира, и читателю, завороженному тенорами, необходимо гигантское напряжение ума и вкуса, чтобы увидеть там то, что есть: пародию. Какую, однако, гибкость таланта надо иметь, чтобы так свободно и естественно вмонтировать пародию в собственный текст. Да и кто бы осмелился — пишущий человек так серьезно к себе относится, к каждой строчке своей, тут самолюбие будет первым цензором... И как же его романтики доняли, что он их так отхлестал, это ж послушать только: тут и «лучденницы», и «дева красоты», и «рассвет печальный жизни бурной», а под конец — «я твой супруг». Это уж после того, как «с своей супругою дородной приехал толстый Пустяков», для Татьяны автор сберег слово «жена». А это совсем другое дело: жена — не супруга. А вот ведь все слушают теноров, а пародии никто не замечает. И Чайковский не заметил. У него ж там ни тени иронии в Ленском. А может, певцы не тянут иронию передать. Или ирония в жанр не вписалась. Опера как-никак.

— Безарабов, ну что ты стоишь как истукан! Чего тебе, чего?

Он, оказывается, и сам не заметил, как встал со стула, вытянувшись к динамику. Желтенькой девицы уже не было: слезами разлилась и в паркет впиталась.

— Валерий Палыч,— подбирал в спешке слова Безарабов, сбитый со своих мыслей, да так и махнул напропалую, минуя неблагоприятный настрой начальства,— мне... мне на послезавтра три колонки.

— А подвал не хочешь? Где я тебе возьму три колонки? У меня четыре номера забиты. И зачем тебе три колонки?

— Дело срочное. Меня на стройку главный посылал, а там бетонный голод да прямо перед воротами бетонного завода...

— Вот так всегда, чуть что, все на главного... А мне отклики, отклики сдавай, родной мой, а там уж и о колонках думай.

И день завертелся. Но тоска не отпускала, она стерегла каждую паузу в бесконечных, хоть и обычных хлопотах и гнала, гнала Безарабова к тексту романа в стихах. Минуты от этого топтались на месте, как нетерпеливая очередь перед закрытым магазином.

Только темным глубоким вечером добрался наконец Безарабов до толстого юбилейного тома с тисненым профилем поэта. Ночь прошла без сна, так возбудили его суета минувшего дня и эта странная, неукротимая тоска по онегинской строфе. Утро вспыхнуло внезапно, и оранжевый блик, ворвавшись сквозь пальмовые ветви, разбросанные морозом по окну, упал на последнюю страницу шестой главы. Читалась она уже тяжело, в какой-то мучительной борьбе со вчерашним бархатным голосом, узурпировавшим право на смысл. И постигался он, этот смысл, с трудом, глаз скользил по легкой, как само дыхание, строке, и надо было насильно возвращать его к ней вновь. Утоляя тоску, обнаружил Безарабов с немалым стыдом, что не только не помнил романа — толком и не понимал его никогда. Мысль задыхалась от непостижимых пушкинских скачков. Закрывая прочитанную страницу, Безарабов чувствовал себя старателем, покидающим невычерпанную россыпь: сколько ж там еще осталось, в песке! Никакой жизни не хватит промыть его весь до крупинки, а впереди новые россыпи.

На кухне Безарабов машинально оторвал листок от календаря. Открылось ему новое число: 7 февраля. А десятого он умер. 10 февраля — по старому стилю 29 января, значит, 27-е, день дуэли, завтра. Да, завтра. Вот бы взять плюнуть на суету эту, никому не нужную, на Русакова, на бетонный голод, махнуть в Ленинград вечерней «Стрелой» и в понедельник «Стрелой» же вернуться...

НТСКАЯ ДАЧА

«Ну и денек себе устроил! Надо же, войдет такая блажь в голову»,— опомнился с этими словами Безарабов, когда поезд пролетал над заснеженными оврагами Сходни. Впрочем, никаких оврагов видно не было, он их угадывал по памяти. За окном же мчалась навстречу темень, вспыхивающая матовыми от вьюги зарницами станций, редеющих по мере удаления от Москвы.

Блажь, еще такая неисполнимая с утра, такая немыслимая, вдруг образовала с лихвой все дела, на которые в нормальное время и недели бы не хватило. Безарабов умудрился выколотить не три, конечно, но две с половиной колонки на свой бетонный материал, запустил в работу отклики, что тихо ждали своей очереди в папке загона, успел договориться об интервью с двумя деятелями в ответ на свою статью, взять отгул на два дня у себя и командировку на четыре, чтоб выходные не пропали, у Виталика в ведомственной газете. Правда, опыт ленинградских пирожковых расписывать — та еще темка. Зато Ленинград, а это не так просто, у всех там свои собкоры сидят. Впрочем, бог с ними, с пирожковыми, пора и на бок...

Без четверти пять Безарабов, управившийся с обследованием ленинградских пирожковых, безуспешно голосовал в начале Литейного, пока одна добрая душа не надоумила его сесть в трамвай, проехать остановку до Пестеля, где наверняка в эту пору хоть одна машина на стоянке да отыщется.

Угрюмого шофера пришлось оторвать от «Зарубежного детектива», на что ушло время, теперь уже уплотнившееся до секунд. «Как, однако ж, далеко культура ушла,— подумал Безарабов, усаживаясь.— Я еще помню бестселлеры с косым рисунком на картонном переплете, и какая ж там мура печаталась! И как его зачитывались! Здесь-то хоть сюжеты грамотно сложены... Впрочем, ладно, не до того».

Он разложил на коленях книжку, видавшую, наверное, с десяток переплетов за свою столетнюю с лишком жизнь: сейчас она умещалась в твердых картонках, обтянутых удивительно легкомысленным ярко-зеленым, с желтыми и синими цветочками ситчиком; титульный лист был утерян, и Безарабов сам напечатал на машинке: «А. Аммосов. Последние дни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса. Санкт-Петербург. 1863». Поскольку ни «i» десятеричного, ни «ятя» на машинках нет, старую орфографию пришлось проигнорировать. Книгу эту он выменял на «Королеву Марго» здесь же, в Ленинграде, лет шесть назад; собственно, не книгу, а гнилую, рассыпающуюся в руках брошюрку. Чего только не пережила она — и гражданскую войну, и блокаду, и скольких хозяев с их несчастьями навидалась!.. Вот бы описать судьбу столетнего экземпляра, благо относительно легко очертить круг людей, державших его в руках.

Шофер, перебитый с половины детективного абзаца и не переживший еще досады, молчал и не выказывал ни малейшего желания разрушить неуютную, жесткую какую-то тишину, установившуюся в машине.

— Притормозите, пожалуйста,— попросил Безарабов, когда машина свернула на Мойку. Напротив, на другом берегу, выделялась очередь у деревянных ворот.— Это дом Пушкина.

— Знаю.

— Вот мы и поедем сейчас по его последнему пути.

Шофер в ответ пожал плечами, выражая готовность ехать куда угодно — человек он подневольный, по должности положено. Но даже и любопытства не выказал.

— Сегодня, вот прямо сейчас,— Безарабов для верности на часы посмотрел,— ровно сто сорок четыре года, как он проехал на Черную речку, к Комендантской даче.

— В самом деле? Вот ведь, а? Живешь и не знаешь... Так куда дальше-то?

— На ту сторону и к Невскому.

У бывшей кондитерской Вольфа и Беранже даже притормозить не было возможности: дом стоял за большим забором, видно, на основательной реставрации.

— Сюда заехал за ним секундант подполковник Данзас, лицейский товарищ, потом они по Дворцовой набережной к Троицкому мосту двинулись. Было около четырех пополудни, плюс час по декретному... Так что мы как раз.

Шофер слушал теперь с ленивым вниманием; может, забудет все к чертовой матери, едва высадит Безарабова, может, вспомнит

когда-нибудь... Ну хотя бы детям расскажет, и то слава богу.

— А вот здесь им встретилась Наталья Николаевна. Она была близорука, а Пушкин смотрел в другую сторону...

В другую сторону, следовательно, на дворец. И кто знает, могли и оттуда видеть Пушкина. Ехал он в открытых санях и не с нашей, конечно, скоростью. Да, а с какой же скоростью сани ехали? Вот чертов двадцатый век, писать вздумаешь, так хоть весь белый свет переворачивай — не испробуешь и километра в этих санях, чтоб хоть ощущения проверить. Как, впрочем, и моченой морошки, последнего яства русского поэта. Птица-тройка!.. Едва ли, конечно, царь мог оказаться у окна на Неву в тот момент, да и случись такое, вряд ли пришло б ему в голову, что видит своего камер-юнкера в последний раз...

Однако вопреки всякой логике и исторической достоверности Безарабову тут же представился русский царь, потерявший вдруг всю свою выправку и достоинство и прильнувший, сплюснув нос, к окну, как замоскворецкая купчиха, услыхавшая шум драки подгулявших извозчиков. И полицию вроде надо звать, и любопытство терзает, чем кончится, и готова с приживалкой об заклад биться, чья возьмет. Конечно, положение Николая посложнее купчихиного: дуэль первого поэта — скандал в государстве, а скандалов Николай, едва утихомиривший общество и добившийся полного умолчания, почти забвения событий и лиц одиннадцатилетней давности, очень уж не любил.

Как в Петербурге все близко! Переехал Неву чуть за дворцом — и вот она, крепость, тюрьма. Пушкин ехал мимо крепости, мысленно прокляв дворец и попрощавшись с ним. Попрощавшись! Это мы сейчас знаем, что путь был последним, а сам Александр Сергеевич... Во всяком случае, около полудня он думал о

переводах из Барри Корнуола для «Современника». Хотя и бумаги свои в порядок привел, как перед хладнокровно обдуманным самоубийством. Так его в угол загнали и свет, и журнал, и долги, и надзор Бенкендорфа...

«Проспект, однако, совсем не тот, на переломе веков заново застроен,— с напрасной досадой обнаружил Безарабов.— Каменноостровского той поры никакое воображение не воскресит. Сани, кареты... их и представить здесь невозможно. И столько в Ленинграде мест, где неуютно озираются автомобили и чают вырваться из плена мемориальных камней и решеток. Там и пешком-то ходишь оробело, все хочется войлочные тапочки надеть, как в этом музее люди живут, с авоськами бегают, обертки с мороженого швыряют, не всегда попадая в урну...»

— Здесь, на Каменном острове, у Пушкина дача была. В последнее лето снимал.

Снова наступило молчание, но без тягости, и Безарабову оно оказалось кстати. Миновало ощущение искусственности, надуманности затеи, которое в иные минуты покалывало: с ним ведь бывало такое, что натужной попытке пережить чужую судьбу в самой рассоответствующей обстановке упорно сопротивлялась жизнь сегодняшнего дня, сиюминутное настроение, и сделать с этим решительно ничего не удавалось. Лет шесть назад с немалым для себя удивлением и восторгом обнаружил он, что Некрасов, оказывается, действительно великий русский поэт. И в первый же после этого открытия приезд в Ленинград кинулся Безарабов в музей-квартиру поэта на Литейном. Он вглядывался в мертвые переплеты книг, в предметы обихода, мозолил глаза о листы рукописей, тоже мертвых... Диктовал себе строки и про Волгу, «колыбель мою», и про Музу мести и печали, и еще какие-то обрывки — напрасно. Упершись лбом в музейное стекло, вглядывался в парадный подъезд — деревенская бабка с авоськой, полной апельсинов, торопилась к троллейбусной остановке. Страшно разозлился тогда Безарабов, почувствовав себя посетителем музея — и только.

А сейчас даже современные дома у Черной речки на месте пустырей или убогих изб не мешали. «Пушкин, живой Пушкин мыслил и страдал в этой дороге»,— сто сорок четыре года спустя думал Безарабов, подъезжая к той самой Комендантской дороге. Да, шофер сказал, когда садился Безарабов в машину: «Это у Комендантского аэродрома».

Как ни осаживал Безарабов таксиста, чтоб ехал помедленней, у цели, напротив какого-то блочного промышленного сооружения, оказались довольно быстро, дорога заняла около двадцати минут. Всего-навсего. За сквером, где высится стела, оказалась заезженная машинами площадка. Там и припарковались. Шофер составить компанию Безарабову не захотел и потянулся за своим чтивом. Безарабов уговаривать не стал и по целине, расхрустывая шагом наст, прямиком направился к месту дуэли.

Свет чуть тронулся к сумеркам, когда Безарабов достиг площадки, окруженной скамьями, гранитными плитами и сугробами. Надпись на одной из плит извещала, что 27 января (8 февраля) 1837 года на этом месте был смертельно ранен Александр Сергеевич Пушкин. На постаменте стелы лежали красные тюльпаны, припорошенные снежком, реденьким в этот день.

«Ну что за идиот! Как можно было не догадаться цветов к памятнику привезти! Мчал шестьсот пятьдесят километров очертя голову, а цветы забыл!» Мелькнуло, правда, утешительное соображение, что памятник Пушкину — это только тот, в Москве... Мелькнуло и погасло, как неубедительное. И ревность вспыхнула к кому-то неизвестному, в ком память острее и постояннее. Явно ведь не равнодушный экскурсант бегал по городу, отыскивая цветы поярче, покрасивее. Бегал, чувствуя на себе взгляд живого Пушкина, может, даже голос слыша. Есть ведь люди на Руси, для которых никогда не прервется пушкинская мысль, а значит, и жизнь, и никогда не настанет эта страшная дата — 27 января 1837 года. Я вот на один день такой, и то случайно. А кто-то всегда с Пушкиным на дружеской ноге, да всерьез, без иронии. И пока жив русский язык, не переведутся. Увидеть бы этого человека!.. Безарабов вздохнул, но понял, что желание суетно и посредники ему сейчас не нужны, равно как и сам он в роли посредника при общении с Пушкиным тоже был бы неуместен.

Посмотрел на часы. Половина шестого, пятого по-дореволюционному. Снял шапку. Приехали. Если стела установлена правильно, дорога шла чуть дальше, здесь от мостовой никак не полтораста шагов. Странно все же, что никого нет, вот-вот выстрел настанет, подходит его секунда.

Венера зажглась. Легкий ветер с востока тушил дневной свет, Безарабова прознобило. Он пошел к машине, делая небольшой крюк: сначала напрямик к дороге, как Пушкина несли...

А затем... Безарабов сидел перед письменным столом в гостиничном номере, прихлебывал густой черный чай, заваренный прямо в стакане, и старательно выводил чертиков на бумаге. Ничего другого рисовать он не умел, а писать вот уж второй день не мог, хотя все записи о ленинградском общепите лежали перед ним, и превратить их в статью в общем-то большого труда не составляло. В конце концов ладно, материал собран, командировка не кончилась, можно завтра с утра отписаться и к вечеру собрать визы. Приняв это решение, он уложил записи в папку, завязал тесемки и вздохнул облегченно. Кажется, первый раз в жизни незавершенное дело не угнетало Безарабова, и, отодвинув папку в сторону, он почувствовал свободу. Свободу и легкость.

Сегодня он снова ходил в музей на Мойке. Как и вчера, долго пришлось стоять под аркой за тесовыми воротами, дожидаясь, когда пустят новую партию посетителей. Как и вчера, он всматривался в лица тех, кто пришел сюда, пытаясь найти среди них того, кто догадался принести цветов к месту дуэли. Разумеется, не нашел. По разговорам судя, мало кто помнил, что именно вчера и была годовщина поединка. В основном все студенты и приезжий народ, командировочники. Один здоровяк в коричневом костюме и розовой нейлоновой рубашке с синтетическим галстуком все допытывался, правда ли, что у Дантеса под мундиром кольчуга была. Очень был расстроен, когда оказалось, что нет, не было никакой кольчуги. И успокоился, только когда экскурсовод — молоденькая энтузиастка с танцующей указкой в беспокойных руках рассказала, как Дантес выиграл какой-то процесс у Гончаровых после смерти Екатерины, сестры Наталии Николаевны.

«Я ж говорил, подлец он все-таки»,— подвел черту здоровяк. Будто кто сомневался в этом. Да не в сомнении дело — убедился человек наконец, что Дантес — его враг. Его личный враг, новый аргумент тому найден.

Любят Пушкина русские люди. И нечего любовь их к датам и годовщинам привязывать.

«А я на тех, кто на Черную речку ко вчерашнему выстрелу не пришел, обижаюсь? Сам-то я тоже хорош. Не попади тогда в кабинет к ответственному секретарю с дурацким материалом, да еще на чтение «Онегина» из приемника, был бы я сейчас здесь? Да и вспомнил бы вообще о Пушкине? Да нет, конечно...»

И привиделась Безарабову гостиница в холодном сибирском городе, где был он однажды обречен на томительное безделье. Дежурная по этажу тогда книжку ему принесла, Пушкина однотомничек. Явно из школьных рук: во второй главе «Онегина» три строфы отчеркнуты химическим карандашом и на полях детским почерком написано: «о матере». Может, та восьмиклассница уж сама мать, но голову можно дать на отсечение — Пушкина она больше не перечитывала. «О матере!»

Как же часто мы не ценим собственного богатства! Да нет, не об оценке речь — мы ж себя обворовываем, даже не обкрадываем, именно обворовываем.

Спасать, спасать надо людей. Пушкиным спасать! Вот бы весь Ленинград как есть заставить «Онегина» перечитать. Выходишь на Невский, а там ни души: все сидят по домам, как сейчас, когда хоккей из Канады передают, Пушкина читают, кто вслух, кто про себя... И эпидемия по всей стране, от хладных финских скал, ну и так далее, до самого мыса Дежнева. Да нет, эмпиреи, маниловщина все это. Насильно Пушкина не впихнешь, даже преступно Пушкина насильно впихивать. К тому же и вернемся — «о матере».

Да и не обижен Александр Сергеевич любовью народной. У дома его всегда толпа, будто до сих пор не могут убедиться, что хозяина этой квартиры нет, что голос его — игра воображения, не больше, никогда он не зазвучит, хоть каждый его слышит. У Пушкина, даже у памятника, толпа. Сколько раз ловил себя Безарабов на дурацком, наверное, вопросе: как же сам Пушкин прогуливался по Тверскому бульвару, а памятника не было, не было там, на старом его, родном месте, и он выходил прямо к монастырю? Да нет же, не могло там быть пустоты, памятник Пушкину там, его природа Москвы поставила, может, еще до Юрия Долгорукого!..

В поэзии ему тоже памятник поставлен. «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!..» Так посмотришь: из одних штампов вроде скроено — прямое сравнение, «первая любовь», «сердце»... А как точно и мощно! И почему Тютчев при жизни этих стихов не напечатал? В двух-то всего строчках необъятное объял, всю сущность нашу, пока русский язык существует в природе. И Россия сорок лет почти жила, не зная себя в этих строках. Впрочем, понятно: на государевой службе Федор Иванович состоял, жены, дети... Лермонтов вон на Кавказ угодил за «Смерть поэта», написанную в той же кондитерской Вольфа и Беранже, где Пушкин секунданта ждал.

А интересно, в этот час тридцать седьмого года, 28 января, знал Лермонтов о дуэли? Наверно, знал. И погонял извозчика к дому на Мойке, красный от возбуждения, забыв шинель запахнуть и спохватываясь от мороза. И все ради того только, чтобы прочитать на стене буфетной листок, на котором торопливой рукой Жуковского написан бюллетень о состоянии раненого.

Безарабов посмотрел на часы. Без четверти десять. Арендт, наверное, уехал с очередным докладом к царю. Волны шепота, вздохов и всхлипов расходятся по дому, от комнаты к комнате. Но в кабинете тишина полная. Лампа горит, но свет ее не падает на раненого прямыми лучами, и Жуковскому от письменного стола видны пальцы, сжимающие одеяло. Они то перебирают край, то схватывают в комок и держат изо всех сил по нескольку минут, потом вдруг расслабляются... Лица не видно, его заслоняет сгорбившаяся фигура доктора Даля. Тот всматривается в лицо раненого, гоня прочь мысль, что надо запомнить на этом лице каждую морщинку, что все уже, последний раз он видит Пушкина.

С глаз раненого сошла мутная, как у новорожденного, пелена, они стали ясны, и в который уж за сегодня раз надежда вспыхнула. Доктор Даль выпрямился в преддверии восторга, опровергнувшего все его врачебные знания и практику, но восторг и к горлу не успел подкатить, а уж сменился страхом, почти обреченностью. Почти. Любому бы раненому Даль, осмотрев развороченный живот и бедро, вынес приговор и старался бы только облегчить боли, безнадежно махнув рукой. А здесь он хватается за каждую соломинку, тень соломинки, утешается тем, что больной сам ставит себе пиявки и рассуждает вполне здраво. Невольно Даль ощупывает свой живот — крепкий, здоровый — в бессильной ярости оттого, что нельзя, невозможно вот так вот взять и отрезать его здоровый живот и поменять с безобразным кровавым месивом под бинтами.

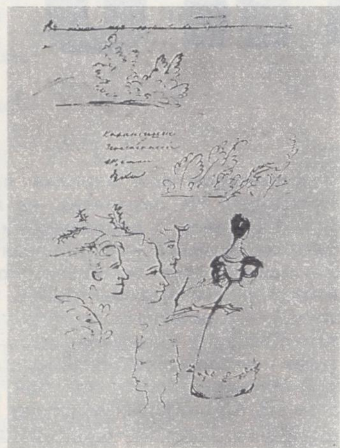
Вошел Вяземский на цыпочках, но тут же и вышел, слезы его задушили. Доигрались! Дошушукались по гостиным! Где ж твое-то, князь Петр Андреевич, чутье, или не видел, как травили друга твоего?! Сам же и травил! Не ты ли потешался над бешенством ревнивца? Тоже!

Даль, Жуковский, Виельгорский, Тургенев молча наблюдают борьбу смерти с великим человеком. И ждут, зная, что напрасно, ждут, когда скажет им Пушкин какую-то мысль, такую, что и вместиться не могла в его создания. Не услышать им этой мысли. В мозгу больного смешиваются в жару и одна за одной уходят на цыпочках в вечное беспамятство клетки. И в клетках тех — судьба Петра и великого артиста-импровизатора, затеянный роман из светской жизни и обрывки стихотворных строк. Навсегда разбредались из цельных созвучий слова русской речи, и боль догоняла их, цепляла за эхо и наносила последний удар. Смертельный.

И впереди еще восемнадцать часов.

ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТИ УЕЗДНЫЕ БАРЫШНИ...

В рабочей творческой тетради Пушкина с черновыми записями и рисунками, относящимися к «Путешествию в Арзрум», с черновиками «Зимнего утра», восьмой главы «Онегина», «Путешествия Онегина», черновиками неоконченного «Романа в письмах», неоконченной поэмы «Тазит» и, наконец, с великолепным рисунком, бывшим до сих пор единственным известным нам у Пушкина портретом Анны Петровны Керн,— в этой тетради находится лист, от которого в самом буквальном смысле невозможно глаз оторвать — так красив он, так безупречен по композиции, так графически легок, воздушен и вместе с тем чем-то загадочен, что ли.

Кто она, эта красавица с тонкой талией и гибкой шеей, как бы плывущая по зеленому лугу, который дарит ее не только прелестью простоты и естественности, но и самими цветами своими, изящным узором, струящимся по подолу воздушного ее платья?

Чьи лица, свободно и непреднамеренно декорированные цветущими ветками, смотрят куда-то мимо нас, не стремясь отнюдь быть кем-либо узнанными, и как бы отрешенные от суеты и суетности обыденной жизни?

И что это за строка зачеркнута Пушкиным в самом верху листа, которому служит она своеобразным колонтитулом, будто в изданной книге?

Как ни странно, но до недавнего времени исключительно интересный лист этот в общем не привлекал к себе особого внимания исследователей-пушкинистов. В академических изданиях полного собрания сочинений Пушкина не зафиксирована зачеркнутая строка — «В одной из южных наших губерний»,— хотя, вне сомнения, это один из вариантов (причем, видимо, ранний) начальной фразы «Барышни-крестьянки» из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», начало работы над которыми относится к осени 1829 года, когда возвратившийся из Арзрума Пушкин посетил тверские поместья Вульфов — Малинники, Павловское и Берново.

Мужской профиль в центре листа — это портрет приятеля Пушкина Алексея Вульфа, сына хозяйки Тригорского и Малинников, близкого друга поэта Прасковьи Александровны Осиповой. Профиль слева от Вульфа — автопортрет поэта. Фигура же в рост прелестной женщины — в десятитомном собрании сочинений Пушкина, выпущенном издательством «Художественная литература» в 1974—1978 годах, интерпретируется как изображение жены поэта Наталии Николаевны. Впрочем, с последним нелегко согласиться, но об этом чуть позже, потому что в графике интересующего нас листа есть и еще одна загадка, вовсе пока не всплывавшая на поверхность,— женский профиль в самом низу страницы, обращенный влево и почему-то как будто знакомый нам, будто напоминающий чье-то не единожды виденное уже лицо.

Рассматриваем внимательно другие листы тетради — черкес и черкешенка, Пушкин в папахе, пистолет, какие-то лица — и вот изящная, женственно наклоненная головка — Анна Петровна Керн, мимолетное виденье страстной мечты поэта-изгнанника о любви и счастье. Прекрасный портрет. Особенно хорошо всеми знаемый и оттого, что считали его «единственной Керн» у поэта. Он прекрасен действительно, но, оказывается, он не единственный, потому что доселе не узнанный профиль внизу листа с зачеркнутой строчкой — это тоже ее портрет, Анны Петровны! Не такой совершенный, конечно, возможно, первый набросок лица ее, но это она — это ее нос, чуть утонченный на конце, что угадывается и в известном ее портрете-миниатюре в фас; это ее высокий крутой лоб, ее характерный, слегка выдающийся вперед, очень четкий по линии подбородок.

А фигура в рост? Не естественно ли предположить, что это тоже она, Аннета Керн, нарисованная поэтом возле собственного своего профильного портрета, возле кузена своего Алексея Николаевича Вульфа, к которому Пушкин так ревновал ее в бытность свою в михайловской ссылке? Это, видимо, так, но лишь отчасти, как отчасти только Николенька Иртеньев в «Детстве», «Отрочестве» и «Юности» — сам Лев Николаевич Толстой.

Вспомним теперь, как пишет Пушкин в «Барышне-крестьянке» об уездных барышнях, которых он полушутя называл своею «истинною публикой» и к которым, по существу, принадлежала и Анна Петровна, хотя и была она к семнадцати годам уже дамой и «генеральшей»: «...Что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохою в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание. Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями, но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность...»

Не правда ли, фигура юной женщины возле профиля Керн представляется едва ли не иллюстрацией к этим строкам, а мягкая женственность незнакомки, ее мечтательность и романтичность хорошо согласуются с героиней «Дневника для отдохновения», писанного двадцатилетнею Анною Керн не без влияния модных в то время французских романов сентиментального направления.

Так кто же она, эта Неизвестная, чья стройная талия, нежная шея и прелестная маленькая головка позволили ей претендовать на роль самой несравненной Наталии Николаевны,— Анна Петровна Керн, или «барышня-крестьянка» Лиза Муромская, или, может быть, очаровавшая Пушкина синеглазая Катенька Вельяшева, один из портретов которой находится в этой же тетради поэта? Увы, ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Не трудно, конечно, представить себе, что это романтизированный поэтом образ Анны Петровны. Но точнее, наверное, будет сказать, что это и Анна Керн, и Лиза Муромская, и даже Катенька Вельяшева вместе.

Собственно портретные зарисовки Пушкина часто бывают связаны хрупкими, порою невидимыми, но все же явственными нитями с теми текстами, среди которых мы эти портреты находим. И узнанный нами портрет на листе, где так много загадок, тоже имеет свои сложные связи и с рисунками, его окружающими, и с зачеркнутою поэтом строкою «В одной из южных наших губерний», может быть, именно потому и отвергнутую, что она таила в себе некоторую избыточную в данном случае конкретность— «южных губерний»,— конкретность, которая шла от той, что провела свои детские годы на Украине. Дочь полтавского помещика Петра Марковича Полторацкого, Анна Петровна Керн свои ранние младенческие и отроческие воспоминания делила между тверским поместьем деда Петра Ивановича Вульфа — Берновым и «славными Лубнами за горами» — захолустным украинским городком «в одной из южных наших губерний».

Лариса КЕРЦЕЛЛИ

ПОЧЕМУ МАРИЯ?

«Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной»,— читаем в третьем примечании к поэме «Полтава».

Почему реальное лицо петровской эпохи — дочь генерального судьи Кочубея превратилось в Марию? Так звали княгиню Волконскую, жену декабриста, поехавшую за ним на каторгу. В какой-то мере она прототип героини поэмы.

И в самом содержании «Полтавы» немало точек соприкосновения героини поэмы с Марией Волконской. Муж ее, как и Мазепа, много старше. Оба не рассказывают близкой женщине о своей заговорщицкой деятельности и открываются лишь тогда, когда тайна перестает быть тайной после доносов царю, в одном случае — перед мятежом гетмана, в другом — перед восстанием декабристов. Пушкин играет аналогиями.

Ночью Мария беседует с Мазепой:

> Нет, объяснись без отговорок
> И просто, прямо отвечай. —

говорит она.

А вот сцена из жизни Волконской. Муж, пишет она в своих мемуарах, «вернулся среди ночи; он меня будит, зовет: «Вставай скорей»,— я встаю, дрожа от страха... Он стал растапливать камин и сжигать какие-то бумаги. Я ему помогала, как умела, спрашивала, в чем дело? «Пестель арестован». — «За что?» — Нет ответа».

Героиня поэмы восхищается Мазепой, выдающим себя за борца с самовластьем. Мария Волконская восхищается своим мужем-декабристом.

Мария в поэме готова взойти с Мазепой «на плаху». Мария Волконская делает это, разделяя судьбу мужа-каторжанина. Она говорит о декабристах: «Кто кладет голову свою на плаху за свои убеждения, тот истинно любит отечество...»

Мария клянется Мазепе:

> ...всем, всем готова
> Тебе я жертвовать, поверь...

О семье говорит:

> Семью
> Стараюсь я забыть мою.

То же — Волконская. «...Я умерла для семьи»,— вспоминает она свои слова, мысленно произнесенные при расставании с отцом. Мария Кочубей и Мария Волконская тяжко перенесли смерть своих покинутых отцов. Разум Марии Кочубей помутился. «...Потрясение было до того сильно, что мне показалось, что небо на меня обрушилось,— пишет Волконская,— я заболела».

> Узнай, по крайней мере, звуки,
> Бывало, милые тебе... —

обращается к Волконской Пушкин в «Посвящении».

Эти звуки — вольнолюбивые стихотворения поэта, в том числе послание, которое он хотел передать с ней каторжанам-декабристам.

Тема Сибири обозначена с самого начала, в «Посвящении», строкой: «Твоя печальная пустыня». Эта строка притягивает к себе другую: «С брегов пустынных Енисея» — и становится совершенно ясной, даже если не знать фразу, оставшуюся в черновике: «Сибири хладная пустыня».

Пустыня Сибири — удел Волконской и декабристов.

Мария в поэме мало похожа на Матрену Кочубей — «очень ограниченное женское существо», по замечанию историка Костомарова в монографии «Мазепа». Это, конечно, Мария Волконская, которую Пушкин хорошо знал и в которого был одно время влюблен.

М. ИСКРИН

Мария Волконская.

А. СОФРОНОВ

В АФГАНИСТАНЕ

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Поздней осенью 1949 года меня, работавшего в ту пору секретарем правления Союза писателей СССР, позвал в свой кабинет Александр Фадеев. Фадеев сидел за широким столом.

— Садись,— сказал он.— Вот какое дело... В Пакистане, во втором городе этой вновь образовавшейся страны... Ты знаешь, что Пакистан вот уже два года самостоятельное государство?

— Знаю... Я читаю газеты...

Фадеев улыбнулся:

— Правильно делаешь... Так вот, в Пакистане, в Лахоре, должен состояться конгресс прогрессивных писателей...

— Очень хорошо,— сказал я.

— Конечно, хорошо...— И уже совершенно серьезно продолжил:— Мы получили приглашение и собираемся направить туда, в Лахор, делегацию.— Фадеев остановился.— Я думаю, что тебе полезно будет принять участие в этой поездке.

— Но, Александр Александрович, я еще не был ни в одной из наших азиатских республик...

— Пора начинать... Добираться вам туда через Ташкент и Афганистан.

— А состав делегации?

— Во главе Николай Тихонов, затем узбекский прозаик Айбек и таджикский поэт Мирзо Турсун-заде... Могу заверить: поездка будет интересной... А что за страна Афганистан, можешь немного узнать из книги Ларисы Рейснер... Рейснер побывала на афганской земле в первые годы Советской власти и со всей честностью рассказала обо всем, что увидела там... Ее книга — это настоящая литература. Так что готовься.

Книгу Ларисы Рейснер я прочел с большим интересом. Это было начало двадцатых годов. Многие страницы книги запомнились.

«На протяжении нескольких сот верст одно и то же: мир. Бледный дол едва отогревается, и от поля к полю, справа и слева до края неба ходят медленные пахари.

За их плугом дымится легкое облако теплой земляной пыли. Вернувшийся домой кавалерист сидит на худой крестьянской лошади, и за ним, подпрыгивая, ползет борона, касаясь земли своей жесткой лаской. Как безумно далеко ушла война! Весенние реки заливают старые окопы,— невозможно себе представить падение снаряда среди робкой зелени озимей, на опушках болотистых рощ.

Бесконечный покой...»

«...Не зная местного языка и не принадлежа к исламу, в такой замкнутой стране, как Афганистан, совершенно невозможно приблизиться к народным массам и тем более проникнуть в средневековую семью кабульца.

Здесь женщина больше, чем в других восточных странах, отделена от жизни складками своей чадры, едва просвечивающей на глазах, собранной в тысячу складок на затылке, ниспадающей до кончиков загнутых туфель без задка, еще больше связывающих ее слепую походку».

Фадеев не ошибся: поездка действительно оказалась интересной. В ту пору еще не было на пассажирских линиях быстроходных самолетов. До Ташкента мы летели с двумя-тремя посадками. Оказавшись в Ташкенте, выяснили, что перелететь в столицу Афганистана не так просто. Горный хребет Гиндукуш оказался тем рубежом, который в это время года почти постоянно окутан туманом. Но нет худа без добра. Пять-шесть дней, которые выпали нам на ожидание, пока Гиндукуш милостиво откроет свои вершины, не пропали даром. Это были дни запомнившихся встреч с Узбекистаном, с театрами и музеями Ташкента да и просто с гостеприимными узбекскими писателями, в основном у них дома, за семейным пловом.

Даже как-то не поверилось, когда однажды утром нам сказали: «Быстро на аэродром». Вскоре мы были в воздухе, а еще через некоторое время дышали через кислородные маски — таков был высотный потолок для наших пассажирских самолетов тридцать два года назад. Сквозь замерзшие оконца смотрели мы вниз на черные горные кряжи, припорошенные снегом и, словно панцирем, покрытые прозрачным ледком. Вскоре самолет начал снижаться. Блеснуло солнце, и мы увидели под нами старый город Кабул с башнями минаретов. Узкую посадочную полосу. Маленькое здание аэропорта... Нас встречали бывший в ту пору советником посольства СССР в Афганистане И. Ф. Шпедько и его помощники.

Честно скажу, Кабул на первых порах напомнил мне большую деревню. Впрочем, вот цитата из моих записок, которые были опубликованы после возвращения из Пакистана в «Литературной газете»:

«Навстречу нам изредка попадались перегруженные автомашины «шевроле». На перевалах, на крутых поворотах за каждой машиной бежал афганец с деревянными колодками в руках. На перевале Латобанд очень часто машины летят в пропасть: при переключении скорости машина скользит назад, люди не успевают спрыгнуть с грузовика. Американские моторы сдают. Обязанность афганца, бегущего за машиной,— подставлять колодки под задние скаты автомашины, если вдруг машина останавливается. Но колодки не всегда помогают. В низинах лежали остовы разбитых машин.

...Темнота застала нас при подъеме на перевал. В углублениях, в стороне от дороги, в скалах горели костры. Чуть поодаль лежали верблюды. Перевалив Латобанд, мы въехали в ущелье, по дну которого с ревом неслась река Кабул. Наши машины проносились мимо дорожных чайхан, возле которых, озаренные кострами, на корточках сидели худые афганцы. За ущельем мы выехали на каменистую дорогу, а затем свернули в поле, усеянное острыми белыми камнями. Шофер сказал, что здесь три месяца тому назад прошел большой ливень, размыл дорогу и разрушил мосты. Дорогу так до сих пор и не исправили...»

В Кабуле мы пробыли два-три дня. Оформление въездных виз в Пакистан, разработка автомобильного маршрута по Афганистану и Пакистану, и наконец мы выехали со двора нашего посольства, взяв курс к афгано-пакистанской границе. Позволю снова привести цитату из своих записок: «При выезде из Джелалабада мы встретили роту новобранцев. Молодые, бородатые, босые, с запавшими животами, путаясь ногами в оборванных халатах, маршировали афганцы. Чуть в стороне от дороги, в дерюжной одежде, стояли солдаты, проделывавшие какие-то несложные воинские упражнения.

Сам город Джелалабад словно вылеплен из одного куска глины. Пестрые лавки купцов, продающих бананы и виноград, мясные лавки. Говор и крик возле бензоколонок, и все те же медленно бредущие через город караваны верблюдов.

Вскоре за Джелалабадом началась пустыня. Опаленная зноем, она лежала, усеянная черными, словно обугленными, камнями. Навстречу нам стали попадаться кочевники из племени патан. Черные волосы, смуглые красивые лица. Женщины шли босые по черным раскаленным камням. В стороне от дороги они ломали саксаул.

Чем ближе подъезжали мы к границе, тем больше встречали кладбищ. Над могилами, врытые в землю, торчали черные плоские длинные камни, напоминающие мечи. Кое-где виднелись подобия гробниц, над которыми, легко покачиваемые ветром, висели маленькие белые флажки.

Обилие кладбищ у границы Пакистана объясняется тем, что в этих местах шли ожесточенные бои афганцев с англичанами. Здесь, вблизи от Хайберского прохода, плохо вооруженные афганцы в 1919 году отбивали попытки англичан прорваться в Афганистан и поработить страну...»

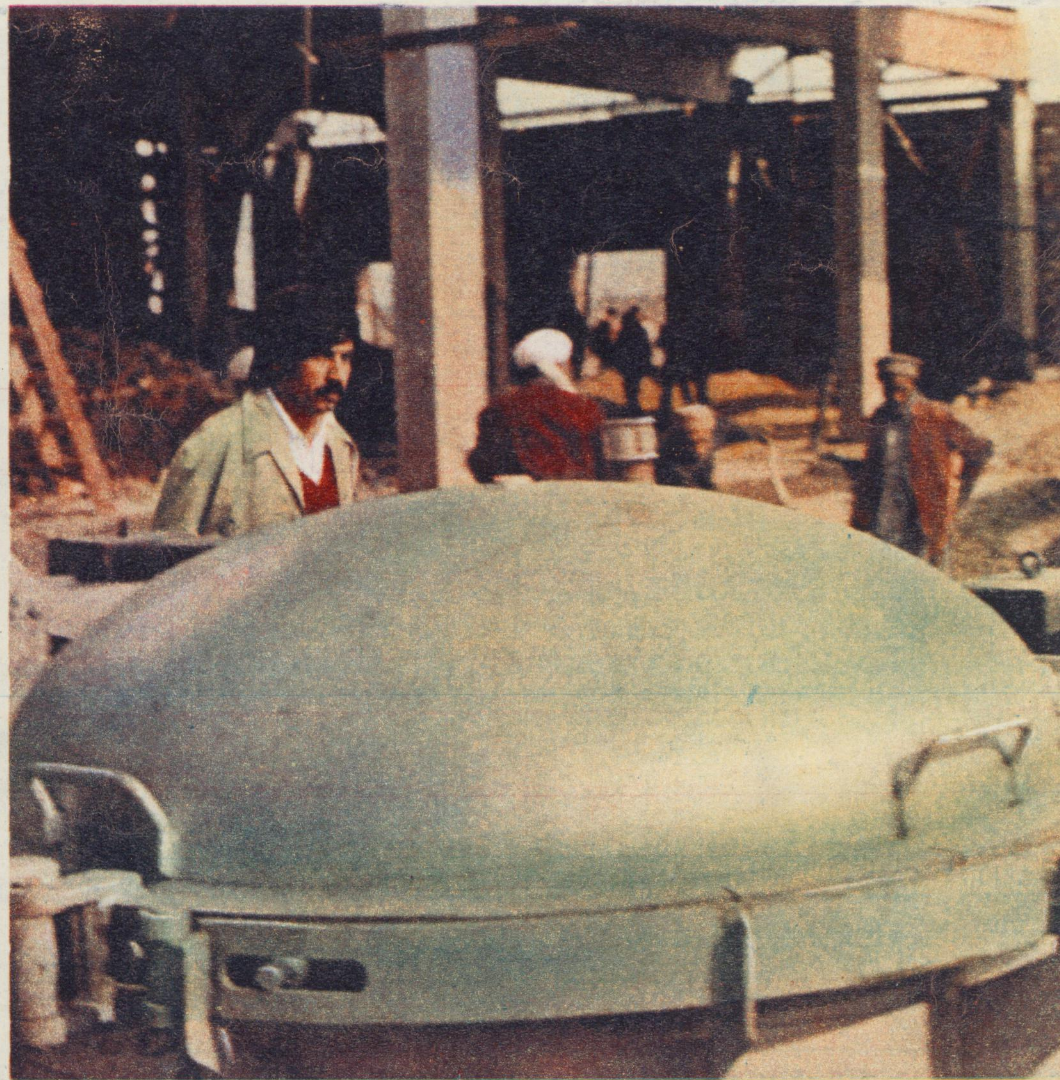
Таким нам увиделся Афганистан в ноябре 1949 года.

Теперь, через тридцать два года, я снова с группой писателей летел в Афганистан. В ночь на 2 декабря 1981 года Алекс Ла Гума — генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки, южноафриканский писатель, Субхас Мукерджи — индийский поэт и прозаик, Моин Бсису (Палестина) — известный поэт и заместитель главного редактора журнала «Лотос», Абдуррахман аль-Хамиси (Египет) — известный арабский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», председатель жюри по премиям «Лотос», Фаиз Ахмад Фаиз (Пакистан) — известный поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», главный редактор журнала «Лотос», То Хоай (Вьетнам) — прозаик, Ассефа Гебре Мариам (Эфиопия) — поэт, Мамаду Траоре Диоп (Сенегал) — поэт и критик и мы с председателем Союза писателей Узбекистана, драматургом Сарваром Азимовым направлялись на заседание секретариата Ассоциации писателей стран Азии и Африки, которое должно было состояться в Кабуле.

Уголок старого Кабула * Каменщик Гулям Раби * Строительство завода оливкового масла в Джелалабаде.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Без паранджи.

Недели две назад в Кабуле успешно прошла сессия Президиума Организации солидарности народов Азии и Африки, на которой выступал Бабрак Кармаль, сказавший: «Внешняя политика ДРА основана на принципах мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, на принципах движения неприсоединения. Являясь миролюбивой страной, ДРА прилагает постоянные усилия для укрепления дружественных связей со всеми странами мира, особенно с соседними, на основе взаимного уважения независимости, национального суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга. Правительство ДРА твердо и последовательно поддерживает усилия миролюбивых стран и народов, направленные на сохранение мира, на обеспечение разоружения, свободы, социального прогресса и взаимовыгодного международного сотрудничества». В заключение Б. Кармаль заявил, что афганский народ рассматривает созыв очередной сессии Президиума ОСНАА в Кабуле как яркое проявление революционной и братской солидарности этой организации с трудящимися Афганистана в их трудной борьбе.

А до этого в Кабуле секретарь правления Союза писателей СССР Юрий Верченко подписал с Союзом писателей Афганистана договор о дружбе...

...Но не так все просто бывает на свете. Прилетев в Ташкент, мы вместо того, чтобы тут же вылететь в Кабул, попали в гостеприимный дом талантливого узбекского поэта Рамза Бабаджана, которому именно в этот день исполнилось шестьдесят лет, и в газетах был опубликован Указ о награждении его орденом Трудового Красного Знамени. А о том, что аэропорт в Кабуле в этот день был закрыт туманом, мы периодически узнавали до того критического момента, когда стало ясно, что сегодня нам уже вылететь в Кабул невозможно.

Как всегда, Ташкент был хлебосолен и гостеприимен. Помня, что было тридцать два года назад, я все же подумывал: «Неужели все повторится вновь?»

Но повтора не было. На другое утро наш самолет с ташкентского аэродрома поднялся в небо, а через час приземлился в аэропорту Кабула, где нас уже встречали афганские друзья. Кое-где островками лежал выпавший накануне снег, но в синем небе сияло ясное декабрьское солнце и вдали виднелись снежные вершины гор.

Таким образом, мы оказались в Кабуле. Естественно, город стал более современным. Три десятилетия не прошли даром. В 1949 году здесь насчитывалось примерно около ста тысяч человек, в настоящее время — восемьсот тысяч. Но жизнь в Кабуле, конечно, сейчас не простая. Новый Афганистан не дает покоя заокеанским владыкам. В первый же день нам сказали, что из Пакистана на афганскую землю заброшена тысяча «свежих» диверсантов, перед которыми поставлена задача «охотиться» на партийных работников и общественных деятелей Афганистана.

Зарубежная пресса захлебывается от лживых сообщений о том, что якобы афганские военные вертолеты появляются над Пакистаном. Но ложь остается ложью. А вот о том, что идет непрерывная, необъявленная война с бандитами, периодически афганцы узнают из своих газет: «Крупная банда разгромлена народными вооруженными силами, партийными активистами и народной милицией в северной афганской провинции Тахар. У бандитов изъято значительное количество иностранного оружия, боеприпасов, противотанковых мин, радиостанция, а также документы, свидетельствующие о связях главарей банды с заграницей».

«Продолжается ликвидация контрреволюционных банд, терроризирующих жителей страны. Как сообщает агентство Бахтар, в последние дни были ликвидированы банды наемников в провинциях Фарах, Герат, Гор и Логар. У бандитов захвачено значительное количество оружия, документы, свидетельствующие о связях главарей банд с заграницей».

В ГОСТЯХ У БАБРАКА КАРМАЛЯ

На другое утро в президентском дворце за широким столом встретились мы с главой афганского государства. Приветствуя писателей, Бабрак Кармаль сказал:

— Я рад видеть вас, дорогие друзья, здесь, в народном Афганистане, и чувствовать, что и я нахожусь среди вас, талантливых писателей Азии и Африки, которые так много сделали для того, чтобы народы этих двух континентов побеждали в борьбе за свободу и независимость. Совсем недавно здесь, в Кабуле, в столице революционного Афганистана, состоялась сессия Президиума Организации солидарности народов Азии и Африки. И мы, конечно, рады тому, что Афганистан все больше пользуется доверием, играет важную роль в освободительном движении народов. Мы рады видеть здесь представителей Палестины и выражаем восхищение борьбой палестинского народа. Мы знаем, насколько велика роль прогрессивных писателей в странах Азии и Африки, в судьбе всего человечества. Сейчас весь мир разделен на два лагеря. Ваша организация ведет активную борьбу против империализма, сионизма, апартеида. Мы боремся вместе с вами. Стоим вместе с вами в одном ряду. Каждый писатель обязан выступать с классовой точки зрения и рассказывать народам мира правду о жизни рабочего класса, крестьянства, всех трудящихся. А ведь эта правда является правдой всего мира. Прогрессивные писатели играли, играют и всегда будут играть важную роль, ибо они обогащают литературу, ставят свои произведения на службу всех народов. Наши задачи многосторонни. Одной из главных задач для нас является сохранение мира. Империализм усиливает гонку вооружений. Американские империалисты и китайские гегемонисты стали союзниками. У них заговор против народов мира. Но мы не можем быть пассивными. Мы должны все более активно включаться в борьбу. Соединенные Штаты всюду создают военные базы, не только новые, но и восстанавливают старые. У нас с вами общая точка зрения. Чувствуйте себя в Кабуле, в Афганистане, как у себя дома.

Бабраку Кармалю отвечал Алекс Ла Гума.

— Мы счастливы,— сказал он,— что это заседание секретариата происходит в Кабуле. Мы будем считать его историческим. Мы благодарим вас за гостеприимство. Буквально с первых минут, как мы находимся на афганской земле, наши надежды начинают сбываться. Ассоциация писателей скоро будет праздновать 25-летие с момента нашей первой конференции, которая проходила в Ташкенте в пятьдесят восьмом году. Мы считаем, что эта встреча в Кабуле является началом подготовки к празднованию нашего 25-летия. Мы рады сказать вам, что горячо поддерживаем борьбу афганского народа, поддерживаем душой и сердцем. Афганистан не просто добился свободы, он играет важнейшую роль для защиты мира во всем мире. Даже его географическое положение помогает этому. Я сам из Южной Африки. Наш народ поддерживает вашу революцию. Мы знаем, как эксплуатируют Африку Соединенные Штаты. Они берут уран в Южной Африке. Рейган и Тэтчер клевещут на наши народы. Народы Африки отвергают эту ложь. Один из ответов этим клеветникам — это успех борьбы афганского народа. И мы вместе с афганским народом будем продолжать борьбу за наше общее освобождение. Это нелегкая задача, но мы ее решим.

— Спасибо вам, дорогой друг,— ответил Алексу Ла Гуме Бабрак Кармаль.— Вы все уважаемые борцы за правду и свободу. Я могу сказать здесь — мы особо благодарим за помощь великий советский народ. Апрельская революция явилась историческим выражением воли афганского народа. Не случайно именно Апрельская революция привлекла злобное внимание всех империалистических кругов мира, объединившихся в «священном союзе» в войне против Афганистана. Тысячи наемников продают свои души и находятся сейчас в Пакистане, где насчитывается около 70 пунктов сосредоточения китайских, американских, египетских инструкторов, тысячи наемников убивают здесь, на афганской земле, детей и стариков... Империалисты пытались до Апрельской революции уничтожить Афганистан. Но именно в это время мы обратились к помощи Советского Союза. Эта братская помощь нам была оказана. Если бы не было этой помощи, сегодня мы не могли бы назвать Афганистан независимым. Сейчас мы, выражая благодарность Советскому Союзу, другим социалистическим странам, можем сказать, что афганская революция победила! Афганистан не одинок! И мы вам спокойно говорим: мы победим!

Сарвар Азимов, представляя Советский Союз, сказал:

— Советские люди испытывают братские чувства к афганскому народу, и мы видим: афганский народ строит новую жизнь на своей родине. Мы прилетели сюда, чтобы во весь голос сказать о том, что наши люди поддерживают борьбу афганского народа.

...Я с удовольствием, правда, коротко, пересказываю те слова, которые были сказаны во время встречи у президента, ибо они действительно выражали мысли и чувства афро-азиатских писателей, объединенных в Ассоциацию.

— Это не только революция Афганистана. Это часть революции всех народов. Борьба народа Афганистана — это борьба за судьбы всех народов. Либо силы зла, либо силы добра!— говорил революционный египетский поэт Абдуррахман аль-Хамиси.— Дружба афганского народа с Советским Союзом — это залог успехов.

— Я говорю стоя,— сказал палестинский поэт Моин Бсису.— Я передаю сердечный привет от Ясира Арафата, главы Организации освобождения Палестины. Борьба палестинского народа сливается с борьбой народов Афганистана. Ваша победа — это наша общая победа над империализмом и сионизмом.

Говорил Фаиз Ахмад Фаиз:

— Может быть, я с особым волнением выступаю сегодня здесь, так как наши народы самые близкие. Я пакистанец. Правда, сейчас я лишен возможности жить в своей стране.
Враги создают трудности для наших народов, пытаются разорвать наши связи, посеять семена враждебности. Но эти семена не дадут всходов. Наш народ и ваш народ по духу своему всегда останутся близкими.

— Да, народы Афганистана и Пакистана,— сказал Бабрак Кармаль,— являются историческими братьями. Империализм пытается их разделить, но это не удастся. Мы победим! Сердечно благодарю вас, дорогие друзья, что мы встретились с вами. Для нас это большое событие. И я надеюсь, что ваша работа в Кабуле будет плодотворной.

ПОЕЗДКА В ДЖЕЛАЛАБАД

Наши хозяева — афганские писатели всячески старались побольше показать своим гостям. Мы побывали и на фотовыставке, где также было немало свидетельств диверсионных, бандитских нападений на Афганистан. На снимках были запечатлены убитые, растерзанные бомбами и автоматными очередями афганцы.

Побывали в Национальном музее и Национальном архиве, которые тщательно охраняются.

Как и было запланировано, мы готовились посетить город Джелалабад. Для меня Джелалабад не был, как я уже говорил, новой географической точкой, ибо в тот самый сорок девятый год, в одной из скромных гостиниц этого милого и красивого городка мы ночевали, когда направлялись в Пакистан. Тогда мы ехали машинами из Кабула. Теперь все было проще. 8 часов 30 минут утра. Мы в кабульском аэропорту. На самолете «Як-40» поднялись в небо. Интересно смотреть в окошко самолета, видеть внизу синие свинцовые полоски рек, пусты-

Их профессия — рабочие * Улица в Джелалабаде * Строят новый цех * Митинг на площади в Джелалабаде * Школьники Кабула * Обычный базар.

ни. А затем — через тридцать минут — посадка. И вот уже дорога в город. Базар, яркий, шумный, пестрый, разнообразный.

Хозяева города прежде всего повезли нас на строительство завода по производству оливкового масла.

Инженер Гулям Сахи говорил:

— Завод должен быть пущен в 1982 году. Работаем на полный ход. Вы это видите. К сожалению, бандиты пытаются задержать доставку строительных материалов, оборудования, но тем не менее мы строим и не собираемся поддаваться врагам. Мы занимаемся не только строительством завода, но и в большой степени ирригацией. Здесь у нас хлопковые поля. Советские специалисты очень помогают нам.

Мы ходили мимо строящихся цехов, беседовали с рабочими, наблюдали, как они работают. Гулям Раби, рабочий-каменщик, обратившись к нам, сказал:

— Мы рады видеть писателей стран Азии и Африки на нашем строительстве, потому что это мы строим для себя, для нашей республики. Работаем для победы афганской революции. Когда будете в своих странах, передайте, что мы рады и тому, что нам помогают советские специалисты. Здесь у нас работают люди из Узбекистана и Азербайджана. Мы с ними очень дружим.

Секретарь райкома партии Гуль Мухамед рассказывал нам:

— В этом районе (он именуется третьим районом Джелалабада) в восьми первичных партийных организациях 2044 члена партии. Здесь же пять профсоюзов. Работают столяры, плотники, текстильщики. Вот, как видели вы, и завод по переработке оливок. Здесь 2504 члена профсоюза, 113 членов Демократической организации молодежи Афганистана. Женский союз насчитывает пока 36 человек. Они только-только начинают организовываться. У нас уже 125 пионеров.

В оливковой роще участники поездки посадили деревья: теперь в этом парке дружбы будет и наш вклад.

На большой площади нас ждало много людей: пионеры в красных галстуках, женщины без чадры. Это был большой массовый митинг в Джелалабаде, на котором выступали приехавшие писатели и наши афганские товарищи. Митинг произвел огромное впечатление какой-то особой свободой, светлыми, открытыми лицами. Тем, что так всегда греет наши сердца. И еще нам показали санаторий для рабочих. Он помещался в бывшем королевском дворце. Конечно, он был еще не оборудован. Но в санатории уже были отдыхающие. Это были зачатки той заботы о здоровье трудящихся, которой окружает в самом начале своей жизни своих граждан свободная республика Афганистан.

...Может быть, кому-то здесь что-то покажется наивным, неумелым, но вспомните, вспомните, дорогие друзья, начало нашей советской жизни,— как было все не просто, как давалось все с болью и огромными трудами. Теперь на нас равняются, могут спокойно равняться молодые страны, добившиеся свободы и национальной независимости.

Жизнь идет, ее не остановишь. И это, может быть, особенно мы почувствовали и в бывшем дворце — ныне здравнице, и на широкой джелалабадской площади, и на улицах самого Джелалабада, заполоненных, как обычно, мелкими торговцами, продающими все: от сигарет до воздушных шаров,— где жизнь продолжалась как бы по-старому и вместе с тем в нее входили уже новые контуры, которые можно было разглядеть опытным взглядом и горячим верующим сердцем.

БУДУЩЕЕ АФГАНИСТАНА

И еще одна встреча.

Туманное утро. На взгорьях Кабула виднелись, словно каменные ступени, поднимающиеся все выше и выше хижины. Они поднимались в облака, в серое, зимнее небо.

Встреча состоялась в Демократической организации молодежи Афганистана. Там нам рассказали о том, как живет афганская молодежь. Мы сидели за длинным столом, видели портреты Владимира Ильича Ленина, видели диаграммы — все то, что как бы показывало движение жизни в Афганистане. Встречавший нас секретарь ДОМА говорил:

— Молодежь интересуется вашими книгами. Через эти книги наши юноши и девушки связываются с внешним миром. И чем больше они будут читать, тем больших добьются успехов в нашем общем деле. Молодежь участвует в преобразовании страны. Мы читаем ваши стихи, они печатаются в наших газетах. И нам очень важно, чтобы молодые читатели познакомились с вами, с вашими революционными идеями. А наша забота, главная цель — укрепление афганской революции. Недавно состоялся пленум, на котором слушался вопрос об идеологическом воспитании, о патриотизме и интернационализме. Мы особенно прививаем трудовые навыки, учимся и работать как следует и одновременно противостоять пропаганде, ведущейся против революции. Нам всячески помогает Союз писателей Афганистана. Мы дружно работаем с ним. Сейчас проводим конкурс, на котором молодежь выскажется: почему мы любим свою Родину. Это — девиз конкурса. Уже пришло много произведений. Даже уже премии присудили. Лауреаты поедут в Советский Союз по приглашению ЦК ВЛКСМ. Мы очень заботимся и о детской литературе. А теперь мы приглашаем вас к нашим пионерам в литературный кружок.

...Здесь же, через несколько домов, в довольно холодном помещении нас ждало человек двадцать ребятишек в пионерских галстуках. Они читали нам свои стихи, очень волновались. Хорошие ребята, такие же, как и наши советские пионеры. Я сфотографировал школьницу, ведущую встречу. Умные глаза, обаятельная улыбка. Я только совершил одну непростительную ошибку — не спросил ее имени. Но ее портрет мы публикуем на обложке этого номера журнала.

Встреча с пионерами, с будущим страны, стала одним из ярких впечатлений об Афганистане.

Окончание следует.

Валентин СОРОКИН

СЛ

* * *

К твоим ногам ветра летят
и реки.
И я перед тобой не знаменит.
Лишь о тебе,
единственной вовеки,
Моя душа, что колокол, звенит.

И этот плач,
тяжелый и рыдальный,
Я узнавать и слушать устаю.
Он не умрет за синевою дальней
И не воротит молодость мою.

Как два крыла бесстрашных
и парящих,
Мятущейся,
но только не чужой,
Я выносил тебя из всех горящих
Домов несчастья на земле
большой.

Я ничего не требую от бога
И покорюсь, наверное, судьбе,
Пока стучит колесами дорога,
Бегут огни желания к тебе.

Люблю тебя и чувствами и волей.
И неужели нам не одолеть
Тот медный звон
невыразимых болей
И зимнюю слепую гололедь?

ОТЧИЗНА

Жаркий полдень травы косит.
И звенит на тыщи лет
Чудный свет зеленых сосен
И полей зеленых свет.

Слышу дальний голос друга.
Вижу предков письмена.
Зелена моя округа,
И Россия зелена.

Эх ты, Родина большая,—
Взмахи зорь бегут из тьмы.
И обнять тебя мешают
Перелески да холмы.

Слева море, справа море.
Но все то, что нам дано,
Затерять в твоем просторе
Никому не суждено.

Вскрикнет ветер, гикнет лихо,
И опять к тебе на грудь
Облака садятся тихо
В перелетах отдохнуть.

СОЛНЦЕ КУПАЛОСЬ

Не пожар гулял по селам,
Не гроза вокруг металась.
Это в озере веселом
Утром солнышко купалось.

Громко ветер ухал росный,
И холмы, урча, гудели.
Заворóженные сосны
Молча с берега глядели.

Солнце в озере купалось,
Из воды светило тело.
Лето зноем наливалось,
Вся природа золотела.

Шумно солнышко ныряло
По волнам напропалую.
И, ныряя, повторяло
Песню жизни удалую:

— Я иду из-за Урала
Греть траву и сеять поле,
Тем, кому недоставало,
Я дарю тепло и волю;

Прославляю полдень жгучий,
Труд и радость утверждаю.
Потому я неминуче
На планете побеждаю!..

РАДОСТЬ

Лес волнуется и шумит.
Сердце больно мое щемит.

Не волнуйся, не сетуй, лес,
Скоро солнце сверкнет с небес.

И рассыплется звон и свист,
Вспыхнет радостно каждый лист.

Но останется, высока,
Плыть бесцельно моя тоска.

ПОСВЯЩЕНИЕ

1

Глаза твои —
Серые капли тумана,
Ребячески радостный
Вздох океана.

В них, серых,
Зеленую вижу планету,
И только меня
На планете той нету.

Один прохожу я
По звездным дорогам,
То ангелу равный,
То спорящий с богом.

2

Вперяясь в просторы,
Омытые кровью,
Я все заклинаю
Единой любовью:

Твоею, своею,
Твоею, своею,
И жить я иначе
И мыслить не смею.

Весь мир зародился
И вздрогнул, ликуя,
От нежной тоски
Твоего поцелуя.

ОВО ЛЮБВИ

Один прохожу я
По звездным дорогам,
По каменным, древним,
Щербатым порогам.

Следы человека,
Что был здесь когда-то,
Заметил я в скалах,
Торчащих горбато.

3

Но верности, видно,
Ему не хватило,
И прахом бесславья
Его поглотило.

Один прохожу я
По звездным дорогам,
То ангелу равный,
То спорящий с богом.

Как свет со Вселенною,
Всклень голубою,
С тобою всегда,
Говорю я с тобою.

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Гром пробежал
и смолкнул далеко.
Дождем омыты,
засветлели рощи.
Мир показался искренней
и проще,
О жизни стало думаться легко.

Но слышу я, опять во мне, опять
Похожая на роковые гулы
Тревога заворочалась,
вздохнула,—
Едва держусь я,
чтоб не зарыдать.

А синева клубится и плывет.
Кулик-недрема плачет у болота.
Куда меня призванье позовет,
Беда какая ждет у поворота?

Как трудно груз раздумия нести.
Так высока дорога вдохновений;
Ее хранит от бурь
мятежный гений —
И только звезды у него в чести!..

Тьма разлилась устало по холмам.
Весенний ветер,
вновь собой наполни
Размах полей,
пошли побольше молний,
И гроз,
и ливней яснотворных к нам.

Я свеж, как обновленная трава,
Не сломлена,
не вытоптана совесть,
И, к празднику грядущему
готовясь,
Я предъявляю на него права.

МАТЕРИНСКИЙ ДОМ

Стонет ветер, стонет ветер,
И стучит в лесу мороз.
Как случилось — не заметил
Я седых своих волос.

Стонет ветер, ветер стонет,
И, безумец, верю я:
Где-то мечется в просторе
Тройка храбрая моя.

Стонет ветер, ветер, ветер.
И одна среди дорог
Вдруг упала на планете
На отеческий порог.

Ведь куда бы ни носила,
Ни вела тебя тропа,
Есть карающая сила —
Дома русского судьба!..

Ветер стонет, ветер стонет,
И стучит мороз в лесу.
Скоро мать в ладонь уронит
Предсказания слезу...

Стонет в дали, в дали, в дали
Ветер, ветер-бубенец,
Там, где дьяволы видали
Свету целому конец.

ЗИМНЕЕ ПОЛЕ

Нам некуда теперь спешить.
Зима-провора чутким снегом
Соединила дали с небом,
И некуда теперь спешить.

Уже промчались поезда.
И отстонали, отстучали
Надежды наши и печали,
Вчера промчались поезда.

Один я в поле выхожу.
Метель, свирепствуя, дымится.
И с ней большая спорит птица,
Когда я в поле выхожу.

И резко крыльями свистит,
Кричит и рвется на свободу
И, проклиная непогоду,
Трагично крыльями свистит.

Не знаю, слышишь или нет
Ты звуки эти, вихри эти.
А может, я один на свете.
Скажи, ты слышишь или нет?

ЗЕМЛЯ

Ивану Акулову

Как представить белый снег
Без саней крылатых?
Как представить тройки бег
Да без грив косматых?

О земля моих отцов,
Вздыбленная круто,
Ветром, звоном бубенцов
Ты насквозь продута.

От стрелы и до курка
Через все туманы
По тебе прошли века,
Будто атаманы.

Над тобою круг вершат
Звезды-хороводы.
В глубине твоей лежат
Разные народы.

Как безумец в гололедь
Направляет снасти,—
Я пришел запечатлеть
Грозные их страсти.

Не указами царя,
Волею поэта
Плещут реки и моря,
Движется планета.

О земля, земля моя,
Цезарь и Атилла
Не заполнили края —
Духу не хватило!..

Никуда тебя не деть,
Я-то знаю это:
Из конца в конец лететь
Устает комета.

Плачу, голову склоня:
Счастья ль, бога ль милость —
Ты под сердцем у меня
Нежно уместилась!

ОЖИДАНИЕ

Тебя я жду одну,
Как соловей луну.

Одну я жду тебя,
И мучась и скорбя.

Там, где померкнул день,
Твоя восходит тень.

ВЕСЕННИЙ САД

Промаячил и скрылся во мглу
Опечаленный месяц-двурожник.
Тихо капли стучат по стеклу,
Начинается в сумерках дождик.

На березах вскипает листва,
Звон далекий летит по округе.
Вот опять зарыдали слова
О погибшем поэте и друге.

Вот опять замерещилась ты,
Наши встречи,
разлуки,
печали.
Но багряною вьюгой цветы
В тот же миг на дворе закричали.

Раскрываю окошко я в сад,
И такая картина творится:
Сад, как будто бы годы назад,
Весь колышется, реет, искрится!..

И шумит, и вздыхает опять,
Лепестковою ходит волною.
Нет, ему никогда не понять
То, что сделало время со мною.

И не зря я подумал во мгле,
Размечтавшись про то да про это:
Не забыть мне тебя на земле
И веселого друга поэта.

ПОЛЕ РОДНОЕ

Поле родное,
да ветер, да ветер.
В жизни, как в битве,
за все я в ответе.
Детство, и юность,
и молодость, где вы,
Ветер проносит
лесные напевы.
Молодость, зрелость,
любовь и призванье,—
Поле родное
да ветер страданья.
Звезды, горящие
в небе глубоко,
Поле родное
да лунное око...

В ЛИВЕНЬ

Волнуется ковыль,
О чем-то глухо ропщет.
Дождя седая пыль,
Клубясь, летит над рощей.

И я один стою
В просторе предзакатном,
Слагая песнь свою
На языке понятном.

На нем рыдала мать
В войну при мне впервые,
Ему должны внимать
Окрайны мировые.

Но мне не до того,
Я полон муки слова:
В себе ищу его
И проклинаю снова.

А синева звенит,
И прямо на березы
Качнувшие зенит
Наскакивают грозы.

Я подниму глаза...
О веси штормовые,
Кружатся небеса,
Как волны роковые.

И в самом пекле их,
Где ветер буйно пляшет,
Плывет, плывет мой стих
И белокрыло машет.

СОЛОВЬИНАЯ ТРОПА

Соловей ты, соловей,
Горек песнею своей,
Ты звенишь в рассвет всю ночь,
Чем помочь
И как помочь,—
Соловей ты, соловей.

Я за голосом иду,
Спотыкаясь, как в бреду,
Ты слеза моя и пламень,
Слышит камень,
Даже камень,—
Я за голосом иду!

Ты один такой храбрец,
Сколько выведешь коленц,
Сердце бьется, бьется, бьется,
Надорвется,
Разорвется,—
Чуду вечному конец!
Вздрогнут древние леса,
И луна смежит глаза,
Лось примолкнет у болота,
Жить охота,
Быть охота,
Вздрогнут древние леса.

Соловей ты, соловей,
Мчишь за песнею своей
По цветам, кустам и травам,
По дубравам,
По дубравам,—
Соловей ты, соловей!..

ДЕКАДА

Лев **РУДНИЦКИЙ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Кинотеатр помещался во втором подземном этаже небоскреба. Он понравился Андрею. Здесь был прекрасный, полукругом, зал на тысячу двести мест с широкоформатным экраном, удобный холл. Но как заинтересовать зрителей? Как привлечь их сюда в душный весенний вечер? «Не забыть отметить в рекламе, что в кинотеатре кондиционированный воздух»,— подумал он. Потом мелькнула мысль о мороженом: здесь знали и любили русское мороженое. Костров вынул записную книжку и сделал в ней пометку.

— А проекционное оборудование исправно? — поинтересовался Костров.

— Проверяем, обкатываем, — ответил Майкл.— Со вчерашнего дня сюда переброшен — один из лучших специалистов в городе. Мы арендовали его у хозяина независимого кинотеатра. Правда, это влетело нам в копеечку...

— Значит, уже сегодня я мог бы показать фильмы одному человеку с целью рекламы?

— Безусловно,— подтвердил Майкл. И добавил, с одобрением поглядев на Кострова: — Я вижу, Эндрю, ты тоже не теряешь времени даром.

«Андрей Костров — СССР.

В дополнение к донесению от 19.IV. —

Вчера утром Костров сам отправился в таможню международного аэропорта Дарвали для получения груза. Я была готова к 8 часам 45 минутам и ждала его у подъезда, чтобы поехать с ним и оказать помощь. Об этом я доложила устно шефу при встрече накануне вечером. По дороге в аэропорт Костров заехал в банк проверить поступление денег, как он сказал. Я осталась в машине на стоянке. Уходя, Костров вынул из портфеля бумаги и унес с собой.

По дороге нас несколько раз обгонял и теснил черный «мерседес». Сидящие в нем люди бесцеремонно заглядывали в машину Кострова. Все это не осталось не замеченным русским. Именно поэтому, как я полагаю, он и забрал с собой документы. Это были дубликаты аннотаций к советским фильмам. Я узнала их, так как читала после операции Формэна.

Когда Костров вошел в здание банка, у стоянки появился черный «мерседес». Из него выскочили трое рослых мужчин, ворвались на стоянку и бросились к машине Кострова. Один из них, очевидно, старший, бесцеремонно вытащил меня из машины. При этом он порвал мне блузку. Осмотрев всю машину, неизвестные заметили выходящего Кострова. Двое из них бросились бежать и уехали в черном «мерседесе». Старший заметил Кострова с опозданием и тоже попытался скрыться, однако Костров преградил ему путь. Неизвестный выхватил пистолет, но Костров, обезоружив, сильным ударом сбил его с ног. Однако пока Костров вызывал полицию, неизвестный сумел убежать. Все трое нападавших говорили по-русски.

В таможне Костров предъявил аннотации, которые вынул из внутреннего кармана пиджака, и беспрепятственно получил весь груз, в том числе и фильмы. В двенадцать часов тридцать минут все было погружено в крытый грузовик и отправлено на склад фирмы «Розз энд Розз».

Во второй половине дня Костров в офисе писал какие-то бумаги, о содержании которых мне ничего не известно. Кроме того, он сообщил о произведенном на него нападении в посольство СССР.

Вечером Костров был дома.

Долли. 22.IV.

Счет

Во время нападения на автомашину Андрея Кострова были допущены насильственные действия по отношению ко мне. При этом неизвестными была разорвана блузка, отделанная французскими кружевами, ценой 50 (пятьдесят) долларов.

Прошу возместить стоимость блузки, так как ущерб нанесен мне при исполнении служебных обязанностей.

Долли. 22.IV».

Как и было договорено, Костров позвонил Пшебыльскому.

— Здравствуйте, мистер Костров. Прошу извинения, что заставил вас ждать. Сообщения вчерашних газет взволновали меня. Там, конечно, много чепухи, но все же нападение — это факт. Вы здоровы?

Старый учитель говорил несколько быстрее и темпераментнее, чем обычно. Это выдавало его волнение, которое он, впрочем, и не пытался скрывать.

— Я в отличной форме, и хочу сообщить вам, что фильмы, о которых шла речь, вы смогли бы просмотреть уже сегодня либо завтра.

— Лучше сегодня...

Они встретились в два часа у западного подъезда небоскреба и спустились по эскалатору вниз. В кинотеатре их уже ждали.

Сначала смотрели «Обыкновенный фашизм». Старый учитель слушал спокойный, неторопливый комментарий и не отрывал глаз от экрана. Чувствовалось, что он вновь вернулся к событиям далеких лет, свидетелем и участником которых был.

Когда в зале зажегся свет, Пшебыльский не оживился, не обернулся к Кострову, а еще долго молча глядел на пустой экран. Потом медленно произнес, не то утвердительно, не то вопросительно:

— Коммунисты делают такие фильмы... — Потом он поинтересовался: — А кто читает текст?

— Английский актер. Фильм дублирован в Лондоне.

— Хорошо читает. Но я бы хотел увидеть фильм в оригинале. Насколько я уловил, текст авторский и, вероятно, режиссер сам читает его?

— Да,— ответил Андрей.— И очень хорошо читает...

— Жаль. Я бы понял.— И вдруг добавил по-русски: — Ведь я родился и вырос в Варшаве — в то время столице Царства Польского. Мои сестры окончили русскую гимназию.

Костров был приятно удивлен и смущен. Не первый год он знал Пшебыльского, но мысль о том, что тот может понимать и говорить по-русски, не приходила ему в голову.

— Автор фильма, вероятно, старый человек?

— Не очень,— уклончиво ответил Андрей.

— Я понимаю и ценю вашу деликатность. Во всяком случае, это мудрый человек. Из тех, которые украшают мир.— Старый учитель поднялся.— Хочу немного поразмяться.

Он минут десять ходил взад-вперед перед экраном, о чем-то думая. Потом снова сел рядом с Андреем, сказал:

— Давайте продолжим...

Второй фильм — «Великая Отечественная» — он смотрел с не меньшим вниманием. Иногда он что-то тихо шептал сам себе.

Зажегся свет. Старый учитель оглядел зал и недовольно спросил:

— Это здесь вы будете показывать фильмы?

— Да.

— В таком крошечном зале?

— Здесь тысяча двести мест.

— Все равно. Их должен увидеть каждый честный человек!

— Господин Пшебыльский,— сказал Костров,— я обеспокоен тем, что мы не сможем заполнить даже этот зал.

И Костров поделился с ним своими сомнениями и тревогами.

— Кроме объективных причин, таких, как летняя жара и каникулы учащейся молодежи, есть еще и иные.

— Какие же?

— Ну, хотя бы вчерашнее происшествие.

— Но вы же удачно отделались.

— Им нужен был не я, а аннотации на советские фильмы. Силы, которые организовали нападение, не успокоятся. Их цель — сорвать декаду.

Костров рассказал старому учителю, зачем пытались выкрасть аннотации, почему владельцы кинотеатров отказались от контрактов, кто стоит за кулисами грязной игры.

— Чем я могу вам помочь?— спросил Пшебыльский.— Отрывки из ваших фильмов я возьму. Я бы взял их целиком, но у нас нет средств для оплаты такого времени на телевидении.

— Этого и не требуется. Если бы вы сочли возможным уделить несколько слов тому, что увидели сейчас, и сказать, где можно посмотреть наши фильмы...

— Считайте, что мы договорились. Только не ведите никаких переговоров с телевидением по этому поводу. Не то Гриссом сдерет с нас последнюю рубаху.

Уже по дороге к машине Пшебыльский спросил у Кострова:

— А нет ли у вас короткометражных фильмов, которые мы могли бы бесплатно показать активистам и членам нашей организации борцов за мир?

— Есть. Я пришлю вам аннотированный список.

...На следующее утро Костров позвонил на телевидение.

— Я передумал,— сказал он.— Пусть все остается без изменений.

Гриссом разочарованно протянул:

— А я уже выкроил для вас пять минут. И в хорошее время.

— Спасибо, Гриссом, мы обойдемся первым вариантом...

Фред Браун сидел в баре «Мюнхен».

С самого утра он был не в духе. Позавчера выбросил на ветер сто долларов. Вчера эти недоноски провалили операцию с Костровым. А сегодня ему позвонил шеф.

— Если советская декада состоится,— сказал он,— я буду вынужден задуматься над необходимостью прибегать к вашей помощи в дальнейшем.

Вошел высокий мужчина со странно поднятой до уровня плеча рукой в гипсе. Волоча правую ногу, он направился к Брауну, не сводя с него испуганных глаз.

— Садись!— осипшим от ярости голосом по-русски прошипел Фред, когда тот остановился возле столика.— Мало он тебе накостылял! За такую работу руки и ноги надо переломать!

Браун зашелся от бешенства.

— В Африку хочешь, в джунгли, в болота? Ну, я тебе устрою! До конца дней будешь помнить!

Першке и его собеседник замолчали у стойки, с интересом наблюдая за ними. Браун заметил это, овладел собой и, глотнув бархатистого пива, негромко отрезал:

— Если декада состоится — пеняй на себя. Может, это будет Африка или Амазония, а может, просто катастрофа на дороге. Наезд! Понял?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—5.

Лицо верзилы посерело от страха.

В горле Брауна опять заклокотало, но он пересилил себя и торопливо полез в боковой карман. Вытащив чековую книжку, проставил сумму, расписался и вырвал листок.

— Не жалей. Времени мало. И помни — я не шучу. Иди.

Был конец недели, и Майкл пригласил Кострова к себе в загородный дом.

— Приезжай в воскресенье. Будет детская регата, съедутся знакомые и родня. Отдохнем.

В выходной день Андрей не собирался заниматься делами и принял приглашение. Он уже бывал на загородной вилле Майкла и поэтому сказал, что приедет утром сам. Договорились на десять часов.

— Не опаздывай,— предупредил Майкл.— Регата в одиннадцать.

Вилла Майкла Розза — большой деревянный дом, сложенный из толстых сосновых брусьев. Внутренние перегородки, лестницы, двери — все было из неокрашенного дерева. Дом стоял на берегу, который довольно круто спускался к большому озеру. Над водой — терраса, деревянные мостки вели от нее к причалу с двумя моторными катерами и двумя парусными яхтами. Чуть в стороне покачивался на волнах четырехместный гидросамолет.

Андрей поставил машину под навес и хотел было уже подойти к дому незамеченным, как вдруг навстречу ему вышел Майкл в распахнутой рубашке.

— Привет, Эндрю,— крикнул он еще с террасы.— Что будем пить?

Они вошли в дом. Дороти — жена Майкла — приветливо встретила их.

— Выпейте что-нибудь с дороги,— предложила она.

— Именно это мы и собираемся сделать,— сказал Майкл, подходя к бару и открывая его.

— Раз уж ты сразу берешь быка за рога, я хотел бы сначала поразмяться с дороги, прогуляться, а потом согреться,— предложил Андрей.

— Отличная идея. Я составлю тебе компанию. Сейчас бы искупаться, да вода в нашем озере еще очень холодная.

Андрей подумал о том, что в устах Майкла Розза слова «в нашем озере» имеют особый смысл: земля на три мили вокруг его береговой полосы принадлежала Майклу и Эйбу Роззам, а также брату жены Майкла и ее отцу — всем в равных долях.

Чтобы обойти водоем, следовало покрыть расстояние почти в двадцать миль. Богатое рыбой озеро окружали леса, полные всевозможной дичи.

Это был огромный капитал, но Майкл любил говорить Андрею, что на вилле у него настоящий коммунизм.

— Здесь на деле осуществлен ваш лозунг: «Кто не работает, тот не ест».

У Майкла были большая теплица, огород, фруктовые деревья и ягодные кустарники. Привозить из города разрешалось лишь хлеб, вино, сыр, колбасы, сахар, тропические фрукты. Здесь ели только те овощи, мясо и рыбу, что вырастили, подстрелили или выловили сами. Никакой домашней прислуги, кроме старого садовника, у Майкла не было.

Вернувшись в дом, Андрей и Майкл выпили шотландского виски. Майкл подвинул гостю вазочку с жареным арахисом и посетовал:

— Бобби не хочет здесь трудиться. Ты знаешь, он, по-моему, уже выбрал себе девчонку и собирается поехать с ней недельки на две в Майами. Я разрешил, но сказал, что если он хочет погулять, то пусть не рассчитывает на мои деньги. Удовольствие надо заработать.

Майкл выпил еще виски и бросил в рот несколько орешков. Потом продолжил:

— Да, удовольствие надо заработать, я так и сказал. Это не привело его в восторг, но и не смутило. Он устроился мойщиком посуды в летнем ресторане на Королевской горе. За шесть недель он получит определенную сумму. К тому же за каждый сданный зачет и экзамен он получает от Дороти еще по пятьдесят долларов. Неплохо! Я в его возрасте этого не имел. Ну что же, пусть едет. Девчонка хорошая: у отца три завода картонной тары, и она единственная дочь.

— Послушай, Майкл! Ну, а если бы ему понравилась девушка без богатого отца?

— Он, пожалуй, так и выбирал. Он может себе это позволить, а я не мог. У меня не было отца-миллионера. Я начал с малого и каждый доллар заработал своим горбом, своими руками, вот этой головой.— Он хлопнул себя ладонью по лбу.— Дороти — хорошая женщина. Я ее люблю и ценю. Но когда я женился, то смотрел не на ее ножки и личико, а на приданое...

— Ну и зря, Майкл,— крикнула Дороти из небольшой кухоньки за камином, где она готовила сандвичи.— Деньги у меня были и тогда и сейчас, а вот красивого личика уже нет!

Майкл рассмеялся и упрямо вернул разговор к начатой теме.

— Вот сегодня будет регата. Зачем? Думаешь, чтобы богатые сынки научились ходить под парусами и хорошо проводить время? Или ради спорта? Дудки! Я, и Эйб, и ее брат — все мы хотим, чтобы наши дети удержались на поверхности и умножили то, что мы им оставим.

— Зачем?

— Затем, чтобы они были сильны и не им говорили, куда повернуть, а они командовали, как ехать. Я хочу, чтобы у моего сына были власть и свобода, а это дают только деньги и твердая воля.

— Ну, а другим сыновьям и дочерям, у которых нет отцов-миллионеров, им не нужны власть и свобода?

— Им проще: власти они не знают, а свобода на общем уровне гарантирована им законом. Если кто-нибудь из них окажется сильным, он вырвется вперед. Если он слаб, то ничего не теряет. Он рядовой. А Бобби, если окажет-

ся слаб, то после моей смерти слетит с Олимпа к чертовой матери и на его месте утвердится толстозадый сынок одного из директоров «Колибри». Я же хочу, чтобы он был сильным и держал «Колибри» за глотку. А будет случай,— пусть душит: ведь если не он их, так они его!

— А мне для того, чтобы я был счастлив, не нужно душить соседнюю фирму. Более того, я получу в конечном итоге тем больше благ, чем успешнее будут работать все фирмы в нашей стране. Я кровно заинтересован в успехе соседа, а ты должен его прижать, чтобы твоя доля стала больше. В этом ключ.

— Кончайте спор, политики, мы и так уже опоздали на регату.— Дороти держала в руках большую квадратную корзину, сплетенную из прутьев, в которой лежали пакеты с сандвичами. Андрей взял у нее ношу, и они пошли вдоль берега к месту, куда медленно скользили последние яхты.

— Ладно, Эндрю. Не расстраивайся. В коммуниста ты меня не превратишь. Да ведь и я не сделаю из тебя капиталиста, хотя, судя по твоей хватке, ты бы у нас преуспел. Давай лучше говорить о том, что нас объединяет: вспомним войну, обсудим положение с декадой.

...Андрей уехал около шести вечера, слегка уставший от чистого приозерного воздуха, и около половины восьмого был у себя дома, на Мезанёв.

Едва он вошел в квартиру, как раздался телефонный звонок. Андрей по голосу узнал Стенли Мерфью.

— Здравствуйте, Эндрю. Да, это я. Кажется, мне удалось кое-что найти, но не здесь, а в Торонто. Там есть две площадки. Они свободны.

Костров слушал его с радостью и в то же время сожалел, что разговор телефонный. «Лучше бы те, кто хочет помешать декаде, не знали этого»,— подумал он с тревогой.

— Я позвоню вам на службу завтра утром, часов в десять. Идет?

— О'кэй,— ответил Стенли, и они распрощались.

Какое-то смутное предчувствие и безотчетная тревога овладели Андреем. «Э, да ты вроде трусишь?»— сказал он себе.

В постели он долго ворочался, считал до ста и раз и два, но сон не шел. Андрей почти физически ощущал, что на него надвигается какая-то опасность.

«У дочерей короля» — так назывался ресторанчик — все было стилизовано под XVII век. Деревянные столы, покрытые скатертями из грубого полотна, струганые скамейки, миловидные официантки в одежде той эпохи, с белыми наколками на головах и в широченных юбках. Они были обуты в деревянные сабо, и частый перестук мелких женских шажков — единственное, что нарушало тишину.

Мерфью извинился: он опоздал на пять минут. Пока официантка хлопотала, выполняя заказ, Андрей приступил к делу.

— На сколько мест залы? — спросил он.

— Один — на семьсот, а второй — на триста.

— Отлично. А какая проекционная аппаратура установлена там? На какой пленке можно показывать фильмы?

— Шестнадцать миллиметров.

Костров так и думал. Он еще раз похвалил себя за то, что помнил об этой особенности местных кинозалов и, вопреки мнению Тупинина, взял с собой две тридцатипятимиллиметровые установки и преобразователи тока.

— Установки для показа я дам,— сказал Костров,— но нужно посмотреть залы. И, кроме того, я хотел бы знать, на какое количество зрителей можно рассчитывать.

— Я понимаю вас, Эндрю, но для этого нужно ехать в Торонто и все выяснить на месте.

— Я готов.

— А я нет. Дела. Но вас там встретят на вокзале и во всем помогут.

— Я, пожалуй, отправлюсь на машине.

— Один? Путь не близкий...

Андрей рассчитывал, что с ним поедет советник посольства по культуре.

— Ничего. Мы будем вдвоем.

Они обсудили детали. Костров записал адреса и телефоны людей, к которым ему следовало обратиться. Договорились, что до отъезда они еще созвонятся.

— Только ничего лишнего по телефону,— предупредил Андрей.

Костров решил ехать в среду. Он держал это в тайне. «Даже Роззу скажу лишь во вторник вечером»,— подумал он.

Его беспокоило поведение Мэри Фергюссон. На смену назойливости пришло откровенное упрямство. Андрей чувствовал это во всем. Его мысли по-прежнему вились вокруг «загадки Мэри». В истории с налетчиками она пострадала не очень сильно, но все-таки. Конечно, могло быть и так, что это лишь шаг для того, чтобы расположить его к себе, взломать ледок недоверия.

Сколько групп работают на то, чтоб сорвать декаду советских фильмов? С какой из них связана Фергюссон? Знай Андрей это, он смог бы точнее ориентироваться в сложной ситуации, предвидеть, откуда готовится удар.

Кроме того, Костров не доверял привратнику. «Циклоп» тоже следил за ним.

И еще вопрос. Почему враги разобщены? Не свидетельствует ли все это о том, что против Андрея разрозненно, но с одной целью действуют несколько реакционных эмигрантских групп и организаций?

Во вторник после ухода Эйба из офиса Костров зашел к Роззу-старшему.

— Майкл, я еду в Торонто.

— Зачем?

— Организовать показ фильмов на площадках.

— Ты неисправим,— сказал Майкл. И спросил: — Как мы и договорились, ты будешь крутить их бесплатно?

— Да.

— Но разве ты не понимаешь, что Канада не Россия? Бесплатный показ вызовет у наших людей недоверие. Что за бескорыстие? Раз русские показывают фильмы бесплатно — значит, это коммунистическая пропаганда!

— А раз фильмы разоблачают войну, то, следовательно, коммунисты за мир,— парировал Андрей.— Меня это устраивает.

Майкл неохотно сдался:

— Ладно. Делай по-своему. Мы ведь уже обо всем договорились.

Костров попросил Розза позвонить на склад и распорядиться, чтобы утром ему выдали передвижную проекционную аппаратуру и кое-какую рекламу.

Уходя из офиса, Андрей сказал Мэри Фергюссон:

— Завтра я еду в Оттаву. Останусь там дня на два-три. Заодно отвезу рекламу и выясню, что с залами.

Она как-то странно поглядела на него, однако промолчала и только сказала:

— О'кэй.

Но когда около восьми часов утра Костров подъехал к складу «Розз энд Розз», у дверей стоял серый «шевроле».

Мэри вышла из машины и направилась к Андрею.

— Мистер Эндрю, я бы хотела поехать с вами.

— Мисс Фергюссон, вы мне больше нужны здесь.

— Это неправда,— сказала она, глядя ему прямо в глаза.

— Все равно. В Оттаве вы мне не понадобитесь.

В ее взгляде вспыхнуло что-то недоброе, шею и щеки стала заливать краска.

— И все же я поеду!..

— Это исключено,— сказал Андрей.

— Мистер Костров, вы можете сообщить фирме «Розз энд Розз», что наш контракт расторгнут по моей инициативе,— сказала она. И подумала о том, что придется расторгнуть два контракта и потерять больше трех тысяч долларов. Это ожесточило ее решимость, и она упрямо закончила: — Но Канада — свободная страна. Здесь каждый может делать, что хочет, и Мэри Фергюссон поедет за вашей машиной.

Андрей вдруг понял, что она не сдастся. Мысль о том, что он возьмет с собой соглядатая, почему-то лишь промелькнула, но не задержалась в мозгу. «Неужели женские чары? — подумал он.— Нет, не то. Тогда почему я ей сейчас уступаю?»

Она глядела на него решительно и жестко. Обида была спрятана далеко, и он не заметил ее. А Мэри подумала о нем: «Бесчувственный чурбан».

Уже сдавшись, он все-таки сказал:

— Дорога дальняя. Я буду стеснять вас.

— Ничего.

Мэри уже поняла, что победила, и в ней заговорила обида, нанесенная его отказом. «Ну погоди»,— подумала она.

— Пока я погружусь, поставьте машину и захватите необходимое.

Она недоверчиво усмехнулась.

— Чемодан со мной, мистер Костров. Откройте багажник.

Андрей подошел к ее машине, вынул небольшой чемодан и дорожную сумку.

— Судя по вещам, вы собрались надолго.

— Кто знает, какой дорогой вы поедете в Оттаву.

Передвижки были в громоздкой морской упаковке. В таком виде их не поставишь в легковую машину. Костров вскрыл ящики, аккуратно уложил и закрепил аппаратуру в багажнике.

Около десяти часов утра синий «шевроле» выбрался из города.

Костров поехал по дороге номер два.

Утро у Энн выдалось ненормальное. Телефон замучил ее. Костров со спутницей не проехал еще и первой сотни миль в сторону Торонто, а в Монреале уже дважды интересовались им. Сначала позвонил какой-то мужчина и, не представляясь, спросил:

— Могу я поговорить с господином Костровым?

— Мистер Костров в Оттаве и раньше понедельника не будет.

— Когда он уехал? Это из русского посольства.

Энн нередко приходилось говорить с посольством СССР — ведь русские фирмы были партнерами «Розз энд Розз». Она подумала, что спрашивающий обманывает ее. Сотрудник назвал бы свое посольство не русским, а советским.

— Кто спрашивает мистера Кострова?

Но собеседник уже повесил трубку.

Затем позвонили вновь.

Опять спрашивали Кострова. Кто-то настойчиво выяснял, когда он уехал, зачем и скоро ли вернется. Энн поинтересовалась, кто спрашивает. Она ожидала, что ответа вновь не последует, но ошиблась.

— Моя фамилия Акопян,— сказал мужчина, и в трубке послышались частые гудки.

Потом один и тот же женский голос трижды интересовался, когда будет мисс Мэри Фергюссон. Энн не знала, что отвечать. «Эта Мэри должна быть на службе, но ее почему-то нет»,— с удовольствием подумала она, глядя на закрытую дверь недавно приехавшего Майкла.

— Кто спрашивает мисс Фергюссон? — Она взяла ручку, чтобы записать ответ.

— Это из стоматологического кабинета. Передайте, что снимок готов и ей нужно прийти к доктору...

Энн с удовлетворением подумала о том, что у этой красотки уже есть или будут коронки, а может, и вставные зубы.

Затем какой-то слышанный ею однажды голос — она не могла вспомнить, чей — раза два или три настойчиво спрашивал мистера Эйба Розза.

Вскоре раздался последний звонок.

— Я буду очень благодарен, если вы соедините меня с мистером Костровым.

— Он уехал в Оттаву и вернется к понедельнику,— устало ответила Энн.

Из трубки донеслось:

— Одну минуточку, не отключайтесь, пожалуйста.— И через некоторое время услышала вновь: — Если нет мистера Кострова, то Здислав Пшебыльский из организации борцов за мир хотел бы говорить с мистером Майклом Роззом.

— Мистер Майкл, возьмите, пожалуйста, черную трубку,— сказала Энн во внутренний микрофон.

К полудню звонки прекратились.

Продолжение следует.

ПОЗЫВНЫЕ АРТЕКА

...И вот взял Алеша баян, пробежался по клавиатуре легким, за сорок лет не забытым движением, и взвилась, вырвалась за окна, пролетела над минской улицей Якуба Коласа песня — жар-птица из далекой сказки, из мирного, еще пахнущего магнолиями июня 1941 года:

— Везут, везут ребят,
Машины встречные гудят.
— Куда везете столько человек?
Прохожий смотрит вслед,
И слышит он в ответ:
— В Артек! В Артек!

И по старой привычке обитатели Суук-Су в паузе между последними словами выкрикивали: «Суук-Су! Суук-Су!» — а Леля Егоренкова, ныне известный на Смоленщине врач Елена Павловна Морозова, упорно и мелодично возражала им: «Нижний лагерь! Нижний лагерь!» — потому что несколько предвоенных дней провела у самого прибоя, в Нижнем лагере Артека. На сорок лет живучим оказался «местнический патриотизм» тогдашних отделений Артека!

Но, однако, при чем здесь Минск? А при том, что именно в Минске состоялась очередная встреча артековской смены июня 1941 года, смены, затянувшейся на всю войну из-за невозможности вернуться домой, а потом и на всю жизнь... Встреча была и традиционной и юбилейной — в честь сорокалетия знакомства под магнолиями Артека, в знак сорокалетия дружбы.

...Они допели артековскую коронную, и бывшая пионерка из Молдавии, ныне советский работник в городе Комрате Галя Товма-Дрогойлова встала и сказала:

— Ну, здравствуй, моя дорогая артековская смена сорок первого года! Вы ведь знаете, я рано потеряла родителей, но никогда не чувствовала себя одинокой, потому что все сорок лет вы были рядом со мной, несмотря на расстояния и расставания. Спасибо вам за счастье, которое дает людям семья...

Алеша сразу же снова тронул клавиши, чтобы никто не успел прослезиться, потому что Алеша и тогда не выносил и теперь совершенно не выносит слез, и снова запели артековцы свои отрядные песни: «У причала», «Краснофлотцы», «Тачанка», «Каховка», «Три танкиста» — и ту, что потрясла в войну и сегодня потрясает советских людей: «Вставай, страна огромная...» Мелодии звучали так, словно пел их давно слаженный, профессиональный хор, который только и делает, что репетирует. Но они звучали и лучше, чем у профессиональных певцов: ведь это были песни о пережитом. Случались в их детстве такие дни войны, когда песня была единственным утешением. И наполнял песню отзвук давней радости — встречи с миром Артека, чистым, как только что пробившийся родник. Новым и юным был тогда Артек, созданный на заре Советской власти для счастья детей. Как забыть лучезарную природу, романтичное детское государство у лукоморья, неизменную заботу взрослых о здоровье и нравственной чистоте детей? А еще вместились в песни недетское мужество эвакуаций, долгие и трудные годы прифронтовой полосы. И два с половиной года жизни на Алтае, после близости фронта казавшейся и теперь кажущейся такой беззаботной! Но только казавшейся, только кажущейся за дымкой промелькнувших лет. Ведь ребята там и учились отлично и работали не по-детски, заработали крупную сумму в фонд помощи фронту, за что и получили личную благодарность Верховного Главнокомандующего. И, наконец, стали душой песни десятилетия неувядающей дружбы, жаждущей хотя бы нечастых встреч.

А украинец Алексей Диброва, пионер Нижнего лагеря 1941 года, ныне директор школы в селе Гильцы, что на Полтавщине, продолжает играть. «Ой, тиллукеневеллекене», — поет великолепный артековский хор эстонскую песню, и «Кур ту эйси, гайлит ман» — латышскую, и молдавскую «Марицу», и украинскую «Роспрягайте, хлопцы», и белорусскую «Лявониху». Поет, разумеется, по-эстонски, по-латышски, по-молдавски, по-украински и по-белорусски, и Алеша не забыл аккомпанемента, и не забылись слова. А если и забылись немного, то надо прислушаться к прекрасным сопрано украинки Шуры Костюченко-Бардаковой или эстонки Ээтель Силларанд-Аэсмаа: уж эти-то двое помнят не только слова песен, но и имена и лица всех, кто так или иначе был причастен к Артеку, и чьи-то мужественные поступки, и шалости, и взрослый труд каждого в помощь фронту, на благо Победы... Вспоминаются концерты. Какие концерты давали ребята в эвакуации — в прифронтовых сталинградских госпиталях, а позднее на Алтае, в госпитале для тяжелораненых и в белокурихинском клубе! И вот теперь бывший пионер третьего отряда, общий любимец всего лагеря молдаванин Петя Коцман легко и озорно, как когда-то, пляшет танец поварят. У Вали Крайневой и Юры Мельникова их знаменитое «Яблочко» выходит на славу, и по-прежнему все помнят эстонский «тульяк», и «молдовеняску» — будто и не минуло четырех десятков лет...

Сидят рядышком бывшие вожатые, смотрят на своих «детей», вспоминают, как сорок лет назад легла на них самих, совсем молодых, ответственность за судьбы пятисот детей — тех, к чьим домам уже подступал враг. Какую школу мужества прошли вместе, и вот:

— Сейчас мы будто на празднике урожая, — говорят они друг другу, — все, что было посеяно в трудную весну жизни, таким светлым человеческим урожаем стало теперь, в нашу осень...

Педагоги, врачи, журналисты, колхозники, экономисты — кем бы ни были артековцы 1941 года, с каждым из них рядом идет добрая трудовая слава. Что может быть выше и лучше этой награды для их поседевших вожатых?

Переплелись горькие воспоминания войны и светлые дни алтайского школьного и пионерского детства. Переплелись искренние рассказы о своих судьбах и о судьбах детей.

...Едет экскурсионный автобус по Минску, мелькают за окнами кварталы прекрасного города, и дальше, за его чертой — обновленные белорусские деревни. И вот — Хатынь... Ложатся осенние цветы у ее мемориалов, у того из них, что посвящен памяти погубленных гитлеровцами тогдашних наших сверстников, навсегда оставшихся детьми. Какими же надо быть изуверами, как ничего надо не понимать в жизни советских людей, ничего не знать о нас, чтобы день за днем повторять тупую ложь, будто мы кому-то грозим войной... Посуровели у мемориалов наши «опекунши» — минская комсомолка Светлана Петрусевич и молоденькая журналистка белорусского радио Светлана Печенкина. Потом, вернувшись в Минск, они скажут:

— Мы возьмем вашу дружбу и понесем дальше.

— Будем учиться дорожить своими друзьями, как вы, — говорят Люда, Володя, Тоня, Юра, Игнасик, Костя — дети и внуки артековцев.

— Мы передадим историю артековской дружбы нашим ученикам, воспитанникам, студентам, — вторят Елизавета Квитницкая, Ольга Морозова, Галина Мамонтова на далеком Алтае. Шесть лет назад, к пятидесятилетию Артека, они занялись историей пионерской организации Алтайского края и, многое узнав о военном Артеке, стали артековцами в душе. Повзрослев, они берегут память о военном Артеке и хранят каждую строчку писем артековцев.

В радости долгожданных свиданий, в долгих ночных разговорах несколько десятков людей ищут ответ на вопрос:

— Кем же мы стали друг для друга в результате пережитых вместе испытаний, многолетнего общения, несмотря на расстояния, постоянных писем и неизменной привязанности друг к другу?

— Большой интернациональной семьей, — говорит эстонка Ланда Рамми. — У меня в дневнике есть запись: в наши дни в Артеке были дети одиннадцати национальностей.

— И маленькой моделью мирного трудового советского общества, — дополняют ее собеседники. — Мы любим свою страну, свой труд, свой образ жизни.

Пролетели счастливые дни. Сказаны слова благодарности минским друзьям — Ирине Мицкевич, Ларисе Селезневой, Юрию Мельникову. Пробил час расставания. Алеша Диброва, складывая баян, говорит:

— Вот что, ребята, годы бегут, нам надо чаще встречаться. Предлагаю следующую встречу ровно через год. Пусть все «военные» артековцы ждут позывных.

Нина ХРАБРОВА,
специальный корреспондент «Огонька»,
вожатая в Артеке июня 1941 года

Встреча через сорок лет.

Николай ПРОЖОГИН

РЕНАТО ГУТТУЗО

П. Корин. Портрет Ренато Гуттузо. Рим. 1961.

Ренато Гуттузо исполнилось семьдесят лет. Его творчество отмечено широким признанием. Итальянский, глубоко национальный художник, он с успехом выставляет свои произведения во многих странах мира. Политический и общественный деятель, он, ставший коммунистом в период подпольной борьбы против фашизма, избран в сенат республики, удостоен звания лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Совсем недавно за активную общественную и творческую деятельность, направленную на упрочение мира, на укрепление дружбы и сотрудничества между народами Италии и Советского Союза, и в связи с семидесятилетием со дня рождения Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден орденом Дружбы народов...

Различные стороны деятельности Гуттузо можно разграничивать лишь условно. Но уж если делать это, то нужно сказать, что прежде всего он, конечно, художник. Впрочем, говоря и о своем творчестве, Гуттузо заявляет: «Все, что я делаю,— политика!» Политикой был сам выбор, утверждение им реалистического, или, как предпочитают говорить в Италии, фигуративного, направления в современной западной живописи.

Вспоминаю беседу с одним из его сверстников. «Свой путь в искусстве мы начинали с Гуттузо вместе,— говорил он.— Поначалу нас объединяла общая антифашистская борьба. Из нее вытекали и общие тогда творческие поиски. Однако вскоре после окончания второй мировой войны наши пути разошлись. Когда до Италии докатилась волна абстракционизма, многим молодым художникам, какими мы были, он представлялся не только новым словом в живописи, а подлинным откровением. Мы бросились в эту волну с головой, и она увлекла нас за собой. Гуттузо же был в числе тех немногих, кто поплыл против течения. Именно тогда он сделал окончательную ставку на фигуративное искусство — ставку, представлявшуюся мне, и не только мне, заранее проигранной...» Мой собеседник помолчал и с такой неподдельной горечью, благодаря которой мне и запомнились его слова, добавил: «Теперь я должен признать: выиграл он, я проиграл».

Сам Гуттузо, вспоминая те времена, как-то рассказал мне о встрече с приезжавшим в Рим американским художником — одним из самых известных представителей абстракционизма, Марком Ротко: «После длительного и, казалось, бесплодного спора Ротко неожиданно признался, что если бы узнал, что на следующее утро ему предстоит умереть, то всю последнюю ночь своей жизни рисовал бы человеческое тело. Тогда я сказал, что не лучше ли приступить к этому сейчас, не дожидаясь столь печального повода...»

...Ренато Гуттузо родился 2 января 1912 года в маленьком городке Багерия, близ Палермо, на Сицилии. Позади у него долгий и славный жизненный путь. Некоторые этапы, эпизоды этого пути нашли отражение в цикле полотен и рисунков, названных им самим «Автобиографическим». Когда они были изданы отдельным альбомом, художник сопроводил репродукции текстом.

«Сицилия — это остров». Используя технику коллажа, Гуттузо наклеил на лист старую карту и вырезанную из журнала фотографию — опрокинувшийся мотороллер и истекающий кровью человек на дороге. В обрамлении резких — желтой, зеленой, красной — красок крупным планом нарисованы две фигуры рыдающих женщин. Сопроводительный текст гласит: «С того времени, когда я был мальчишкой, на Сицилии мало что изменилось. Еще существуют латифундии, неграмотность, мафия, преступность, страдание. Остров все еще похож на эту старую карту времен Бурбонов... Убитый человек между живых изгородей из кактуса и растрепанные плачущие женщины за закрытыми ставнями по-прежнему составляют часть его пейзажа».

«Долина Багерии». Розовато-золотистое небо и светлая, даже белесая полоса залива, защищенного от моря скалистым мысом, за которым уже скрылось солнце. На переднем плане у корней оливкового дерева белеет череп. Его можно принять за дань памяти предкам, лежащим в этой земле, тем более, что, когда мы с Гуттузо ходили на кладбище, чтобы положить на могилы его родителей несколько гвоздик, я увидел с пригорка тот же самый пейзаж. Так старые итальянские мастера изображали под распятием череп прародителя человеческого рода Адама. Но вот в плавную мелодию этого выдержанного в серовато-жемчужных, «вечерних» тонах, мирного, почти идиллического пейзажа врываются два тревожных ярко-желтых аккорда: крупно нарисованная половинка разрезанного лимона и завиток лимонной кожуры.

В тексте «Автобиографии» Гуттузо не акцентирует на них внимания. «Долина Багерии,— пишет он,— спускается к приморскому поселку Аспра и обращена к Палермитанскому заливу. Городок, отстоящий менее чем на три километра от моря, расположен в верхней части этой наклонной долины. В плане она имела форму гитары и сохраняет ее до сих пор, несмотря на беспорядочную застройку недавнего времени. «Ручка гитары» образуется корсо Бутера, который начинается у палаццо Бутера и позже был продолжен до самого моря по прямой линии трудами моего отца, который в напечатанном в начале века справочнике, собравшем имена заслуженных горожан, был назван «основоположником маринизации Багерии». По сторонам, за изгородями, находятся карьеры, в которых добывался камень — очень красивый туф теплого, золотистого цвета».

«Землемер Джоаккино Гуттузо». Образ сельского интеллигента начала века, подтянутого, даже щеголеватого, с ежиком седых волос над высоким лбом и щеточкой усов. Тонкие пальцы маневрируют инструментом, установленным на треножнике. Большой светлый зонт, воткнутый сзади в землю, воспринимается на фоне синего неба как своего рода сияние вокруг его фигуры.

«Джоаккино Гуттузо, мой отец,— продолжает повествование художник,— был бедным землемером в селении бедных крестьян. Он был сыном Чиро Гуттузо, тоже землемера, назначенного Гарибальди командовать отрядом Багерии. Когда отец родился, деду было сорок семь лет. Как и отец, я был единственным сыном в семье. Отец был невысокого роста, худощавым, но крепким мужчиной. Он женился в 46 лет на женщине из Мессины — Джузеппине Д'Амико, которая была лет на пятнадцать моложе его. Летом он часто одевался в белое и носил очень элегантный серый пиджак из альпаги. В левый, более слабый глаз вдевал монокль. В поле он орудовал колесиками теодолита, как будто заводил ручные часы. С серым зонтом и в соломенной шляпе он стоял за своим инструментом в зарослях травы, но домой возвращался всегда в начищенных ботинках. Я запечатлел этот далекий образ, сохранить который мне помогла фотография, которую всегда ношу с собой».

«Живопись». В резком ракурсе, снизу вверх, изображена фигура с рукой, расписывающей, как это было принято на Сицилии, борт повозки. Голова художника должна была бы прийтись на яркое, бездонносинее небо, но обозначена лишь слегка, как бы намеком, словно облачко. Что это — незапомнившиеся черты лица, которые не хочется подменять вымышленными, или желание сказать о народном мастере, что его голова была полна солнцем?

«Эмилио Мурдоло был художником, расписывавшим повозки. Он также играл на рожке в городском оркестре. Его мастерская находилась на корсо Бутера почти напротив дома, в котором мы жили. Часто он работал прямо на улице у дверей своей мастерской. Изображавшиеся им сцены заимствовались большей частью из похождений французских паладинов (являвшихся также излюбленными сюжетами народного сицилийского кукольного театра. — **Н. П.**). Реже ему заказывали картины на исторические темы: вступление в Палермо Руджеро Норманского, высадка Гарибальди в Марсале или сцены из опер — «Аида», «Сельская честь», «Кармен». Это было моей первой встречей с живописью».

«Я это видел». Мальчишка в коротких штанишках, со спустившимся на ботинок чулком, прильнул к решетке балкона. Внизу — впрочем, приближенные и увеличенные его испугом,— две мужские фигуры. В руках одного из них двустволка... Сведение счетов мафии.

«Однажды, когда мне было четыре или пять лет, осенним вечером я ждал на балконе возвращения отца. На углу выходящего на корсо переулка раздались два выстрела. Я увидел пламя, вырвавшееся из ружейного ствола. И тут же заметил несколькими метрами ближе толстого мужчину. Он внезапно словно отяжелел, споткнулся и упал. В годы моего детства не редкостью было услышать пару выстрелов, раздававшихся с интервалом в полсекунды. И все знали, что кто-то стрелял в кого-то. Обычно это происходило в то время, когда спускались первые вечерние тени».

Р. Гуттузо. СПАГЕТТИ. 1956

Р. Гуттузо. ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ В ЛОМБАРДИИ. 1960

«Вилла Палагония в Багерии». Взобравшись на каменное чудище, тот же мальчишка всматривается вдаль. Чудище — одна из каменных фигур, установленных на стене, огораживающей самую знаменитую виллу в Багерии (некогда городок служил местом летнего времяпрепровождения палермитанской знати).

«Мы играли в саду, карабкались по каменным чудовищам, венчавшим две стены, охватывавших полукругом центральную часть сада за дворцом. 62 статуи из местного туфа теперь сильно повреждены. Весь этот комплекс — дом, сад, большая въездная, ныне не существующая аллея, ведшая в поместье, несли на себе отпечаток насмешливой и мрачной фантазии странного человека — первого хозяина виллы, князя Палагония». (Следует добавить, что эти статуи, о которых Гете в свое время отозвался весьма критически, очевидно, могли бы вдохновить Гойю. Они принадлежат к числу самых первых художественных впечатлений Гуттузо и своей экспрессивностью, как он сам считает, могли оказать впоследствии влияние на его творчество.)

«Отправление парохода на Неаполь». Борт морского судна, край причала. Лица уезжающих и лица остающихся. Деревянный чемодан на чьем-то плече. Мужчина, держащий на руках мальчонку с трогательно тоненькой шеей и оттопыренными ушами. Запрокинутая вверх голова девушки, ищущей взглядом кого-то, уже поднявшегося на палубу. Мозолистая рука, сжимающая в прощальном жесте белый платок. Это проводы особые. Уезжающий с острова в поисках работы на далекой чужбине сицилиец чаще всего покидает дом, семью, друзей надолго, а нередко и навсегда.

«Обычно сицилийцы уезжают с острова на «неаполитанском пароходе». Еще и сегодня отправление парохода сохраняет здесь характер церемонии расставания. С этого же причала и я, когда мне было восемнадцать лет, уехал с Сицилии, чтобы обосноваться в Риме».

«Реалистический шкаф» и «Римское небо». «Мое первое жилище в Риме находилось на шестом этаже одного из корпусов так называемых народных домов на площади Меллоцо да Форли. Я раздобыл себе старую кровать, два стула, стол и большой ящик, прислонив который к стене, устроил нечто вроде шкафа. Вставив между боковыми стенками палку, я вешал в него пиджак и плащ. Сверху валялись всякие вещи — книги, ботинки, шляпа, термос, молоток, газеты. Во время утренних прогулок в парке Пинчьо, от площади Валадье к церкви Тринита деи Монти, Рим представал передо мной внизу весь белый».

Обе эти картины одинакового формата и экспонируются обычно рядом друг с другом. Их объединяет то, что и над прекрасными силуэтами римских зданий с куполом собора святого Петра вдали и над самодельным шкафом со скромными пожитками молодого художника простирается синее небо с веселыми, бегущими по нему облаками. Возможно, это небо «в комнате» призвано подчеркнуть бедность быта начинающего художника, приехавшего в столицу из далекой южной провинции. Но, быть может, оно говорит и о беспечной молодости.

Вот, однако, следующая картина — «Красное облако». Створка окна и разбросанные на подоконнике предметы — все на огненно-красном фоне. «В мастерской художника накапливаются самые разнообразные вещи, приобретающие в зависимости от того, какое значение придается им при изображении на картине, различный смысл. Такими предметами были у меня электрическая плитка, на которую ставили разогревать кофе или жарили яичницу, клещи и молоток, красная накидка, корзина, книга. А еще револьвер и череп горного козла. В 1937 и 1938 годах такой череп был символом войны в Испании. Череп и пистолет выражали предчувствие, предсказание или размышление о том, что должно было произойти несколько лет спустя. А по вечерам закат над Монте Марио вливался в комнату как огромное красное облако. Как знамя надежды и свободы».

То было тревожное время. Но вот на нескольких полотнах, иногда на фоне того же красного облака или рядом с эскизом писавшейся тогда картины «Расстрел в деревне», посвященной убитому в Испании франкистами поэту Гарсиа Лорке, появляется образ молодой женщины, пренебрегшей ради любви своим положением в высшем обществе, к которому она принадлежала, и ставшей женой еще безвестного и нищего художника, в талант которого она, однако, сразу и непоколебимо поверила. Она «приходила в мастерскую часам к одиннадцати и позировала для моих картин... Она приносила с собой сверток с едой — вареный рис, консервированные персики, бутерброды с колбасой...».

«Пожар в папской канцелярии». «Дождливой ночью, возвращаясь домой после встречи Нового, 1940 года, мы увидели огонь, вспыхнувший на верхнем этаже папской канцелярии — здания, построенного Браманте,— рассказывал мне Гуттузо.— То, что горело одно из прекраснейших зданий эпохи Возрождения, в сочетании с событиями, происходившими тогда в мире, почудилось нам предзнаменованием чего-то еще более зловещего. Действительно, в 1940 году Италия вступила в войну». Не случайно парной к этой картине является другая — «Немецкий парашютист».

Несколько полотен, метафорически передающих ужасы войны...

«Подпольная печать». «Когда наступал комендантский час, в подвале одного из домов в центре Рима начинал работать печатный станок. Там же некоторое время находилась редакция выходившей в подполье газеты «Унита». Мы ели на ходу, в редакции спали, а затем организовывали встречи, связанные с нашей работой — вооруженной борьбой против фашистов и нацистов. Депутат-коммунист Марио Аликата в 1943 году был ответственным за подпольную печать ИКП. Он умер в 1963 году, когда я писал эту картину. Введя в нее его образ, я хотел почтить память друга».

«Рим — открытый город» и «Ардеатинские пещеры». Незадолго до своего освобождения Рим был объявлен открытым городом. Но атмосфера в нем царила иная. Еще две парные картины, которые должны висеть одна над другой. На верхней — ноги прохожих с их «тяжелыми и печальными шагами по римской мостовой». На другой... «В одном из песчаных карьеров на Ардеатинской дороге с большими и глубокими шахтами в ночь на 23 марта 1944 года в знак репрессии за партизанские действия были уничтожены 323 римлянина. На трупы своих жертв нацисты обрушили стены шахты. Я присутствовал, когда откапывали их тела. Это было ужасное зрелище. Но в реальности воспоминания страшная мешанина человеческих тел, вещей, песка, крыс и змей преобразилась в золотистое солнечное вещество».

Так, избегнув натурализма, Гуттузо создал потрясающее по обличительной силе полотно. Позже по нему было отчеканено на меди панно для мемориала Ардеатинских пещер, созданного в память жертв фашистского и нацистского террора.

Завершается автобиографический цикл картин Ренато Гуттузо. Впрочем, автобиографично все творчество художника, неразрывно связанное с событиями его времени, а иногда и предсказывавшее их. Так было, в частности, с первой его большой, писавшейся еще в 1939 году картиной, названной «Бегство с Этны во время извержения», в которой стихийное бедствие служило лишь предлогом для изображения атмосферы близившегося народного восстания. Еще более прозрачной аллегорией, обличавшей насилие режима тогдашней Италии, была другая его довоенная картина — «Распятие», не случайно вызвавшая грандиозный скандал в клерикальных и фашистских кругах. И разве не имеет непосредственного отношения к биографии Гуттузо серия его рисунков, запечатлевших с натуры нацистские зверства в оккупированном гитлеровцами Риме?

Активный участник итальянского движения Сопротивления, Гуттузо и в послевоенные годы остается верен теме народной борьбы против фашизма, реакции, агрессии, где бы эта борьба ни развертывалась. Он часто обращается к ней не только в плакатах и политических рисунках для газет, но и в живописных полотнах, вновь обращаясь к аллегориям, используемым теперь как средство усиления художественной выразительности. Такова, например, его большая картина «Стенная газета. Май 1968 года». Или «Новости», в которой на фоне газетного киоска, увешанного яркими обложками журналов, словно сойдя с них, рядом с фигурой человека, просматривающего на ходу свежую газету, стоят люди — представители разных стран и народов, готовые отдать свои жизни в борьбе за лучшее будущее человечества. Свой опыт общественного деятеля Гуттузо недавно отразил в новой своей картине «Митинг в народном квартале».

Одновременно он разрабатывает тему жизни, судьбы человека в современном ему обществе. Таковы его панно «Женщины, комнаты, пейзажи, предметы», триптих «История Лотта», в картинах которого старая библейская притча перенесена в современность, цикл «Посещения», картины «Гладильщица», «Бассейн» и многие другие, большего или меньшего формата, но всегда насыщенные глубоким содержанием.

Не хотелось бы чрезмерно социологизировать по поводу произведений живописи, если даже речь идет о творчестве такого остросоциального художника, как Ренато Гуттузо. Когда рассказываешь о картинах, невольно делаешь акцент на их содержании в ущерб форме. В действительности одно от другого неотделимо. Гуттузо тысячу раз прав, когда говорит, что «политические идеи сами по себе на полотно не приклеиваются». Социальная, политическая сила его, будь то живописных или графических произведений — в очень современных и, конечно, индивидуальных — найденных им самим средствах художественной выразительности, которые, впрочем, со временем не раз менялись.

Но вглядитесь внимательно в его картины. Человек ест — ест спагетти. Казалось бы, незамысловатый сюжет. Но как много сумел сказать нам художник об этом человеке с широкими плечами, натруженными руками, обветренным лицом да и о стоящей перед ним тарелке спагетти — скорее всего единственном блюде его обеда. А эта швея — молодая женщина наедине со своей работой и со своими думами в мансардной комнатушке с голыми стенами. Или молодежь, лихо отплясывавшая буги-вуги где-то на римской окраине. Действительно, посмотрите на них и скажите, были ли они по-настоящему счастливы в своей молодости. Я спрашиваю не только об одиноко сидящей за столиком девушке, но и о других героях картины. Пожалуй, в буйном ритме танца они искали забвения от забот, а не подлинного веселья. Интересно, что сталось с ними в жизни?

Известный итальянский кинорежиссер Федерико Феллини как-то с завистью сказал об одной из больших картин Гуттузо, что готов взять всех ее персонажей в свой фильм. Думается, что для него или кого-нибудь из хороших писателей было бы соблазнительно развернуть действие своего произведения и в занесенной снегом предальпийской деревушке с пейзажа Гуттузо, хотя, казалось бы, художник решает в нем скорее живописные задачи: контраст белого, бело-голубого снега и глубоких, кажущихся почти черными теней.

...В современном итальянском искусстве Гуттузо занимает особое место. Дело, конечно, не только в его профессиональном мастерстве, но и в мировоззрении. В фокусе творческих интересов Гуттузо стоит человек. Художник пристально всматривается в повседневную жизнь с ее, казалось бы, обыденными жестами, движениями, поступками. Но, изображая то, как человек зажигает сигарету, курит, развертывает газету, говорит по телефону, выглядывает в окно, открывает дверь, слушает музыку, смеется или плачет, ест или спит, он раскрывает психологию своих героев, их сокровенные чувства и настроения.

Еще больше интересует Гуттузо человек в те моменты, когда он, переступая за рамки своей индивидуальности, присоединяется к другим людям или вступает в конфликт с другими людьми в самых разнообразных проявлениях современной жизни. Он рисует и пишет демонстрации трудящихся и танцы в народном квартале, партийные собрания, митинги или судебные процессы, трагедию войны и пафос восстания, просто уличную толпу и многолюдный пляж на берегу моря. При этом, всегда выступая не только заинтересованным свидетелем, но и активным участником запечатлеваемых моментов, эпизодов, событий, Гуттузо продолжает писать свою автобиографию, биографию своего, нашего времени.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

СТАРИКИ В ДОМЕ

В № 39 «Огонька» за 1981 год была опубликована статья «Одиночество», в которой рассказывалось, как «благополучные» великовозрастные дети отправляют родителей в дома престарелых и как государство заботится о стариках, о тех, кто не щадил сил, здоровья и самой жизни во имя сегодняшнего дня. Читатели приняли близко к сердцу этот разговор.

Разные дороги приводят в дома престарелых. Большие социальные преобразования, особенно в последние годы, позволили заметно улучшить условия в интернатах. И это очень важно: постепенно, пусть еще медленно, люди перестают видеть в них «казенный» дом, приют, богадельню. Некоторые родители по собственной воле, без обид переезжают в интернат, продолжая жить с детьми во взаимном доверии, любви, уважении. «Я живу в интернате, но вниманием детей не оставлена» (И. А. Довгун). Трое детей инвалида войны А. В. Петрова выросли, разлетелись в разные стороны. У всех семьи, достаток, по письму чувствуется, что люди они уважаемые. А вот отец поселился, как они считают, в приюте. Неудобно получается перед людьми. Сыновья и невестки прямо-таки заманивают деда к себе. Можно ли осуждать Алексея Васильевича, что из всех вариантов он выбрал неожиданный — интернат?

Где и с кем жить старикам? Мнение читателей разделилось. Многие хотели бы жить под общей крышей. Другие пишут о том, что именно интернат помогает сохранить достоинство, самостоятельность. Можно ли определенно рассудить, что́ хуже, что́ лучше? Одно бесспорно — нужно уважительно относиться к мнению пожилого человека. Помочь ему тактично, деликатно: старики обидчивы.

Но, напомню, мы писали не об обидчивых, а об обиженных, жестоко обиженных людях. «Я потрясена судьбой одиноких стариков, брошенных детьми и родственниками, судьбой Лидочкиной мамы, прошедшей фронт, и особенно судьбой старого профессора. Жестоко поступили дети с теми, кто их вскормил, выучил, вывел в люди... Ограбили в полном смысле слова, душевно опустошили, растоптав самое святое — материнскую любовь, изгнали не только из сердца, но и угла собственного лишили. Предательство тому название».

Так считает не только автор этих строк, мать взрослых сыновей Н. М. Птуха из города Сарны. Словами «предательство», «предали» начинаются многие письма. И неудивительно, что незнакомые люди приглашают старого профессора в свой дом, в тихое украинское село или отдаленный алтайский городок.

Однако вот письмо, написанное Верой Ивановной К., за плечами которой солидные годы: «Вправе ли мы вмешиваться в чужую семью? Какое дело старой учительнице до других? Каждый волен поступать, как хочет». Вправе, Вера Ивановна. Мы сами записали в Конституции, что обязаны заботиться о родителях.

Правда, и вмешиваться надо деликатно, осторожно. «Я уверен, что кандидат наук Рэм Васильевич, даже не соизволивший лично отвезти отца в интернат, занимается не только наукой, но и воспитанием студентов и, конечно же, воспитанием собственных детей»,— пишет участник Великой Отечественной войны В. М. Назаров.— Мне кажется, что и его дети и дети Лидочки с первого дня живут в атмосфере лжи, не зная всей истины о «прекрасных» родителях. Напрасно скрыли их фамилии и адреса, мы бы сказали им правду».

Следует поспорить с автором этого письма. Наверное, есть мудрость в том, что старики, уходя в интернат, обрекая себя на одиночество, ради внуков не давали адреса.

Но как отнестись к следующему посланию? «У нас и так мало времени, а драгоценные минуты мы должны тратить на стариков, нянчиться с ними. Я люблю музыку, театр, люблю читать, красиво одеваться. Нет у меня свободного времени, чтобы выслушивать по вечерам болтовню моей матери»,— пишет тридцатилетняя женщина, не назвавшая себя. У нее сын, она занята работой и, как видим, собой, а маленький мальчишка полностью на бабушкиных руках. Раздражена дочка, что с матерью, оказывается, еще и разговаривать надо. Даже сегодня, когда ей мать нужна в качестве няни, экономки, портнихи, семья живет без согласия и мира. Нетрудно представить, что будет завтра...

Есть письма с понятными обидами на стариков. Порой обиды мелочны: ворчат по пустякам, кутают внуков да и воспитывают не так, как хотелось бы. Иногда более серьезные, особенно если отец, уже дважды дед, пьет. Чего греха таить, есть бабушки и дедушки, которые, пока еще в силе, не дорожат семьей, детьми. Как поведут они себя через несколько лет, когда возраст возьмет свое? Вправе ли потребовать ответной сыновней любви?

Каждое из писем — темы для отдельного серьезного разговора. Например о том, как организовать помощь пожилым, если все на работе, а старики в квартире остаются одни (И. Б. Борц). В том, что дочь не прописывают к старику отцу, видят только притязания на этого жилплощадь. «Я готова взять папу к себе, но он не хочет переезжать. В Ленинграде могила матери, а отец, восьмидесятилетний профессор университета, продолжает работать» (Л. А. Новичева, Даугавпилс). Или это письмо: «Вся нагрузка по уходу за стариками ложится на женщин, а у нас она и так велика. Слишком много времени мы заняты на работе, слишком неустроен наш быт, времени не остается на чувства добрые. В одиночестве наших дедов и бабушек вижу результат этой «женской» проблемы» (В. Никонова). Еще несколько писем о том, что «доброта становится самым большим дефицитом. Во многих семьях прекрасно себя чувствуют гарнитуры, хрусталь, ковры, любовно оберегаемые хозяевами, а старость не вписывается в современный модный интерьер» (Е. Кавская).

Вот еще немаловажная проблема. Каким быть интернату в селе, в городе? Кстати, в почте много писем из сельской местности. Одиноким старикам, привязанным к земле, ох как не хочется на склоне лет перебираться в огромные городские интернаты! Одно название «интернат», чужое, незнакомое, пугает. Как же решить ее? Может быть, так, как решили в колхозе «Путь Ленина» Котельничского района Кировской области, где председателем Герой Социалистического Труда Александр Дмитриевич Червяков. До сих пор слышу быстрый вятский говорок бывших льноводов, телятниц, учителей, доярок. Пусть же от их имени говорит Пелагея Ильинична Солодовникова.

— Когда Червяков позвал в Дом ветеранов, мы оробели. Шутка ли, жизнь прожили в своем хозяйстве, пусть не очень богатом. Домок свой, от дедов достался. И скотинка есть... А тут Червяков говорит: «Бабуленьки милые, бросайте свою рухлядь, с одним чемоданом приходите. Не пожалеете». Чемодан-то этот мы в глаза не видели. Взяла в соседней деревне. Втаскиваю свой скарб, а ничего не помещается. Пошла с пустыми руками. Насчет чемодана ошибся председатель, а вот что не пожалели — святая правда его. Дом, видите, какой нам, старикам, построили? Кирпичный, с балконами, в лес смотрит. Каждому по отдельной комнате, по собственной кухне да и общая есть, на пять человек рассчитана. Мебель колхоз дал полированную, а пол, как в городских квартирах, паркетный, коврами его застилаем. Ноги старикам, Червяков говорит, беречь надо.

Писать будете? Пропишите подробно, да так, чтоб поверили. Что колхоз к пенсии надбавку дает, десять, а кому и двадцать рублей для ровного счета. Что за квартиру не платим, молоко бесплатно привозят, колхоз помогает мясом и овощами. Председатель нам огород нарезал — вот он, рядом с домом, второй — побольше, у реки. Не отставили стариков от труда крестьянского. И мы колхозу помогаем. На льне, на сенокосе работаем, коль здоровье есть. Дети выросли, разъехались, в гости приезжают, и мы к ним ездим, когда с внучатами подсобить надо. А вообще-то трудно под одной крышей. Раньше-то стариков почитали. Поперек отца и матери, бывало, не пойдешь. Теперь все умные, самостоятельные, городские... Вроде не обижают, а жить вместе не очень-то хочется.

— Дом колхозных ветеранов — самое красивое здание поселка Юбилейный,— говорит А. Д. Червяков.— Назвали его так торжественно, потому что живут здесь люди, которые сейчас составляют золотой фонд колхоза. В трудные годы они живота не щадили, траву ели, а все зерно до килограмма отдавали государству. Теперь пришел наш черед помогать им. Может быть, странным покажется, но Дом ветеранов мы и для молодых строили: пусть видят, что колхоз заботится о старшем поколении. Это лучшая агитация за колхозную жизнь.

Иногда я сам не советую старикам жить с детьми. Вижу — властный характер у старухи, зову в Дом ветеранов. Народ свой как-никак за пятьдесят лет узнал...

Безусловно, только благодаря высоким доходам колхоз смог создать такие условия для пожилых. Не буду повторяться, описывать быт в Доме ветеранов, Пелагея Ильинична Солодовникова его уже нахвалила. Одно скажу: сколько шуток услышала, веселых лиц увидела. Значит, настроение у людей хорошее, значит, опыт Червякова полезен и нужен.

— Да, проблема отцов и детей очень сложная,— считает начальник управления домов-интернатов для престарелых и инвалидов Министерства социального обеспечения РСФСР Анна Николаевна Самарина, которую мы познакомили с письмами читателей.— На социальное обеспечение государство сейчас дает немалые деньги. Только на строительство новых интернатов затратили в последнюю пятилетку около 120 миллионов рублей. Но посмотрите, что получается. В одном интернате — комфорт, уют, экскурсии, клубы по интересам, не говоря уж о питании, медицинском обслуживании, отличном санитарном состоянии. А в другом жить не хочется. Навести порядок во всех интернатах — наша главная забота.

Вот письмо из Свердловска от А. Яковлева. Он пишет, что должен уехать в командировку на несколько месяцев. Как же организовать уход за престарелой матерью? Конечно же, обратиться в отдел социального обеспечения. Временно, до шести месяцев, престарелые родители могут жить в доме-интернате. А если пожилые не хотят расставаться с привычной обстановкой? Можно организовать помощь на дому, опять же через интернат, который обеспечит доставку продуктов, поможет с генеральной уборкой, стиркой. Не могу сказать, что эта помощь во всех городах хорошо организована. Не хватает обслуживающего персонала, нянечек, санитарок. Стараемся привлекать к уходу и детей и внуков.

Основная задача — обеспечить одиноких. Но, к стыду нашему, в некоторых семьях иногда складываются такие отношения, когда старику не подадут стакан воды. В подобных случаях интернат становится спасением от собственных детей.

...Спасение от собственных детей. Когда врач кировского интерната Галина Александровна Бабушкина показала истории болезни своих подопечных, бросилось в глаза, что в графе «родственники» у многих не было записей. Уже потом, в отделах соцобеспечения, выяснилось, как часто старики, устраиваясь в интернат, «теряют» документы, «забывают» адреса детей. Дети объявятся позже, когда одинокого старика проводят в последний путь. Придут за немудреным скарбом, сбережениями. Как же: право на наследство... Около десяти лет Нину Алексеевну считали одинокой, правда, изредка приходили открытки со словами: «Здравствуй, тетушка». После похорон неизвестная племянница обернулась единственной дочерью, потребовала сберкнижку матери.

В заключение хочется привести слова из письма инженера А. Г. Гончаренко: «Разве возможен мир на земле без доброты? А какая же это доброта, если мы начнем освобождать себя от матерей, давших нам жизнь, от отцов, с чьих хлебов в эту жизнь мы шагнули? Существует твой собственный суд совести, который не должен давать спокойно жить, если ты предал самое дорогое, самое сильное и в то же время самое беззащитное и ранимое — мать».

З. ЗОЛОТОВА

ТЕАТР НА КРАЮ РОССИИ

В. ИВАНОВ

Велика Россия. Каждый вечер в ее больших и малых городах поднимается театральный занавес. Выходят на сцену актеры, и начинается великое чудо: диалог театра со зрителем о вечных проблемах жизни, современности... И первыми в стране, первыми из тридцати тысяч театральных работников России начинают этот диалог артисты Камчатского драматического театра. Потому что Камчатка — это начало земли русской.

Для камчатцев такие слова не громкая фраза, а сама жизнь, ее смысл, ее содержание; в них — истина, которую Камчатский театр утверждает в своих работах. Таков спектакль «За землю русскую» по пьесе, написанной в самом театре к столетию со дня победы небольшого гарнизона Петропавловска-Камчатского над англо-французской эскадрой, пытавшейся овладеть главной русской гаванью на Тихом океане... Таков спектакль «Здесь начинается Россия», посвященный жизни и подвигу отважного русского мореплавателя Витуса Беринга и его соратников... Таков спектакль о нынешнем дне края, о его людях — «Штормовое предупреждение» по пьесе камчатского писателя В. Кудлина...

Своей традиции артисты Камчатки верны: они постоянно отыскивают в самобытных характерах и нынешних героев мужественные черты их знаменитых предшественников.

Побывав в Петропавловске-Камчатском, я позавидовал тому пониманию и доверию, какими окружен театр в городе и области. Нет, это не «манна с неба», а результат каждодневного труда коллектива, по праву стоящего во главе творческой интеллигенции огромной области.

На состоявшемся недавно XIV съезде Всероссийского театрального общества была снова подчеркнута мысль, что долг артиста России — служение своему народу, воспитание гармоничного, духовно красивого, работящего человека.

В том, что успехи тружеников камчатского края сегодня общеизвестны, есть вклад и театра и местного отделения ВТО. Их работа помогает создавать тот духовный, нравственный климат, который влияет на отношения людей в коллективе и в конечном итоге сказывается на результатах их труда. Так замыкается цепь, где связано каждое звено прочным содружеством искусства и труда.

В этом отношении Камчатский театр достоин особой благодарности, особого уважения.

...Вертолет зависает над прыгающей в штормовом месиве палубой сейнера; либо же внизу — затерянный в бесконечной тундре аймак. Пробивается вездеход к домикам вулканологов... А уже через полчаса в красном уголке начнется спектакль. Выйдут к зрителям герои Шекспира, Островского, Горького; зазвучат стихи Маяковского, Пушкина, Твардовского... Потом пойдет долгий разговор об искусстве, о жизни, о будущем...

Такие встречи не обязанность театра — скорее, его жизненная необходимость. Театр обретает необходимое ему ощущение жизни, времени, ритма эпохи. Актеры встречаются с теми, кто станет героями их новых постановок, кто войдет в суть образов, даст характеры персонажам.

Так происходит сближение, создаются предпосылки для лучшего узнавания друг друга — для того долгожданного мига, когда актеры и зрительный зал сольются в одно целое.

Артисты приехали!

Фото Ю. Стрельникова

Я вспоминаю встречи с артистами Тобольского театра. На специально оборудованном пароходе, едва тронется лед на Оби, отправляются они к Северу, в те глухие места Тюменской земли, откуда идет необходимый стране газ, идет нефть, где живут и работают в сложнейших условиях люди, чей труд во многом определяет сегодня ритм жизни нашего государства. Это и о них Л. И. Брежнев сказал: «То, что было сделано, то, что делается в этом суровом крае, — это настоящий подвиг. И тем сотням тысяч людей, которые его совершают, Родина отдает дань восхищения и глубокого уважения».

А встречи в заполярном Норильске... На сцене идут чеховские «Три сестры», героини рвутся в Москву, страдают о своем личном, которое становится близким для всех... Рядом же, за стеной театра,— белая безмолвная стынь... Чего стоят для театра поездки к своему зрителю в такой мороз, такой ветер, о которых только одни норильчане знают... Разве это не служение, не выполнение своего долга?! Мы много говорим о неурядицах, сопровождающих порой встречи театров со зрителями даже в средней полосе России, а то даже и там, где люди лечатся, отдыхают, набираются сил... Однако не экстремальные условия определяют жизнь театров Сибири, Заполярья, Камчатки, а высокое отношение людей к общему делу, чувство ответственности.

Основа труппы Камчатского драматического театра — актеры, которые живут и работают здесь давно. Среди них запоминается сразу же Владимир Павлович Андрианов — человек, открывший дальневосточную Лениниану, создавший целый ряд сложнейших сценических образов русской, советской классики. Он, комсомолец ленинского набора 1924 года, выпускник столичного театрального института, был одним из немногих, кто верил в театр на Камчатке, кто остался здесь и после того, когда сгорело старое здание театра... Он организовал заново — при обкоме комсомола — Театр рабочей молодежи. Я думаю, именно с далекого уже 1936 года и ведет театр свою духовную родословную. Сегодня народного артиста РСФСР, кавалера ордена Ленина, почетного гражданина Петропавловска-Камчатского В. П. Андрианова на Камчатке знают все. На его спектакли ходят в театр, потому что знают: встретятся здесь с искусством глубоко реалистическим; увидят русского советского актера, который давно достоин звания народного артиста всей страны.

Да разве здесь одного только Андрианова полюбишь! Вместе с ним большой творческий путь прошли народная артистка РСФСР Г. Астраханкина, заслуженные артисты РСФСР М. Соловьева, В. Красногор, Е. Улыбина, Л. Васютина; выросла и талантливая молодежь: В. Грачев, А. Савельева, В. Белоусов и другие.

Нет у Камчатского театра, пожалуй, только достаточно сильного художественного руководителя. Поэтому можно поражаться тому упорству и достоинству, с которыми и ведущие артисты театра и способная их смена стараются поддержать необходимый уровень своих постановок. А желание видеть свой театр одним из передовых в стране — желание высокое, оно тоже говорит достаточно убедительно о достоинстве коллектива, о потенциальных его возможностях.

Где же, как не здесь, в краю редкой красоты, в краю смелых и сильных людей, артист может сформироваться как личность и стать большим настоящим художником!..

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ

Фото И. Костина

Юбилей — не просто праздник: это итог прожитого времени, оценка всего сделанного...

Народному артисту СССР, первому секретарю правления Союза кинематографистов Украины, режиссеру Тимофею Васильевичу Левчуку — семьдесят, хотя этого не скажешь, глядя на него. Энергичный, добродушный, лукавый, с чувством юмора, он деятелен и полон замыслов. Именно сейчас он приступил к съемкам нового фильма, завершающего известную партизанскую кинотрилогию.

Действие фильма относится к тому времени, когда на западных границах Украины и в восточных воеводствах Польши воевала против немецко-фашистских оккупантов 1-я Украинская партизанская дивизия имени дважды Героя Советского Союза Сидора Ковпака. Сам он после ранения не смог возглавить соединение; командиром стал Петр Вершигора, в мирной жизни режиссер киностудии имени Довженко. Когда началась война, он становится разведчиком, от младшего офицера прошел путь до генерал-майора, за храбрость получил звание Героя Советского Союза.

О том, как партизаны помогали полякам в борьбе против гитлеровских оккупантов, как кровью погибших товарищей связалось их братство, как благодаря освободительной миссии советских воинов рождалось великое чувство интернациональной дружбы,— обо всем этом и расскажет фильм «От Буга до Вислы» (сценарий Игоря Болгарина, главный оператор Эдуард Плучик, художник-постановщик Владимир Агранов).

В работе у режиссера также новый фильм о Корсунь-Шевченковской битве по сценарию Евгения Оноприенко.

Спрашиваю Тимофея Васильевича, почему такое внимание он уделяет военной теме.

— Я был солдатом от первого до последнего дня войны. Она продолжалась четыре года, но не хватит и десятилетий, чтобы описать подвиг народа, его тяжелейшие испытания. Считаю эту тему священной для советского художника. Считаю своей родной темой.

...А начиналось так. Высокий, крепкий кареглазый парень с чернявым чубом — типичный украинский парубок — нерешительно переступил порог Киевского государственного института кинематографии в 1930 году; до этого он, сын крестьянина, окончил педтехникум и был учителем, преподавал в школе, но затем чудо кинематографа захватило так, что он ни о чем больше не думал...

На экраны страны выходили с Киевской студии такие фильмы, как «Земля» Довженко, «Петербургская ночь» Григория Рошаля, «Гармонь» Игоря Савченко, «Три песни о Ленине» Дзиги Вертова... Вскоре вышел и «Прометей» Ивана Кавалеридзе, у него ассистентом режиссера начал Тимофей Левчук.

21 июня 1941 года, в ночь с субботы на воскресенье, на студии заканчивались съемки цветного кинофильма «Майская ночь». А вместе с рассветом над Киевом предутреннюю тишину взорвали фашистские бомбы, возникли зарева пожарищ. И уже во вторник, 24 июня, младший лейтенант Тимофей Левчук повел бойцов в атаку на станции Корынь, что возле Львова.

...Однажды вбежал в землянку политрук. Протянул газету: «Читай, Тимош, про тебя пишут!» Это был очерк писателя Аркадия Первенцева, напечатанный в феврале 1942 года в «Известиях»: «Дума про Тимоша, сына Украины».

Когда я спросила у Тимофея Левчука, какой день был самым радостным в его жизни, а какой — самым печальным, он задумался и наконец решительно произнес:

— День Победы... 9 Мая 1945 года!.. Самый радостный для всех! И самый печальный: ведь погибло двадцать миллионов людей; погибли друзья-товарищи, с которыми делили все. Ты дошел, ты выжил, а они нет. Я плакал и не стыдился своих слез. Это были слезы радости и печали...

На трудных фронтовых дорогах Тимофей Левчук не расставался с мечтой вернуться на родную студию, заняться любимым делом. И едва только демобилизовался, забрал семью в Киев, и сразу же — на проспект Брест-Литовский, к знакомым корпусам.

— Правда,— вспоминает Тимофей Васильевич,— своей постановки ждать пришлось долгонько. Но я решил, что этот час все равно придет!

А пока стал пробовать себя... в песне.

Начинать нужно с того, что хорошо знаешь, считает режиссер. И ему ли, выросшему на щедрой украинской природе, не знать песню, не помнить, как пели и танцевали парубки с девчатами на «вечорницах». В песне душа народа: щедрая, лиричная, нежная и мужественная. И он попробовал представить это в кино, сняв документальный фильм «Украина поет». Картина получилась. Потом он сделал несколько публицистических кинолент. Затем фильм о Николае Васильевиче Гоголе и, наконец, полный динамики кинорассказ о Киеве... Настал и долгожданный час. В 1952 году режиссеру поручили перенести спектакль «В степях Украины» на экран. И это прекрасно получилось.

А вскоре пришел черед работы и над фильмом «Пламя гнева» по сценарию Любомира Дмитерко, посвященным 300-летию воссоединения Украины с Россией.

— Меня всегда привлекала личность Ивана Франко,— говорит режиссер.— Я с огромным уважением отношусь к его творчеству. Представляете, он написал более пяти тысяч произведений! Подумать только, какая цифра! Я горжусь тем, что первый снял фильм об этом великом сыне украинского народа. Но эта тема не исчерпана. Так же, как и тема о Бальзаке. Только часть его биографии попытался я представить в картине по мотивам повести украинского писателя Натана Рыбака «Ошибка Оноре де Бальзака». Пусть другие сделают лучше, я не против! На то и молодежь в искусстве, чтобы дерзать, пробовать...

Беззаветно преданный своей профессии режиссера — и только режиссера, как говорит сам Левчук, он всегда помнит, что без труда еще многих и многих людей фильм никогда не увидел бы света. Кино — это искусство прежде всего коллективное. Он откровенный и последовательный сторонник того принципа, что режиссер должен раствориться в актере. Его правило: дать каждому проявиться мощно и активно.

— Среди больших личностей, с кем я делил свою творческую судьбу,— вспоминает Тимофей Левчук,— всегда помню имя Ивана Кавалеридзе. Мой первый учитель. Мы полвека назад повстречались с ним в Одессе, во время съемок «Коливиівщины». А потом долго-долго дружили. Кавалеридзе пришел в кино в период его становления, пришел сложившимся и известным мастером. Он был художник, скульптор, постигавший основы ваяния в мастерской великого Родена.

А кино Александра Петровича Довженко — источник принципиально нового, революционного кинематографа. До сих пор живет во мне память о нем. Помню и тот знаменательный день в доме по бульвару Шевченко, 12, где Довженко — элегантный, взволнованный, одухотворенный, словно бы влетел к нам из своего особого поэтического мира. Он должен был читать академическую вступительную лекцию для первого режиссерского курса Киевского института кинематографии. Пришел и сел на стол, подвернув ногу под себя, чем отчасти даже и шокировал кое-кого из нас, трепещущих «киномладенцев». Ни разу не передохнув, произнес он вдохновенное слово о задачах режиссера-художника в освоении не только эстетических, но и социальных, политических, философских течений времени, об активном отношении кинематографа к жизни страны и народа...

Наконец, Игорь Савченко — человек близкий и дорогой, художник бурный и страстный. Его самозабвенное отношение к жизни я ощутил с первой же встречи и продолжал ощущать все долгие годы нашей дружбы.

Свою собственную преподавательскую деятельность в Киевском институте театрального искусства имени Карпенко-Карого я теперь рассматриваю как долг, который возвращаю молодым в память тех, кто когда-то снаряжал и меня в самостоятельное творчество. Общение с молодостью — всегда общение с будущим. Потому я и люблю институтскую часть своей жизни, хоть и хлопотливую, но для меня притягательную.

Талантливый режиссер, депутат Верховного Совета республики, Левчук ведет большую общественную деятельность. Недавно он отчитывался перед своими избирателями — жителями районного центра Городок на Львовщине.

— Когда же вы отдыхаете? И как? — спросила я.

— Играю в футбол с младшим внуком Витей. Стараюсь не пропустить ни одного концерта,— песня всегда приносит успокоение. Люблю природу, очень люблю. Часами могу бродить по лесу.

Но более всего люблю людей, люблю быть с ними, чувствовать, что я им нужен.

Елена РЫБИНА

СТОЛИК В УГЛУ

Борис ЛАСКИН

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Огладив прическу, Рубцов выложил бабочку строго по горизонтали, а рукава сорочки вытянул так, чтобы кромки манжет белели ровно на сантиметр. Лицо Рубцова выражало холодную сдержанность. Он подражал Илье Михайловичу — старшему официанту. Тот учит — никакого лакейства, не наш стиль. Побольше чувства собственного достоинства, но не нос задирать, а дать понять любому — каждый человек работает на своем участке, но и официант, он тоже не развлекается под оркестр. Работа у нас не легкая, за смену марафонскую дистанцию набегаешься и все время внатяжку — туда-сюда, туда-сюда; так что, как говорится, будем взаимно вежливы.

Мысленно повторяя этот урок, Рубцов перетирал фужеры, когда в зал вошли трое — девушка и два парня. Оглядевшись, они выбрали столик в углу у окна.

Их заметил Соломкин, тихо сказал:

— Иди, Сашок, к тебе сели. По виду вроде бы оттуда, откуда и ты.

— Почему так считаешь?

— Да я смеюсь.

Рубцов пошел плавно и неслышно. Направляясь к угловому столику, он еще издали узнал Славку Малахова. Парень и девушка тоже, наверное, были оттуда. Ведь это надо — как Соломкин точно определил. Вообще-то люди как люди, но что-то в них все же есть особое. Те, что серьезное дело делают, чем-то они в массе выделяются. Солидностью и веселостью, но неброской, не как студенты из стройотрядов — шум, гам и гитарный звон. У этих людей своя красочка, в глазах задор: мол, мы пришли. Что нам требуется? По полпорции внимания каждому или одну порцию на всех. Свободного времени у нас ноль целых, так что в темпе пообедаем, и до свидания, мама, привет родным и близким.

Рубцов замедлил шаг. Было бы лучше, если бы эти трое сели к Соломкину или к Зайкову, но уже поздно — они видели: к ним идет официант. Конечно, Славка его узнает, а может, и не узнает. Впрочем, поглядим. Как будет, так и будет.

— Добрый день.— Рубцов протянул девушке меню.

Так учит Илья Михайлович — первой меню получает дама. Она сидела, читала — русая, коротко стриженная, в зеленой водолазке, обтягивающей сильную фигуру.

— Славик! Артем! Вот я какую программу наметила. Товарищ официант, запишете или так запомните?

— Слушаю вас.— Рубцов открыл блокнотик.

— Заранее тебе обещаем, Зинуля, твою программу выполним,— сказал Артем.

— И даже перевыполним,— бодро сказал Малахов, потирая руки.

«Неужели не узнал?— подумал Рубцов.— Этого не может быть. Или решил пойти мне навстречу, не ставить в неловкое положение?»

— Товарищ официант, как вас по имени-отчеству?— спросил Малахов.

— Александр Яковлевич,— ответил Рубцов, что-то старательно чертя в блокнотике. «Давай, давай, делай вид, что мы не знакомы. Если на меня работаешь — спасибо, если же себя стараешься поднять повыше,— действуй».

— Хочу вам, Александр Яковлевич, один вопрос задать.

— Слушаю вас.

— Но вы честно скажите — да или нет. Только честно — у вас пиво есть?

— Есть пиво. «Жигулевское»,— ответил Рубцов и подумал: «Один ноль в твою пользу».

— В таком случае принесите пару бутылочек.

Рубцов записал — «два пива». «Девушка—Зинуля, а этот чернявый — Артем. Они так, на подхвате, а главный здесь Малахов. Эти, наверно, из его бригады».

— Значит, так,— начала Зинуля.— Три салата из помидоров. Лапша куриная всем, а на второе... Что вы нам посоветуете на второе?

— Все в ваших руках, Александр Яковлевич,— сказал Артем, и Рубцову почудилась в его тоне легкая подначка.

— Дело вкуса. Могу предложить шницель рубленый со сложным гарниром.

Артем поднял руку:

— Принято единогласно.

— Годится,— добавил Малахов.— Но только чтоб побольше было сложностей. Наша задача — преодолевать любые сложности.

— Ясно.—Рубцов улыбнулся слабо, едва заметно. «Сейчас от гарнира перейдешь к основному. Насчет зимней стужи выступишь, насчет трудностей быта на трассе. Ну, начинай!»

— А на третье — мороженое,— сказала Зинуля,— и еще чаю с пирожными.

— Приступайте,— сказал Артем.— А чтоб вам не делать лишний рейс, вместе с салатами пива принесите.

Минут десять спустя, неся на подносе салат, хлеб, пиво, Рубцов уже окончательно утвердился в мысли о том, что Славка Малахов и впрямь его не узнал. И ничего удивительного — очень уж он сегодня отличался от того Шурика Рубцова в ватнике, в валенках и в здоровущем малахае, каким мог запомниться Малахову. А сейчас-то он не Шурик, он Александр Яковлевич — черный костюм, белая сорочка, бабочка, тихий голос. А ведь сколько там парней, его одногодков, на него похожих, а у него внешность самая что ни на есть обыкновенная, рост средний, глаза карие. Смешно было подумать, что он стесняется своей новой работы. Работа как работа, а если чего и стесняться, то, может быть, только того, в какой спешке, с какой неловкой возней в медпункте были связаны его увольнение и отъезд. Об этом сейчас не хотелось думать, да и знал об этом только один из присутствующих — Славка Малахов — несгибаемый бригадир и, объективно говоря, крепкий парень во всех отношениях.

— Александр Яковлевич,— сказал Малахов, когда Рубцов поставил на столик еду и разлил по фужерам пиво,— пока вы уходили, были на задании, у нас получился небольшой спор...

Малахов сделал паузу. Он не без лукавства смотрел на Рубцова, а тот уже мысленно продолжил малаховскую фразу: «Я им говорю, что этот официант Александр Яковлевич вкалывал у нас на трассе, а они мне говорят, что я ошибаюсь».

— Мы с товарищем решили, что надо заказать двести грамм водочки, а Зина сказала — дело ваше, я в этом не участвую.

— Так о чем же был спор?— улыбаясь, спросил Рубцов.

— А спор был о том, хватит ли нам на двоих такого количества?

— В самый раз. Больше не надо.

Рубцову не хотелось, чтобы ребята хватили лишнего и возникло бы нечто похожее сперва на конфликт, а затем и на скандал с падающими стульями и звоном посуды, что ему уже не раз доводилось видеть в итоге неумеренного принятия винно-водочных изделий.

По просьбе ребят Рубцов добавил им закуски, они выпили по рюмке за здоровье Зинули, которая на стройке, по словам Артема, представляла собой лучшую половину прогрессивного человечества. Судя по всему, у них было хорошее настроение. Рубцов стоял в отдалении и вдруг подумал: если Малахов подмигнет или каким-нибудь другим способом даст ему понять, что он его узнал и предпочитает об этом не распространяться, Рубцов в ответ сделает такое лицо, что тот поймет, что он благодарен ему, Славке Малахову, за его исключительную тактичность. Что было, то было. Что сделано, то сделано.

— Можно подавать второе?— спросил Рубцов.

— Минуточку,— сказал Малахов.— Шницель от нас никуда не уйдет, тем более он рубленый. У нас тут возникла бытовая проблема. Берите стул, присаживайтесь.

— Ничего. Я постою,— сказал Рубцов. Он вспомнил слова Ильи Михайловича — официанту ни в коем случае не положено присаживаться к столику.

Ребята заметно оживились и повеселели.

— Артем, изложи!— сказал Малахов.

— Ладно вам,— бросила Зинуля.— Уймитесь.

— Александр Яковлевич,— серьезно начал Артем.— Лично я слесарь-монтажник. Одним словом, человек со специальностью. Принял я решение сочетаться с одной хорошей девушкой по имени Зина. Но она не дает мне положительного ответа. Зина считает, что я имею склонность вот к этому.— Он показал на графинчик.— А я ей говорю, что у меня все в норме и из рамок я не выхожу...

Пока Артем произносил свою речь, Рубцов поглядывал на девушку. Она мирно улыбалась парню, и по всему было видно, что все, что она сейчас от него слышит, выдумка и чистейший треп.

— Я, конечно, вижу вас впервые,— сказал Рубцов, взглянув на Малахова и уже потом на остальных,— и у меня сложилось впечатление, что это вы только шутите. А по существу, и вы, и ваш товарищ, и, безусловно, девушка по имени Зина — люди, как говорится, глубоко положительные...

— Все! Обвинение снято,— сказал Малахов.— Артем свободно может выполнять то, что задумал, а именно: пригласить меня и других его товарищей на свадьбу, и чем скорей, тем лучше, то есть еще до начала движения поездов по нашей трассе.

— В таком случае иду за вторым,— отозвался Рубцов.

Стоя на раздаче, он опять подумал о том, что Малахов, конечно же, его узнал и теперь своим умным поведением, самой атмосферой их дружеского застолья оказывает нужное воздействие на Шурика Рубцова из их трудовой компании. А если это действительно так, то значит, что он хитрый малый. Никогда не надо особо сильно нажимать в такие минуты. Не надо в лоб агитировать, если у человека есть голова на плечах и у него хватает ума разобраться что к чему и понять, твердо понять, где сегодня главней в ходе всей жизни. «А ведь он не поправил меня, когда я сказал, что вижу их впервые, и его в том числе. Он ведь запросто мог сказать, что для вас это официант Александр Яковлевич, а для меня — Шурик Рубцов, бывший товарищ по работе». Последняя мысль окончательно успокоила Рубцова. Можно не ждать, что образуется ледок недоброжелательства между ним и Славкой Малаховым.

Он принес им второе, потом мороженое, потом и чаю с пирожными, и ему уже казалось, что пришли ребята не в ресторан «Тайга», а к нему домой, как друзья и однокашники.

Он выписал счет и наотрез отказался от чаевых. «Не тот случай»,— сказал он, и в ответ на их желание подкинуть ему пару целковых заключил строго и значительно:

— Давайте не будем ссориться.

Они попрощались. Сперва он пожал руку Зинуле, затем Артему и под конец Малахову.

— Большое спасибо за обед и вообще,— сказала Зинуля.

— На здоровье,— поклонился Рубцов.— Заходите.

Он проводил их до дверей зала.

Убирая посуду, он против места, на котором сидел Малахов, увидел забытую зажигалку. Он взял ее и быстро пошел к выходу, но сам Малахов уже шел ему навстречу.

— Пришлось, к сожалению, вернуться,— сказал Малахов, и в глазах у него было такое выражение, что Рубцов насторожился.— Александр Яковлевич, я забыл на столе...

— Совершенно точно.

Рубцов подал ему зажигалку, и тот, не глядя, опустил ее в карман.

— А больше я сегодня ничего не забыл?

— Вроде бы нет.

— А если подумать?..

— Да я уж думаю.

— Часто?

— Может, не так часто, но подолгу думаю.

— И что же, Александр Яковлевич?

Рубцов помолчал.

Малахов не спеша закурил. Предложил сигарету Рубцову. Тот покачал головой.

— Спасибо, Славка.

— За что спасибо?

— Сам знаешь, за что.

— Шурик, а наша Лялька тебе пишет?

— Да.

— А ты ей?

— И я ей пишу...

— Ну и как, дождется она тебя?

Рубцов ответил не сразу:

— Думаю, что да.

— Все. Пока больше нет вопросов. Думай, соображай, принимай решение... Шурик, мы у всего мира на виду. Будь! — Он крепко пожал ему руку.

Рубцов улыбнулся:

— Ступай. Там тебя Артем с Зинулей дожидаются.

— Ничего. Подождут. Они знают, зачем я вернулся.

— За зажигалкой.

— Не только. Они все знают. До свидания, Шурик.

— Пока, Славка. Еще раз спасибо.

— На здоровье,— сказал Малахов и вышел из зала.

РУССКОЕ ШИТЬЕ

Старинное искусство вышивания молодо и в наши дни. Недавно на 50-летнем юбилее московской фабрики «Художественная вышивка» бурными аплодисментами встречалась каждая модель платья из льняного полотна с лавсаном, отделанная русским шитьем.

Ни одна женщина в зале не осталась равнодушной перед коллекцией кремовых, серых, розовых платьев — простых и красивых. И отделка — художественное шитье — как нельзя лучше гармонировала со скромными, но модными фасонами. Эти платья охотно раскупают во всех магазинах страны.

Выпускает еще фабрика и шерстяные сарафаны, юбки с декоративной вышивкой, яркий шелк с купонной вышивкой. А сколько сувениров было изготовлено здесь во время Олимпиады!

Старая московская фабрика, цеха которой разбросаны по четырем районам столицы, за последние десять лет неузнаваемо изменилась. Ручное оборудование полностью заменили автоматами и полуавтоматами. Реконструкция выдвигала новые задачи, требовала особого умения, заставила перестраивать работу всех производственных звеньев. Искали новых решений и фабричные художники, модельеры. Результат поиска — новый вариант шитья: по льну с лавсаном и купонное по шелку. Новинка позволила сохранить и приумножить традиции старинного искусства, позволила коллективу фабрики трудиться более творчески, производительно. План десятой пятилетки был выполнен здесь на два месяца раньше срока. Пятнадцать изделий выпускается теперь с государственным Знаком качества, четыре — с индексом «Н».

Художественная лаборатория фабрики, которой руководит Нина Степановна Кобликова,— центр творческой мысли, всего нового, что внедряется в производство. Четыре художника, три модельера, конструктор и главный технолог — ее штат. Но трудно показать свою работу художникам без мастерства вышивальщиц. А на фабрике есть настоящие кудесники этого тонкого дела: Тамара Михайловна Баранова, которая вот уже 30 лет занимается любимой вышивкой, закрощица Людмила Федоровна Терехова, швея-мотористка Татьяна Семеновна Земскова...

Нельзя не отметить, что на фабрике «Художественная вышивка» текучесть кадров совсем небольшая. Две трети тружениц работают тут по 10—20 и более лет. Часто опытные мастерицы приводят сюда своих дочерей, подруг. На фабрике — 15 семейных династий: Белитовы, Шараповы, Дубовицкие, Егоркины, Петуховы...

Да и директор Вера Александровна Домова тоже представительница одной из фабричных династий. 34 года назад привел ее сюда отец — первоклассный вышивальщик. Здесь Домова училась работать, была вышивальщицей, мастером, начальником цеха и вот уже семнадцатый год руководит предприятием.

Почему люди не уходят с фабрики, остаются здесь навсегда, на всю жизнь? Многое прояснила фраза, оброненная директором: «У нас все просто, как дома». Это правда. Есть тут неуловимый, светлый оттенок домашности. Кроется он и в вышитых самими работницами занавесках, что висят в чистых цехах, и в том, что здесь никто не говорит громко: в слове к каждому — внимание и ласковость. А может быть, секрет надо искать в отлаженном ритме работы, без торопливости и суеты? Возможно... Главное, на фабрике человеку легко дышится, работается.

Недаром многие работницы фабрики называют ее вторым домом. Каждый пришедший сюда знает: здесь уважают тебя и твой труд, и что бы ни случилось — тебя правильно поймут и помогут.

Т. МАКСИМОВА

«Двери открыты всегда»

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ: ЧТО СДЕЛАНО!

Так называлась документальная хроника пяти рабочих дней из жизни заводского комитета профсоюза ивановского завода производственного объединения «Автокран», опубликованная в «Огоньке» (см. №№ 47, 48 за 1981 год). В ней был поставлен ряд вопросов, актуальных в ходе подготовки к XVII съезду профсоюзов. Редакция получила письмо Н. И. Зиновьева, председателя ЦК профсоюза рабочих тяжелого машиностроения. В нем, в частности, говорится:

«Публикация в «Огоньке» материала «Двери открыты всегда» полезна и своевременна. Нерешенных проблем в работе профсоюзных организаций производственных объединений много. Центральный комитет профсоюза постоянно работает над их устранением. Полностью согласны с фактами и их оценкой в хронике пяти рабочих дней из жизни завкома и профсоюзной организации ивановского завода объединения «Автокран».

Штаты и финансирование профкомов ПО и НПО являются компетенцией ВЦСПС. Эти вопросы поставлены Центральным комитетом профсоюза перед вышестоящим профсоюзным органом.

В ВЦСПС будет проведено совещание с председателями профкомов ПО и НПО и представителями центральных комитетов профсоюзов с целью выработки рекомендаций по указанным проблемам. На совещании намечено выступление тов. В. Н. Соколова.

Центральный комитет профсоюза проводит работу по сокращению отчетности, поступающей с мест. Этот вопрос детально рассмотрен на заседании президиума ЦК профсоюза. Намечено дальнейшее сокращение запрашиваемой информации.

За выездами работников аппарата ЦК профсоюза налажен четкий контроль. Составлен график командировок, утвержденный руководством ЦК профсоюза, исключающий выезды работников отделов в одни и те же районы...»

КРОССВОРД

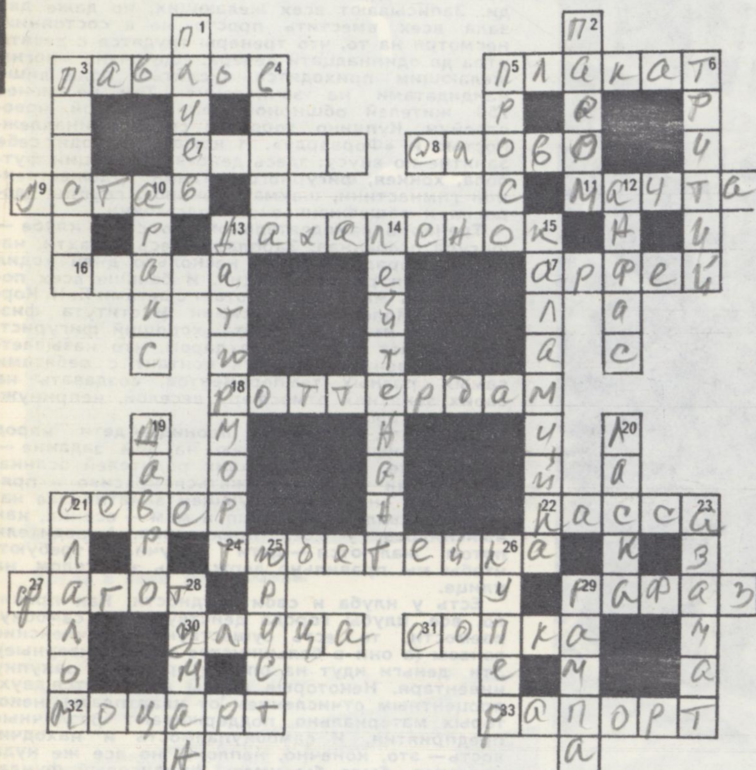
По горизонтали: 3. Советский физиолог, академик. 5. Вид графики. 7. Озеро в Красноярском крае. 8. Одна из основных единиц языка. 9. Свод правил. 11. Судовая вертикальная конструкция на палубе. 13. Рассказ М. А. Шолохова. 16. Река в Забайкалье. 17. Балет И. Ф. Стравинского. 18. Город в Нидерландах. 21. Одна из четырех стран света. 22. Денежная наличность предприятия, учреждения. 24. Шапочка с узорами. 27. Духовой музыкальный инструмент. 29. Индийский физик, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 30. Пространство между рядами домов в населенном пункте. 31. Небольшая гора на Дальнем Востоке. 32. Австрийский композитор XVIII века. 33. Доклад при обращении военнослужащего к командиру.

По вертикали: 1. Военачальник, дважды Герой Советского Союза. 2. Судно или плот для переправы. 3. Французский живописец XVII века. 4. Малая планета. 5. Злак. 6. Изотоп водорода. 10. Река в СССР и Иране. 12. Вид лица спереди. 13. Жанр изобразительного искусства. 14. Офицерское звание. 15. Украинская народная песня. 19. Кожа хромового дубления. 20. Животное семейства куньих. 21. Горнолыжный спуск по специальной трассе. 23. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 25. Специалист по правовым вопросам. 26. Автор романа «Последний из могикан». 28. Скопление водяных капелек в атмосфере. 29. Осветительная аппаратура на полу сцены.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 3. Лермонтов. 5. Юдома. 6. Адрес. 9. Песня. 10. Ярлык. 12. Ташкент. 15. Семинар. 16. Анданте. 17. Болонка. 20. Кулибин. 21. Алгебра. 22. Аэрарий. 25. Апорт. 27. Ванин. 28. Абзац. 29. Манто. 30. Куропатка.

По вертикали: 1. Громова. 2. Стадион. 3. Ладья. 4. Время. 7. Осмий. 8. Алмаз. 9. Преамбула. 11. Катамаран. 12. Трибуна. 13. Коломна. 14. Таганай. 18. «Мирон». 19. Серна. 23. Эскадра. 24. «Иоланта». 26. Тюбик. 27. Ветла.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Юность Афганистана. (См. в номере материал «В Афганистане».)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Директор фабрики «Художественная вышивка» Вера Александровна Домова и главный художник Нина Степановна Кобликова. * Ворот пальто. Модельер Т. А. Герасимова, художник Л. С. Яковлева. * Наволочка для диванной подушки. Художник О. С. Нидовиченко. * Фрагмент вышивки покрывала на кресло. Художник Л. К. Чижова. * Наволочка для диванной подушки. Художник Л. С. Яковлева. * Вышивальщица Нина Алексеевна Воронина. (См. в номере материал «Русское шитье».)

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 18.01.82. Подписано к печати 02.02.82. А 00315. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 316. Заказ № 1829.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Тренировка юных футболистов из клуба «Форвард».

«ФОРВАРД», «ГРАЦИЯ» И ДРУГИЕ

О. ПЕТРИЧЕНКО

Фото А. БОЧИНИНА

В. Пчелкина, маляр одного из ленинградских строительных трестов, свою спортивную биографию решила начать с группы здоровья. Улыбается: «Так уж получилось, что до зрелых лет дожила, а физкультурой никогда серьезно не занималась. А тут смотрю, по скверу совсем уж ветхие старички бегают, да и по телевизору в передаче «Папа, мама, я — спортивная семья» тоже моих ровесников нередко показывают. Ну, думаю, а чем я-то хуже? И хоть на производстве, а пуще того от домашних хлопот устаешь—решилась. И вот втянулась, чувствую, что это для меня сейчас лучше всяких лекарств. Так что спасибо «Форварду» и тем, кто его придумал,— очень удобно заниматься спортом, что называется, без отрыва от места жительства».

У клуба с таким неожиданным названием нет знаменитых воспитанников-чемпионов. И нет особой истории — создан он был всего три года назад и в большом городском спорте проявил себя разве что мальчишками-футболистами, уверенно выступающими в соревнованиях на приз «Надежды кожаного мяча». Но летопись его началась с довольно примечательной победы над... целой сотней борцов «Локомотива», занимавших спортзал в одном из помещений торгового центра на Бухарестской улице. Прямо скажем, не просто и хлопотно было переселить увесистых «классиков» с обжитого места. Но победил здравый смысл: взрослые борцы могут тренироваться в любом другом месте города, а для окрестных мальчишек и девчонок, их пап и мам куда удобнее заниматься спортом рядом с собственным домом. К тому же и отдача зала возросла многократно — теперь он служит не нескольким десяткам, а нескольким сотням человек.

Вообще в действиях ленинградских спорторганизаторов следует отметить логику и хорошее знание психологии. Ведь чего скрывать, сколько наших благих порывов разбивается об элементарные бытовые неудобства. Для семейного, связанного многими обязанностями человека не так-то просто выкроить из своего напряженного распорядка полтора-два часа на тренировки. Особенно если ради них приходится ехать самому, а нередко еще и везти с собой ребенка порой через весь город в спортклуб «своего общества». Куда сподручнее, если не ты приноравливаешься к спортзалу, а он к тебе. И отправиться туда можно — без всяких хлопот — всей семьей, да еще сагитировав своим примером соседей, близко живущих друзей.

Так возникла идея стадионов под окнами, реальным воплощением которой стал организованный в 1966 году в Московском районе Ленинграда клуб «Грация». Мало кто из тогдашних энтузиастов рассчитывал, что это начинание обретет крылья и даст такие всходы. Но жизнь быстро подтвердила: замысел идеально отвечает давно назревшим потребностям. И клубы при жэках стали возникать один за другим. Правда, количество их еще не гарантировало качества — клубы «болели», ударяясь вдруг в повальное увлечение культуризмом или каратэ; некоторые исчезали вовсе — далеко не все сумели решить организационные, финансовые проблемы. И все же, пройдя через все испытания, они доказали свое право на существование — сегодня уже десятки тысяч людей занимаются спортом, образно говоря, у себя под окнами. И вполне заслуженно опыт ленинградцев по организации физкультурно-спортивных комплексов по месту жительства был отмечен в недавнем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта».

«Форвард» — новичок в славной когорте ленинградских ФСК. Новичок энергичный, бодрый, в чем немалая заслуга его начальника В. Воробьева. По основной специальности Валерий слесарь-сборщик, ну а по призванию, как выяснилось, тренер-общественник. Сколько себя помнит, всегда возился с ребятами. Ездил с ними в лагерь вожатым, физруком, дома после работы собирал, тренировал футбольные команды мальчишек, безжалостно расходуя на них свое время и деньги. В райкоме комсомола, райспорткомитете приметили инициативного, увлеченного парня, и, когда встал вопрос об организации «Форварда», возглавить его предложили Воробьеву.

— Так неожиданно для себя я обрел солидное звание начальника,— говорил Валерий.— Но роль свою, конечно, не преувеличиваю — клуб — дело общее, руководящая роль в нем принадлежит тренерскому совету и родительскому комитету. Вместе думаем, как лучше истратить собранные взносы, как интереснее наладить работу, вместе обсуждаем кандидатуры приглашенных наставников. Особое внимание уделяем так называемым трудным подросткам и ребятам из неблагополучных семей. Всеми силами стараемся привлечь их в клуб и освобождаем от всякой платы. Если для людей старшего возраста наш клуб — это прежде всего здоровье, то для соседских мальчишек — место, где они могут показать свои лучшие качества — ум, храбрость, силу,— не доставляя хлопот участковому.

...Получив в свое распоряжение еще один аналогичный спортзал на соседней улице, «Форвард» стал первым ФСГ Ленинграда, располагающим для своих нужд приличным количеством квадратных метров спортивной площади. Записывают всех желающих, но даже два зала всех вместить просто не в состоянии: несмотря на то, что тренеры трудятся с девяти утра до одиннадцати вечера, еще очень многим желающим приходится числиться пока лишь кандидатами на зачисление. Тем не менее 750 жителей обширной ленинградской новостройки Купчино гордятся своей принадлежностью к «Форварду». И каждый находит себе занятие по вкусу: здесь действуют секции футбола, хоккея, фигурного катания, художественной гимнастики, шахмат, тенниса, группы здоровья и общефизической подготовки.

Тренер в самодеятельном, по сути, клубе — фигура особенная. Зарплата здесь не ахти, нагрузки порядочные... Я несколько дней ходил на занятия разных секций. И больше всех понравилось мне, как работает с детьми Л. И. Корзинин. Молодой выпускник Института физкультуры имени Лесгафта, хороший фигурист, он обладает счастливым даром, что называется, мгновенно находить контакт с ребятами самых разных темпераментов, создавать на своих занятиях атмосферу веселой, непринужденной игры.

— Знаете,— говорит Леонид,— дети народ удивительный. Вот задаю на дом задание — посмотрите, какая у ваших родителей осанка. Мы с вами учимся держаться красиво и прямо, а как они? На следующем занятии все наперебой хвалят своих пап и мам — осанка, как выяснилось, у всех прекрасная. А родители потом жалуются — дети замучили, требуют, чтобы мы правильно держались за столом, на улице.

Есть у клуба и свои трудности. Как правило, все клубы города действуют на самоокупаемости, то есть существуют на членские взносы (а они в большинстве своем мизерные). Эти деньги идут на оплату тренеров, закупку инвентаря. Некоторые клубы пользуются двухпроцентным отчислением от квартплаты, некоторых материально поддерживают различные предприятия. И самоокупаемость и находчивость— это, конечно, неплохо, но все же куда полезнее было бы иметь финансовый фундамент понадежнее. Ведь любая задержка со взносами ставит клубы в весьма незавидное положение. Есть ли выход из него?

Любопытный разговор на эту тему состоялся у меня с Ю. Я. Епифановым — заместителем начальника цеха завода «Большевик». Юрий Яковлевич — мастер спорта по тяжелой атлетике, в свое время защищал честь Ленинграда на первенствах СССР. Так что в спорте человек не посторонний — тем примечательнее, что своего сына Игоря привел именно сюда: серьезная постановка дела в «Форварде» ему нравится. Что же касается финансовых проблем... Юрий Яковлевич пригласил меня выйти на улицу и показал ярко светившиеся в синеве морозного вечера окна зала через дорогу.

— Это клуб «Олимпийские надежды», над которым шефствует наш завод. Побывайте непременно, посмотрите, какие там условия,— даже сауна есть! И нам вполне под силу содержать несколько подобных клубов. Своей спортплощадки заводу явно не хватает, а эти обеспечены и тренерами, и оборудованием, и чем угодно. Польза от них, на мой взгляд, обоюдная: район получает отлично оснащенные комплексы, ну а для нас выгода уже в том, что мальчишки, девчонки с детства будут связаны с нашим предприятием.

Дело только за залами. Их получить трудно, хотя по вечерам пустуют десятки школьных залов, а дирекция многих стадионов с усердием, достойным лучшего применения, гоняет со своих арен окрестных мальчишек...

Многое делается у нас для того, чтобы покончить с подобным формализмом, обеспечить подлинную массовость физической культуры и спорта. Опыт ленинградцев по организации спортивных клубов по месту жительства — лучшее тому доказательство.

Сережа Сподопаев будет вратарем.

Когда в зале тренировка.

«Форвард» славится и хоккеистами.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

